

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»

На правах рукописи

Сунгатуллин Аллен Юрикович

ПОСРЕДНИЧЕСТВО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук,
профессор Бриллиантов А.В.

Москва – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступления в истории отечественного права	11
§1.1. Посредничество в уголовном праве России X – XIX столетий ...	11
§ 1.2. Посредничество в уголовном праве России XX столетия	41
ГЛАВА 2. Понятие посредничества в совершении преступления	55
§2.1. Понятие и признаки посредничества в совершении преступления	55
§2.2. Система уголовно-правовых норм о посредничестве в совершении преступления в УК РФ	77
ГЛАВА 3. Актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации посредничества в совершении преступления	89
§3.1. Посредничество во взяточничестве	89
§3.2. Посредничество в криминальных сделках	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	155
ПРИЛОЖЕНИЯ	174

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современное состояние преступности характеризуется становлением новых и совершенствованием прежних форм и видов криминальной деятельности. Одним из направлений эволюции преступности по справедливости можно считать развитие такой криминальной практики, как содействие совершению преступления, склоняющие других лиц к поступкам, противоречащим нормам уголовного закона. Такие случаи получают все большее распространение, в особенности при совершении различного рода криминальных сделок, когда стороны таковых не решаются напрямую осуществлять задуманное. В этих условиях специфичная роль отводится посреднику в совершении преступления.

В российском уголовном законодательстве посредничество в совершении преступления не выделяется в качестве самостоятельного вида соучастия; не предусмотрена в законе и общая норма об ответственности за посредничество в совершении преступления. В условиях распространения подобной криминальной деятельности, в частности в коррупционных преступлениях, законодатель счел нужным установить в рамках самостоятельной уголовно-правовой нормы ответственность лишь за посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ), тогда как посредничество в совершении иных преступлений может быть квалифицировано с учетом предписаний института соучастия о пособничестве.

Однако в том виде, как это предусмотрено в действующем уголовном законе, ответственность за посредничество во взяточничестве выглядит как полумера. Во-первых, возникает вопрос об отсутствии специальных норм, применимых к иным видам криминального посредничества (например, родственной взяточничеству коммерческий подкуп). Во-вторых, не определено место посредника в системе видов соучастников преступления.

При этом, помимо множества теоретических вопросов, сложившаяся ситуации предопределяет противоречия в правоприменительной практике, которые нередко обретают форму квалификационных ошибок.

Указанные обстоятельства в совокупности определяют актуальность, своевременность и социальную значимость исследования вопросов уголовно-правовой борьбы с посредничеством в совершении преступления.

Степень разработанности темы исследования. В доктрине уголовного права фундаментально разработаны теоретические основы учения о соучастии в преступлении (С.С. Аветисян, А.А. Арутюнов, Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, М.И. Ковалев, А.П. Козлов, П.Р. Тельнов, А.В. Шеслер и др.). Достаточно подробно рассматривались также вопросы пособничества в совершении преступления (В.Ю. Шубина, Т.И. Косарева и др.), подстрекательства к преступлению (З.А. Абакаров, А.В. Пушкин и др.). Вместе с тем, понятие, правовая природа и юридическое значение посредничества в совершении преступления в качестве самостоятельной научной проблемы в отечественной науке еще не анализировались, что позволяет говорить о наличии определенного пробела в теоретическом познании темы.

Цель исследования состоит в разработке теоретических положений, характеризующих уголовно-правовую природу посредничества в совершении преступлении и в определении оптимальных средств уголовно-правового воздействия на посредничество, исходя из теоретического признания посредника самостоятельным видом соучастника.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие исследовательские задачи:

- 1) провести историко-правовой анализ посредничества в уголовном праве России X – XIX столетий;
- 2) рассмотреть признаки посредничества в уголовном праве России XX столетия;
- 3) разработать и сформулировать понятие посредничества в совершении преступления, раскрыть основные признаки посредничества;
- 4) дать юридическую характеристику системы уголовно-правовых норм о посредничестве в совершении преступления в УК РФ;

5) исследовать уголовно-правовое значение посредничества во взяточничестве;

б) изучить вопросы квалификации посредничества в криминальных сделках.

Объектом диссертационного исследования выступают правоотношения, складывающиеся в сфере уголовно-правовой оценки фактов посредничества в совершении преступления и противодействия им.

Предмет исследования составляют уголовно-правовая характеристика посредничества в совершении преступления, теория и практика применения норм отечественного уголовного права, предусматривающих ответственность за посредничество в совершении преступления.

Методологической основой диссертации выступают категории и принципы диалектики: историзм, всесторонность, объективность, связь теории и практики; использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация) и частно-научные методы (историко-правовой, системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой, анализ документов, экспертного опроса).

Источниковая база исследования представлена Конституцией РФ, Уголовным кодексом РФ; Гражданским кодексом РФ.

Для изучения историко-правовых аспектов темы были привлечены правовые памятники Российского государства X – XX веков (Русская правда, Соборное Уложение, Воинские Артикулы, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Уголовное Уложение, Уголовные кодексы РСФСР).

В сравнительно-правовом аспекте исследовалось уголовное законодательство Франции, ФРГ, Израиля, Латвии, Болгарии, Японии, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Украины, Азербайджана.

Теоретическую основу исследования образуют достижения отечественной науки уголовного права, составляющие учение о преступлении и составе преступления (Я.М. Брайнин, А.В. Бриллиантов, Л.Д. Гаухман, Н.Г. Кадников, М.П. Карпушин, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.И. Курляндский, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог, А.Н. Трайнин и др.); учение о соучастии в преступлении

(С.С. Аветисян, А.А. Арутюнов, А.Г. Безверхов, Л.А. Букалерева, Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, М.И. Ковалев, А.П. Козлов, П.Р. Тельнов, А.В. Шеслер и др.).

Эмпирическую базу исследования составили итоги изучения материалов 210 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 105, 127¹, 174, 174¹, 175, 204, 222, 228, 228¹, 290, 291, 291¹ УК РФ и др., и рассмотренных судами Республики Башкортостан за период с 1995 по 2016 гг.; результаты обобщения опубликованной практики Верховного Суда РФ (более 80 документов); данные экспертного опроса 29 судей Верховного суда Республики Башкортостан уголовной коллегии, 56 федеральных судей, 40 мировых судей, 57 следователей органов внутренних дел Российской Федерации, 19 следователей Следственного комитета Российской Федерации (всего – 201 специалист).

Научная новизна работы состоит в определении уголовно-правовой природы и формулировке понятия посредника в совершении преступления, систематизации норм об ответственности за посредничество в совершении преступления, обосновании перспектив дополнительной криминализации посредничества в совершении преступлений, разработке рекомендаций по квалификации посредничества в совершении преступлений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. *Выявлена тенденция расширения перечня общественно опасных деяний, криминализированных в качестве посредничества в совершении преступления.* Несмотря на то, что наказуемость посреднических действий была установлена в российском уголовном законодательстве еще в XV столетии, общего понятия посредничества не сложилось до настоящего времени. Нормативное регулирование и наука обращаются лишь к отдельным видам этой общественно опасной практики: посредничеству в содействии взяточничеству либо вымогательству взятки, сводничеству и содержанию притонов, дуэли, приобретению или сбыту имущества, заведомо добытого преступным путем, организации азартных игр.

2. *Сформулировано понятие посредничества в уголовном праве.* Посредничество представляет собой содействие достижению и реализации

договоренности между двумя и более лицами о совершении преступления. При этом обоснована целесообразность дополнения ч. 1 ст. 33, ч.ч. 3 и 4 ст. 34 УК РФ указанием на посредника, а также включения в ст. 33 УК РФ новой части 6, где следует изложить определение посредника в совершении преступления.

3. Выявлена система уголовно-правовых норм об ответственности за посредничество в совершении преступления. Ее образуют:

а) преступления, связанные с получением-дачей незаконных вознаграждений (п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст.ст. 183, 184, 204, 291¹, ч. 1 ст. 309 УК РФ);

б) общественно опасные деяния, связанные с незаконным оборотом определенных предметов (ст. 138¹, ч. 2 ст. 146, ст.ст. 175, 222, 228 УК РФ);

в) торговля людьми (ст. 127¹ УК РФ) и преступления, совершаемые по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «г» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РФ).

4. Разработаны правила квалификации посредничества во взяточничестве:

- действия посредника во взяточничестве, совмещавшего функции подстрекателя или пособника, подлежат квалификации только как посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ). Действия посредника, выступившего одновременно организатором взяточничества, не ограничивающиеся организационными вопросами передачи взятки, могут быть с учетом обстоятельств конкретного дела квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 291¹ и ч. 3 ст. 33, ст. 290 (291) УК РФ;

- признак значительного размера взятки относится лишь к посредничеству в форме иного содействия взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки;

- посредничество во взяточничестве, независимо от формы его совершения, является окончательным преступлением с момента получения должностным лицом взятки;

- обещание посредничества во взяточничестве есть добровольное обязательство лица выступить в роли посредника в данном преступлении.

Предложение посредничества во взяточничестве подразумевает выражение виновным инициативы оказать посреднические услуги во взяточничестве;

- для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, размер предполагаемой взятки значения не имеет.

5. *Теоретически обоснованы направления совершенствования законодательства об ответственности за посредничество во взяточничестве, предполагающие исключение криминообразующего порога размера взятки при посредничестве в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки, а также исключения ч. 5 из ст. 291¹ УК РФ.*

6. *Разработаны правила квалификации посредничества в иных криминальных сделках:*

а) действия посредника в купле-продаже или иных сделках с человеком квалифицируются как получение-передача человека в целях его эксплуатации. При неустановлении данной цели содеянное посредником квалифицируется в качестве соучастия в купле-продаже или иных сделках с человеком в виде организации, подстрекательства либо пособничества со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Деяние лица, приобретающего человека в целях его дальнейшей перепродажи и действующего от своего имени и за свой счет (условно – перекупщика), не образует посредничества в совершении преступления и влечет уголовную ответственность за исполнительство преступления, предусмотренного ст. 127¹ УК РФ;

б) действия посредника в совершении преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, следует квалифицировать как соучастие в данном общественно опасном деянии со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. При этом, если лицо не выполняло функции посредника, а выступало самостоятельным звеном в цепи сделок с имуществом, заведомо добытым преступным путем, то есть действовало в своих интересах и за свой счет, содеянное им подлежит квалификации как исполнительство преступления, закрепленного ст. 175 УК РФ;

в) при квалификации посреднических действий в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ, правоприменитель вынужден использовать одну из этих норм, учитывая, кому в большей степени способствовал посредник, в чьих интересах он преимущественно действовал, при этом обязательна ссылка на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

7. Аргументированы направления совершенствования законодательства об ответственности за посредничество в криминальных сделках, предполагающие:

- новую редакцию ч. 1 ст. 127¹ УК РФ: «Купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а также посредничество в их совершении, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение»;

- объединение уголовно-правовых запретов на легализацию имущества, добытого преступным путем, (ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ) в рамках одной статьи Особенной части УК РФ;

- установление прямых уголовно-правовых запретов на приобретение предметов, запрещенных или ограниченных в гражданском обороте, в рамках норм об ответственности за их незаконный оборот (ст.ст. 186, 187, 327 УК РФ и т.д.);

- введение в УК РФ самостоятельной уголовно-правовой нормы об ответственности за посредничество в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и т.п. предметов, а также криминализацию посредничества в получении и разглашении сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, подкупе участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, коммерческом подкупе.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты способствуют развитию уголовно-правовых учений о соучастии в преступлении (в части определения места посредничества в структуре соучастия в преступлении), преступлениях, связанных с криминальными сделками (посредством нового толкования признаков ряда составов преступлений).

Практическая значимость исследования. Работа содержит эмпирически подтвержденную научную информацию, которая может быть востребована в практике совершенствования законодательной основы уголовно-правового противодействия посредничеству в совершении преступлений. Сформулированные выводы имеют значение для аргументации правил квалификации посредничества в совершении преступления. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе подготовки бакалавров и магистров по направлению «Юриспруденция», а также в системе обучения и повышения квалификации судей.

Апробация результатов исследования. Теоретические выводы исследования докладывались на Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Российский государственный университет правосудия, 2015).

Основные положения диссертации используются в работе Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству; в практической деятельности Октябрьского районного суда г. Уфы, Советского районного суда г. Уфы, Белокатайского районного суда Республики Башкортостан, Салаватского районного суда Республики Башкортостан. Положения диссертации внедрены в учебный процесс Российского государственного университета правосудия. Выводы и результаты исследования нашли отражение в восьми научных публикациях, в том числе в трех статьях, размещенных в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ.

Структура диссертации определена ее целью и задачами и состоит из введения, трех глав (шести параграфов), заключения, библиографического списка и приложений.

ГЛАВА 1. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА

§1.1. Посредничество в уголовном праве России X – XIX столетий

Изучение любого правового института целесообразно начинать с анализа исторического развития норм, выступающих предметом юридического исследования. Безусловно, данное положение в полной мере относится и к изучению норм уголовного законодательства нашего государства. Благодаря историко-правовому исследованию можно понять юридическую природу различных уголовно-правовых предписаний, выявить закономерности и тенденции их развития. Впоследствии на основании полученных умозаключений определить перспективы дальнейшего совершенствования положений уголовного закона.

С учетом изложенного стоит отметить, что изучение оснований уголовной ответственности за посредничество в совершении преступления в истории отечественного права выступает немаловажным элементом нашего исследования.

Не вдаваясь в детали понятия и признаков посредничества в преступлении, определимся, что ¹анализу будут подлежать нормы, предусматривающие уголовную ответственность за содействие достижению различными способами преступного соглашения между лицами, каждое из которых несет самостоятельную ответственность за совершаемое им деяние. В то же время, с учетом выделенного нами предмета исследования, действия посредника выражаются в способствовании совершению преступления иными лицами, что в свою очередь указывает на совместную преступную деятельность нескольких

¹ Сунгатуллин, А.Ю. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за посредничество в совершении преступления в середине XIX столетия / А.Ю. Сунгатуллин // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. Научные труды кафедры уголовного права. Вып. 3 / Под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РАП, 2013. – С. 82.

лиц. Вследствие этого рассмотрение института посредничества в преступлении будет проходить в непосредственной взаимосвязи с институтом соучастия в преступлении.

Одним из первых законодательных памятников древнерусского права является Русская Правда, претерпевшая несколько редакций (Краткая и Пространная редакции)². Именно этот правовой документ на протяжении нескольких веков выступал руководством не только для судебных разбирательств, но и для квалификации деяний.

В диспозициях норм Русской Правды содержались первые упоминания об ответственности нескольких лиц в совершении единого преступления. Как справедливо отметил А.Н. Трайнин, попытки конструировать ответственность нескольких лиц, совершающих совместно одно преступление, в рассматриваемом документе законодатель связывал исключительно с имущественными посягательствами, заключающимися в кражах чужого имущества³.

Следует подчеркнуть, что, хотя в Русской Правде и появляются первые положения института соучастия, однако они носят исключительно казуистичный характер и упоминаются при квалификации действий соисполнителей в преступлениях против частной собственности. В самом же документе не содержалось ни понятия соучастия, ни его видов. Нормы, предусматривающие ответственность за посредничество в преступлении, в Краткой и Пространной редакции Русской Правды также отсутствовали.

Судебник 1497 г.⁴, как и предыдущий закон, не формулировал в своих нормах понятия, признаков, форм и видов соучастия. Вместе с тем, в нем четко стала прослеживаться повышенная общественная опасность преступлений, совершенных несколькими лицами. Такие деяния наказывались более строго, чем преступления, выполненные одним лицом.

² Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. Пособие / сост. Ю.П. Титов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. С. 4-26.

³ Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 24.

⁴ Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. С. 54-69.

Отличительной особенностью рассматриваемого древнерусского памятника уголовного права являлось наличие в его нормах статьи, впервые закрепляющей на законодательном уровне ответственность за посредничество в должностном преступлении – взяточничестве.

Впервые анализируемый законодательный акт предусмотрел и ответственность за получение материальных ценностей государственными чиновниками при рассмотрении судебных дел. Так, первая норма Судебника была посвящена запрету на получение посула лицами, занимавшими судебные должности: «Судите суд бояром и околничим. А на суде быта у бояр и у околничих диаком. А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалования не имати; також и всякому судие посула от суда не имати никому». Под принятием посулов понималось получение лицом, осуществлявшим правосудие, как различного рода подарков, гостинцев, так и денежного вознаграждения. В главе «О посулах и о послушестве» запрещалось давать взятки указанным выше лицам: «Да велети прокликать по торгам на Москве и во всех городех Московские земли и Новгородские земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищя и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду...».

Наряду с нормами, содержащими уголовно-правовые запреты, в Судебнике 1497 г. разъяснялся состав участников судопроизводства со стороны официальных органов, которых государь наделял правом рассмотрения судебных дел. Одним из таких лиц являлся недельщик, под которым понимался судебный пристав, исполнявший свои обязанности по неделям. Состояли недельщики при дьяках, которые вносили их имена в особые книги, при вступлении в должность. Обязанности их заключались в оповещении сторон о вызове в суд и доставлении их к суду, а также в поимке татей и разбойников. Недельщикам полагалось вознаграждение с вызываемых лиц⁵.

⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890-1907 / URL: <http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Недельщик>. (дата обращения 17.10.2012).

В главе под названием «О неделщиках указ» Судебника 1497 г. содержалась норма об ответственности неделщика за неправомерные действия при осуществлении своих полномочий. В частности, неделщику запрещалось принимать либо требовать посул даже в том случае, если он брал его не себе, а для лиц, осуществляющих судебные разбирательства, круг которых был обозначен в статье: «А неделщиком на суде на боярина, и на околничих, и на диаков посула не просити и не имати, а самимь от поруку посулов не имати»⁶.

Указанная норма выстроена таким образом, что неделщик по ней мог нести самостоятельную ответственность как в качестве непосредственно виновного, получающего либо вымогающего посул, так и в качестве посредника в получении взятки, с последующей передачей ее непосредственно лицу, осуществлявшему судебное разбирательство. При этом, согласно положениям анализируемой статьи, законодатель отождествлял в ней разные по степени общественной опасности деяния, такие как получение и вымогательство взятки.

И хотя наказания судебному приставу в рассматриваемом уголовно-правовом запрете не предусматривалось, однако это не указывало на его отсутствие. В каждом конкретном случае меру ответственности виновному определял глава государства либо его доверенные лица.

Следует заметить, что наказание за посредничество в получении посулов в Судебнике 1497 г. не ограничивалось лишь вышеназванной нормой. Так, в главе «Указ наместником о суде городском», наряду с указанием о составе лиц, осуществлявших правосудие в городах, запрещалось получать либо требовать получения вознаграждения для себя лично либо для высшего должностного лица: «А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людеи суда наместником и волостелем не судити; а посула им от суда не имати, и их тиуном и их людем

⁶ Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. С. 56.

посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, и пошлинником от суда посулов не просити».

В полном объеме указанные нормы об ответственности лиц за дачу, получение взятки при осуществлении судебных разбирательств повторяются и в Судебнике 1550 г.⁷

В статье 32 Судебника 1550 г. содержалась норма, подобная норме Судебника 1497 г. об ответственности недельщика за посредничество в получении посула. При этом круг лиц, для которых недельщик мог требовать взятку, дополнялся в статье указанием на казначея и дворецкого. Отличительной особенностью рассматриваемого памятника права являлось лишь то, что законодатель предусмотрел не только ответственность для недельщиков, совершивших посредничество во взяточничестве, но и указал за это деяние конкретные виды наказаний. Так, согласно положениям ст. 32: «... А которой неделщик возжег на суде на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка посул, или себе посул возмет, и уличат его в том, и того неделщика казнити торговою казнию, а посул на нем доправити втрое да из недель выкинути».

Как мы видим, за всякое нарушение закона, выразившееся в получении посулов либо в требовании их для передачи лицам, осуществляющим судебное разбирательство, недельщик подлежал довольно суровому наказанию: торговой казни, обязывался вернуть сумму взятки в тройном размере и отстранялся от должности. Причем, согласно указанной норме, судьи, получившие взятку через посредничество недельщика, ответственности не подлежали.

Что же касается института соучастия в преступлении, то, как и предыдущие законы, Судебник 1550 г. не содержал норм о понятии, формах и видах совместной преступной деятельности. В то же время в нем впервые стала предусматриваться ответственность за укрывательство, попустительство и

⁷ Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. Пособие / сост. Ю.П. Титов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. С. 40-47.

недоносительство о совершении преступления, а также ответственность за неоказание помощи в поимке преступников.

На фоне укрепления самодержавия и дальнейшей централизации власти, активизируется и законодательная деятельность в России. Нормативно-правовым документом, ознаменовавшим развитие всех отраслей права в XVII веке, становится Соборное уложение 1649 г.⁸ Наряду с нормами процессуального права, в уложении большое внимание было уделено нормам уголовного права, в том числе и нормам об ответственности за совместную преступную деятельность нескольких лиц.

Следует согласиться с М.И. Ковалевым, отмечавшим в своих трудах тот факт, что Соборное Уложение 1649 г. стало первым отечественным систематизированным законодательным актом, в котором получили развитие признаки и формы соучастия (скоп, заговор), а также отдельные виды соучастников (наряду с исполнителями, подстрекатели и пособники)⁹.

В нормах вышеуказанного документа нет понятий, раскрывающих виды соучастников через конкретные признаки. Такие признаки встречаются при изложении в законе отдельных составов преступлений. Так, например, в ст. 63 главы XXI «О разбойных и о татиных делах» Соборного Уложения 1649 г., рассматривая вопрос об ответственности пособников в разбое, законодатель указывал, что деяния пособника могли выражаться в таких действиях как «подвод» либо «поторовка». По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, под «подводом» следовало понимать предоставление средств для совершения преступления, а под «поторовкой» – устранение препятствий при совершении преступления¹⁰.

Следует заметить, что составители Соборного Уложения не разделяли идею, основанную на дифференцированной оценке преступного поведения соучастников. Как правило, в его нормах, связанных с установлением запретов на

⁸ Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. Пособие / сост. Ю.П. Титов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. С. 47-138.

⁹ Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Часть первая. Понятие соучастия. Свердловск, 1960. С. 49.

¹⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 338.

преступные посягательства против жизни, здоровья или чужой собственности, исполнители, пособники и подстрекатели несли равное наказание. Так, в раннее указанной нами ст. 63 главы XXI Соборного Уложения специально было обозначено равенство ответственности непосредственного исполнителя и действий пособника и укрывателя преступления: «... и указ им чинити также как розбойником».

Такого признака пособника, как способствование достижению соглашения между лицами, совершающими преступление, в законе не указывалось. Однако в уложении содержалась конкретные виды посреднических действий.

Уже в ст. 7 главы X «О суде» Соборного Уложения 1649 г. содержался запрет на получение судьей посулов не самолично, а через своих родственников либо посторонних лиц: «А будет кто учнет бити челом на судью, что он обвинил его неделом по посулом, а взял де от того неправого дела на судью посул брат его, или сын, или племянник, или человек, и то судное дело взнести слушати бояром, и учинити в том деле указ, смотря по делу...». В случаях, когда данный факт подтверждался, судья нес ответственность равную, как за непосредственное получение взятки. При этом лица, посредничавшие во взятке, ответственности не подлежали.

Иную картину мы наблюдаем в ст. 12 указанной главы Уложения, предусматривавшей самостоятельную ответственность «подьячего» за содействие дяку в реализации соглашения между последним и давшим взятку путем внесения подложных записей в судебные протоколы: «А которой дяк нороя кому по посулом, ... велит судное дело подьячему написати не так, как в суде было, и как в прежней записке за исцовой и за ответчиковою рукою написано, и по тому дячьему приказу подьячей то судное дело напишет неделом, а сыщется про то допряма, и дяку за то учинити торговая казнь, бити кнутом, и во дяцех не быти, а подьячего казнити, отсеци рука ...».

Необходимо подчеркнуть, что в указанной норме законодатель делал исключение относительно равной ответственности между соучастниками в преступлении. Более того, как видно из положений указанной статьи, посредник

во взяточничестве подлежал более суровому наказанию, чем само лицо, получившее взятку: дьяк – торговой казни и отрешение от должности, в то время как подьячему, внесшему неверные записи по приказу дьяка, надлежало отсечь руку.

В ст. 8 той же главы Соборного Уложения предусматривалась уголовная ответственность для лица, получившего от взяткодателя предмет взятки якобы для передачи его судье в целях принятия выгодного решения для давшей вознаграждения стороны, и фактически присвоившее это вознаграждение. Такое деяние В.В. Шеретов называет «мнимым посредничеством»¹¹. За его совершение предусматривалось наказание в виде обращения в казну в трехкратном размере стоимости полученного и тюремное заключение «до государева указу».

Превалирование принципа равной ответственности соучастников в преступлении наблюдалась и в Артикуле воинском 1715 г.¹² Петра I. Уже в первых нормах данного документа законодатель закрепил общее правило об ответственности соучастников: «Что один чрез другаго чинит, почитается так, яко бы он сам то учинил» (Толкование к арт. 2 главы I «О страхе Божьем»).

Идея данного принципа особенно наглядно проявлялась в арт. 161 (глава XIX «О смертном убийстве»): «А ежели ж кто для прибыли или в надежде к какой прибыли договоритца, найметца или даст себя подкупить, или готова себя учинит кого убить смертно, тогда оный купно с тем, кто его нанял, подкупил или упросил, колесом разломан, и тела их на колеса положены быть имеют».

Артикул воинский, подобно предыдущим памятникам права, не содержал общего понятия соучастия, не конкретизировал его виды, не выделял их общие признаки, однако он изобиловал нормами об ответственности соучастников. Так, например, арт. 59 (глава VI «О воинских припасах, ружье, мундире, о потрате, и небрежении онаго») предусматривал ответственность как для военного, утратившего казенное имущество различными способами (проигрыш, продажа,

¹¹ Шеретов В.В. Противодействие взяточничеству: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2005. С. 40.

¹² Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. С. 326-355.

заклад), так и для частного лица, купившего или принявшего от него такие вещи, хотя это приобретение и носило заранее не обещанный характер. По арт. 119 (глава XV «О сдаче крепостей, капитуляции и акордах с неприятелем») наказывались офицеры и солдаты за подстрекательство коменданта к сдаче крепости без уважительных на то причин. За пособничество неприятелю, выразившееся в распространении патентов, манифестов либо «фальшивых и изменнических ведомостей, чрез которых робость солдатам причинена быть может», виновный подлежал наказанию по арт. 130 и 131 (глава XVI «О измене и переписке с неприятелем»).

Располагались в Артикуле воинском и нормы, предусматривавшие ответственность за деяния, имевшие определенное сходство с посредническими действиями. К одной из таких следует отнести норму, закрепленную в арт. 140 (глава XVII «О возмущении, бунте и драке»): «Ежели кто с кем поссорится и уприсит секунданта (или посредственника), онаго купно с секундантом, ежели пойдут, и захотят на поединке битца ...». Согласно указанному запрету, наказывался секундант (или посредственник) за сам факт своего содействия в поединке. При этом такое лицо подлежало наказанию аналогичному с зачинщиком поединка и лицом, принявшим вызов, а именно: смертной казни через повешенье (арт. 139).

Еще одна норма, предусматривавшая уголовную ответственность за преступное поведение, сходное с посредничеством, располагалась в арт. 190 (глава XXI «О зажигании, грабительстве и воровстве»). Согласно диспозиции указанного артикула, наряду с другими действиями, запрещалось покупать и продавать заведомо краденые вещи. Причем субъектом данного преступления выступало лицо, непосредственно не принимавшее участия в краже, а также заранее не дававшее обещания в приобретении либо продаже указанных вещей. Такой вывод можно сделать, исходя из того, что ответственность для лиц, «которые в воровстве конечно помогали, или о воровстве ведали, и от того часть получили, или краденое ведая добровольно приняли, спрятали и утаили», наступала по арт. 189. В то же время, в обоих рассмотренных случаях наказание

для лиц, пособничавших либо прикосновенных к преступлению, было равным с ответственностью непосредственных исполнителей кражи: «яко самые воры, да накажутся».

Изобилуя специальными нормами об ответственности отдельных видов соучастников, институт соучастия в Артикуле воинском, тем не менее, был далек от совершенства. Как отмечают исследователи, именно с созданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года¹³ (далее – Уложение) были определены стержневые положения рассматриваемого института, которые в последующем оказали неопределимое значение при конструировании уголовно-правовых норм о соучастии¹⁴.

Отличительной особенностью Уложения было не только его деление на Общую и Особенную части, но и то, что в Общей части нормам о соучастии была посвящена целая глава (отд. III «О участии в преступлении» главы I «О существе преступлений и проступков и степенях вины»), в которой, хотя и отсутствовало определение соучастия, однако законодателем раскрывались формы и виды соучастников.

На основании норм рассматриваемого документа в теории уголовного права на тот исторический период было принято деление соучастия на два вида: необходимое и возможное (факультативное).¹⁵

Так, В. Спасович под необходимым считал такое соучастие нескольких лиц в преступлении, которым обуславливалось само понятие этого преступления, без которого это преступление было бы невысказано. Под возможным соучастием понималось участие нескольких лиц в преступлении, которое не составляло необходимого условия преступления, а само преступление могло быть совершено как одним лицом, так и несколькими. К первой группе соучастия указанный

¹³ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб., 1845. 922 с.

¹⁴ Пушкин А.В., Дидатов Ю.А. Понятие и признаки соучастия: Учеб. пособие. М., 1998. С. 11.

¹⁵ Сунгатуллин, А.Ю. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за посредничество в совершении преступления в середине XIX столетия / А.Ю. Сунгатуллин // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. Научные труды кафедры уголовного права. Вып. 3 / Под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РАП, 2013. – С. 82.

специалист относил лишь небольшое количество преступлений, составы которых располагались исключительно в Особенной части Уложения (например, прелюбодеяние, лихоимство, поединок), в то время как нормы о соучастии в общей части уголовного закона относились лишь к соучастию возможному¹⁶.

Деление соучастия на необходимое и возможное для нас представляет непосредственный интерес в силу того, что посредничество в преступлении мы рассматриваем через призму содействия в достижении соглашения между лицами, действия которых также подлежат самостоятельной уголовно-правовой оценке. Следовательно, говорить об уголовно наказуемом посредничестве возможно только в случаях посреднических действий необходимого соучастия.

Однако у данной теории были и свои противники. Например, И.В. Платонов указывал, что деление соучастия на необходимое и возможное является заблуждением, так как «если участие лица не является необходимым, то есть нужным (среднего здесь быть ничего не может), нужным для наступления данного преступного события, то оно и не есть соучастие вовсе»¹⁷.

Кардинально противоположного взгляда придерживался Л.С. Белогриц-Котляревский. По его мнению, не всегда совершение преступления несколькими лицами следовало признавать необходимым соучастием. В частности, в своих трудах Л.С. Белогриц-Котляревский отмечал, что нельзя относить к понятию соучастия случаи, когда действия, хотя и могли совершаться только при наличии нескольких лиц, вступивших в сговор, однако наказанию подлежало лишь одно из них (например, прелюбодеяние, совершаемое с лицом невменяемым), либо когда каждый из субъектов нес самостоятельную ответственность индивидуально (например, дуэль)¹⁸.

Наиболее верной, нам представляется позиция последнего специалиста. Говорить о соучастии возможно лишь в том случае, когда несколько лиц объединены общим умыслом и содействуют совершению единого преступления, за которое в последующем с учетом их непосредственного участия они и понесут

¹⁶ Спасович В. Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 163.

¹⁷ Платонов И.В. Уголовное право. Популярные лекции для самообразования. СПб., 1903. С. 70.

¹⁸ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Киев-СПб.-Харьков, 1903. С. 209.

ответственность. В случаях, когда же действия лиц подлежат самостоятельной оценке по нормам Особенной части, то каждый из них является исполнителем своего конкретного преступления, а не единого для всех преступного деяния, как это представляется в соучастии в преступлении.

Между тем, деление соучастия на необходимое и возможное имело чисто теоретическое основание. В самом же Уложении законодателем была предусмотрена иная классификация. Согласно ст. 13 отд. III, закон выделял два вида соучастия: совершение преступления несколькими лицами без предварительного согласия и с предварительным согласием. В первом случае видами соучастников являлись: главные виновные – лица, «непосредственно совершившие преступление» либо «распоряжавшие или управляющие действиями других»; и участники – лица, «которые непосредственно помогали главным виновным в содеянии преступления, доставляли средства для совершения преступления, или же старались устранить препятствия, к тому представлявшиеся» (ст. 14 отд. III).

Следует сразу отметить, что такое выделение вида соучастников в совершении преступления как совершение преступления несколькими лицами без предварительного согласия в научном мире того времени было подвергнуто жесткой критике. Так, например, известный криминалист А. Лохвицкий справедливо отмечал: «Спрашивается, каким образом может выйти, что человек распоряжается действиями других, а другие следовательно слушаются его, каким образом можно доставлять средства, устранять препятствия, – все это без предварительного, т.е. предшествовавшего преступлению уговора?»¹⁹.

Во втором виде соучастия с предварительным сговором лиц Уложение выделяло: зачинщиков – лица, «которые замыслив содеянное преступление, согласили на то других» либо «которые управляли действиями при совершении преступления или покушения на оное, или же первые к тому приступили»; сообщников – «те, которые согласились с зачинщиками или с другими виновными совершить, совокупными силами или действиями, предумышленное

¹⁹ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 139.

преступление»; подговорщики или подстрекатели – «те, которые не участвуя сами в совершении преступления, употребляли просьбы, убеждения или подкуп и обещание выгод, или обольщения и обманы, или же принуждение и угрозы, дабы склонить к оному других»; и пособников. Причем при раскрытии понятия пособника в преступлении закон достаточно четко конкретизировал круг действий данного вида соучастника. В частности, под пособниками понимались лица, которые «хотя и не принимали прямого участия в самом совершении преступления, но, из корыстных или иных личных видов, помогали или обязались помогать умыслившим оное, советами или указаниями и сообщением сведений, или же доставлением других каких-либо средств для совершения преступления, или устранением представляющих к содеянию онаго препятствий, или заведомо, пред совершением преступления, давали у себя убежище умыслившим оное, или же обещали способствовать сокрытию преступников или преступления после содеянного» (ст. 14 одт. III).

Как видно из определения, пособнические действия в преступлении носили достаточно разнообразный характер. По словам В.В. Есипова, «пособничество в субъективном отношении играет роль разъяснителя и укрепителя преступного намерения, в объективном же состоит в воспроизведении действий, хотя содействующих совершению преступления, но не входящих в материальный состав преступления»²⁰.

Вместе с тем, среди перечисленных альтернативных деяний пособничества отсутствует такой его способ, как содействие достижению соглашения либо сделки между лицами, действия которых образуют в данной сделке самостоятельный состав преступления. Однако это вовсе не обозначало, что действия посредника в совершении преступления оставались безнаказанными. При расширительном толковании действия посредника следовало трактовать как устранение препятствий к совершению преступления, путем достижения соглашения либо помощи в реализации соглашения между преступниками.

²⁰ Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 158.

В теории уголовного права пособничество также имело несколько классификаций и видов: 1) физическое или умственное; 2) определенное или неопределенное; 3) положительное или отрицательное; 4) общее или особенное; 5) главное и неглавное²¹.

Для нас же наибольший интерес вызывает деление пособничества на общее и особенное. Так, общее пособничество заключалось в деянии, которое не составляло особенного вида преступления для соучастника. И напротив, особенное пособничество выражалось в деянии, «составляющем отдельный вид преступления»²². Именно пособнические действия, выраженные в посредничестве в преступлении и запрещенные конкретными нормами Особенной части, выступают одной из составляющих предмета нашего исследования в данном параграфе.

Следует отметить, что, помимо соучастников в преступлении, Уложение выделяло особую категорию лиц, прикосновенных к преступлению: попустителей, укрывателей и недоносителей (ст.ст. 16. 17 одт. III).

Первое упоминание ответственности за посреднические действия в Особенной части Уложения мы находим в нормах о запрещении взяточничества. Так в ст. 401 главы VI «О мздоимстве и лихоимстве» раздела V «О преступлениях и проступках по службе», предусматривавшей ответственность за получение взятки, законодатель указал, что должностное лицо, принявшее подарки через других лиц или же дозволившее членам своей семьи получить их, следует также наказывать, как и виновного, непосредственно принявшего взятку. В ст. 405 той же главы было продублировано положение о том, что одним из способов мздоимства либо лихоимства являлось получение взятки через других лиц, в том числе и родственников. Нормы о наказуемости лиходателей располагались в ст. 412, 413 Уложения.²³

²¹ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. Изд. А. Любавским. СПб., 1866. С. 133.

²² Там же. С. 134.

²³ Сунгатуллин, А.Ю. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных / А.Ю. Сунгатуллин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 3 (23). – С. 78 – 81.

Помимо традиционных составов преступлений, предусматривающих ответственность за получение-дачу взятки, глава VI «О мздоимстве и лихоимстве» содержала в себе и ряд норм о наказуемости посредничества в указанных преступлениях:

– противозаконный сбор денег или же чего-нибудь иного должностными лицами волостного и сельского управления, писарями либо их помощниками на подарки и угощение чиновников и других должностных лиц (ст. 408);

– содействие мздоимству либо лихоимству (ст. 409);

– дача взятки крестьянином должностному лицу от имени общины (ст. 411).

Следует отметить, что ст. 408 Уложения, регламентирующая ответственность за сбор денег или чего-либо иного на подарки и угощение, предусматривала два состава преступления: «1) когда эти незаконные сборы действительно служили на угощение чиновников и других лиц и 2) когда они обращены под вымышленным предлогом в пользу самих сборщиков»²⁴. Причем за указанное мошенничество предусматривалось более сурово наказание, чем за посредничество во взятке.

Содействовавшими мздоимству и лихоимству по ст. 409 Уложения признавались: 1) лица, принявшие вместо чиновника взятку или служившие посредниками при этом; 2) начальники, знавшие достоверно о подарках или взятках, получаемых их подчиненными, и не принявшие никаких мер для прекращения таких злоупотреблений, избличения и наказания виновных, или даже явно им потворствовавшие; 3) судьи, которые, вопреки закону и обстоятельствам дела, старались оправдать избличенных в мздоимстве или лихоимстве преступников²⁵.

Согласно диспозиции рассматриваемой статьи, посредничество в получении взятки могло проявляться в следующих способах: в принятии или передаче предмета взятки для должностного лица; в посредничестве при требованиях

²⁴ Волков В.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. и по прод. 1912 г. СПб, 1914. С. 334.

²⁵ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. Изд. 2-е, испр. и допол., сведенные с кассационными решениями. СПб., 1871. С. 433.

взятки; в участии в притеснениях или угрозах, употребляемых для вымогательства. Как мы видим, законодатель довольно подробно расписал различные проявления посреднических действий при пособничестве взяткополучению. Причем, такое пособничество выражалось не только в традиционной передаче взятки, но и в способствовании ее вымогательства.

При рассмотрении ст. 409 Уложения Н.А. Громов, ссылаясь на разъяснения Правительствующего Сената 1902 г. по делу № 19 в отношении Клемборта и других, отмечал, что в данной статье говорится «об ответственности всяких лиц, содействовавших мздоимству и лихоимству, без специального ограничительного указания на лиц должностных, и лиц частных, содействовавших взяточничеству»²⁶.

По ст. 411 подлежали квалификации действия крестьянина (или другого состояния человека), который не участвовал в вымогательстве взятки, а только по своему недоразумению и незнанию своих обязанностей, брался передать ее чиновнику от своей общины. В данном случае законодатель особо выделил то обстоятельно, что незнание запрета на подкуп должностных лиц не признавалось основанием для освобождения лица, передавшего взятку, пусть даже не от своего имени.

Особо следует подчеркнуть, что, если Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1857 г. сохранило в себе аналогичную редакцию норм о противодействии взяточничеству, то при издании Уложения в редакции 1866 г., на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета 27 декабря 1865 г., нормы об ответственности лиходателей (ст. 411 и 412) были исключены. Обоснование действий законодателя в декриминализации указанных деяний А. Лохвицкий видел в том, что «у нас, к несчастью, взятки так распространены, что трудно винить тех, которые давали их чиновникам», а

²⁶ Громов Н.А. Законы уголовные. Изд. 3-е, перераб. и допол. СПб., 1913. С. 182-185.

«солидарность дающего и берущего взятки ослабляла бы возможность обнаружения и преследования их»²⁷.

Наказуемость лиходателей сохранилась в Уложении 1866 г. только в одном случае, а именно в ст. 382: «Лиходатели, избличенные в склонении состоящих в службе государственной или общественной похитить, скрыть, истребить, или же в чем-либо изменить одну или несколько из принадлежащих к делам бумаг, или же сделать другой сего или иного рода подлог...» (ст. 413 Уложения 1845 г.).

Однако статья о наказании содействовавших взяточникам (ст. 409 Уложения 1845 г.) на протяжении всех редакций Уложения осталась без изменения. Вследствие этого можно заключить, что возможность привлечения к уголовной ответственности за посредничество в получении взятки в Уложении имела независимо от того, содействовал ли виновный достижению соглашения между лицами, подлежащих самостоятельной ответственности за дачу и получение взятки или же такой ответственности подлежало исключительно должностное лицо.

Следующую норму, предусматривавшую ответственность за посреднические действия, мы наблюдаем в отд. X «О запрещенных играх, содержании мест для игры сего рода и недозволенных лотереях» главы III «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановления». По ст. 1276 Уложения 1845 г. ответственности подлежал виновный, который в своем доме или ином каком-либо месте устроил или дозволил устроить заведения для запрещенных игр. При этом суровость наказания зависела от неоднократности совершаемых действий и варьировалась от денежного взыскания до тюремного заключения. Участие в таких азартных играх запрещалось ст.ст. 1274, 1275.

Согласно разъяснениям Правительствующего Сената, законом были запрещены лишь азартные игры, то есть игры, «основанные на одном случае, потому, без сомнения, соображению, что игры эти, не требуя умственного

²⁷ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. Изд. 2-е, испр. и допол., сведенные с кассационными решениями. СПб., 1871. С. 425.

напряжения для достижения выигрыша, – как цели игры, увлекают страстных к игре и часто недостающих людей надеждою легкого обогащения и столь же часто разоряющих их»²⁸.

С изданием Уложения в редакции 1866 г. и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (далее – Устав о наказаниях),²⁹ указанные нормы о запрещении организации и участия в азартных играх подверглись существенным изменениям. Под запретом оказались: 1) устройство или открытие игорного заведения у себя в доме или ином каком-либо месте (ст. 990 Уложения 1866 г.); 2) устройство запрещенных игр не в виде игорного дома (ст. 46 Устава о наказаниях).

В соответствии со ст. 990 Уложения 1866 г. и ст. 46 Устава о наказаниях, преследованию подлежали только главные виновные, то есть лица, устроившие игру. Причем «устроителей запрещенной игры закон преследует ... за вовлечение других в запрещенную игру и за поддержание в них страсти к этой игре»³⁰. Под положения ст. 990 Уложения 1866 г. подходили случаи, когда виновный в своем доме или заведении давал пристанище игрокам со знанием цели, для которой они собирались. Игра должна была происходить более или менее постоянно. Однако при этом не требовалось, чтобы она имела непрерывный характер. Также не требовалось, чтобы хозяин игорного дома извлекал выгоды из игры, и чтобы заведение было устроено исключительно для азартной игры.

Статья 46 Устава о наказаниях, напротив, охватывала собой случаи устройства игры не в виде игорного дома, то есть случайно. По словам Н. Неклюдова, указанная норма входила в проступки против общественного порядка. Вследствие чего устройство запрещенных игр должно было подвергаться наказанию только в том случае, если игра устроена или в публичном месте, или для публики. Если же игра служила исключительно целью

²⁸ Волков В.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. и по прод. 1912 г. СПб, 1914. С. 557.

²⁹ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд-е 1866 г. СПб., 1866 г. 46 с.

³⁰ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 12-е, пересмотр. и допол. СПб, 1904. С. 539.

развлечения, то есть осуществлялась не за деньги, то она не относилась к запрещенным деяниям³¹.

Указание на ответственность лиц, принимавших участие в запрещенных играх, в рассматриваемых документах отсутствовало, что позволяет прийти к выводу о ненаказуемости таких действий. На основании чего следует заключить, что законодатель вновь признал преступными исключительно посреднические действия, в то время как поведение лиц, выступающих сторонами в договоре, он отнес к правомерным поступкам.

Следующим проявлением посредничества в преступлении следует признать сводничество, статьи о запрещении которого располагались в отд. I «О соблазнительном и развратном поведении, о противоестественных пороках и о сводничестве» главы IV «О преступлениях против общественной нравственности, и нарушении ограждающих оную постановлений» Уложения 1845 г.

Уголовный закон ограничивал понятие сводничества лишь содействием добровольному любодеянию. Любодеяние (блуд) представляло собой добровольное естественное совокупление лиц различных полов, не находившихся между собой в близких степенях родства и свойства. В случаях, когда любодеяние было обращено в ремесло и становилось средством существования, то такие действия принято было относить к непотребству³².

Н. Неклюдов отмечал, что «сводничество есть деятельность третьего лица, направленная на устройство прелюбодеяния или блуда между теми или другими лицами»³³. Именно данное определение, наиболее обоснованно относит сводничество к одному из специальных проявлений посредничества.

При комментировании норм о сводничестве, Правительствующий Сенат разъяснил, что по способу действия сводничество заключалось в предоставлении помещения, доставлении лица и склонении или уговоре к совершению любодеяния. Для признания указанного преступления совершенным не было

³¹ Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Т. 2. СПб., 1868. С. 207.

³² Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Т. 2. СПб., 1868. С. 192-193.

³³ Там же. С. 201.

необходимости устанавливать, что злодеяние последовало, достаточно было, чтобы виновный исполнил вышеуказанные деяния. Сводничество должно было предполагать умысел, при этом было безразлично, руководствовался виновный корыстными или иными побуждениями³⁴.

По мнению А.С. Белогриц-Котляревского, Уложение 1845 г. различало два вида сводничества: простое и квалифицированное. Под простым понималось сводничество, «чуждое особых отношений виновного к сводничаемым лицам»³⁵. К такому виду сводничества относились случаи предоставления помещений для занятия непотребством, ответственность за которые наступала по ст.ст. 1282-1284. В частности, в указанных статьях предусматривался запрет: на открытие дома для непотребства или на использование непотребства других в качестве собственного ремесла (ст. 1282); на заведомое способствование непотребству содержателями гостиниц, ресторанов, кофейных домов, трактиров, харчевен, погребов, бань и других публичных заведений (ст. 1283); на заведомое дозволение непотребства в занимаемых или находившихся в ведении виновного комнатах, совершенное с целью денежного или иного вознаграждения (ст. 1284). Внешне, такое сводничество должно было выражаться в преступном содействии, а не в упущении или попустительстве. Данные деяния карались строже при рецидиве и при обращении таких действий в ремесло.

Следует отметить, что Уложение 1845 г. запрещало лицам женского пола обращать непотребство в ремесло (ст. 1286), а мужчинам явным и соблазнительным образом посещать непотребных женщин (ст. 1286). Следовательно, предоставление помещений для занятия непотребством следует признавать посредничеством в преступлении.

Как мы видим, законодатель в указанных нормах запрещал как единоразовое посредничество, так и постоянные его случаи, обращенные в

³⁴ Цит. по: Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 12-е, пересмотр. и допол. СПб, 1904. С. 547.

³⁵ Белогриц-Котляревский А.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев-Петербург-Харьков, 1903. С. 531.

ремесло, так сказать «профессиональное посредничество», причем, последнее подлежало более суровому наказанию.

К квалифицированным видам сводничества следовало относить случаи содействия совокуплению со стороны лиц, имеющих власть или попечение над кем-либо из сводничаемых, а именно: сводничество детей родителями (ст. 1296); мужем жены (ст. 1297); малолетних или несовершеннолетних их опекунами, учителями или иными лица, имеющими над ними надзор или попечение (ст. 1298).

Однако, если в простом сводничестве мы говорим только добровольном любодеянии, перешедшем в ремесло, ответственность за участие в котором предусматривалась для обеих сторон, то уже в квалифицированном сводничестве уголовному наказанию по определению подлежать не могли лица, находящиеся в том или ином зависимом состоянии. Поэтому в последнем случае мы можем вести речь не о посредничестве в преступлении, а о самостоятельно наказуемых случаях посредничества.

Следует также заметить, что именно квалифицированное сводничество и сохранилось во всех редакциях Уложения. В то время как простые его виды, совместно с нормами, предусматривающими ответственность за занятие непотребством и за пользование услугами таких женщин, изначально признавались «мертвыми нормами» и служили запретами лишь официально, «изданные единственно для успокоения совести законодателя»³⁶. Указанные нормы не нашли своего правового закрепления в последующих редакциях закона.

Признавая непотребство в виде ремесла «злом необходимым», Государственный Совет учредил особый Врачебно-Полицейский комитет, в компетенцию которого входило право открытия домов терпимости и притонов разврата и контроль за соблюдением распоряжений правительства, относящихся к предупреждению непотребства и пресечению вредных от него последствий. Вследствие чего, при издании Уложения в редакции 1866 г., нормы о содержании

³⁶ Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Т. 2. СПб., 1868. С. 193.

притонов для непотребства и о занятии непотребством уже отсутствовали в указанном документе. Им на смену пришла ст. 44 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривающая ответственность не за указанные деяния, а за неисполнение лицами, занимающимися непотребством, и содержателями домов терпимости или борделей полицейских правил, предписанных для отправления непотребства, а также за открытие указанных заведений без разрешения Врачебно-Полицейского комитета³⁷.

С учетом сказанного, последнюю норму в Уставе о наказаниях уже нельзя отнести к нормам об ответственности за посредничество в преступлении в виду того, что наказанию подлежали виновные не за содействие в достижении преступного соглашения, а за неисполнение норм о профилактике непотребства.

Известен был Уложению и специальный вид посредничества, который совершался с использованием своего служебного положения. К такому посредничеству следует отнести содействие маклера в заключении незаконной сделки. В частности, ст. 1748 отд. VII «О нарушении обязанностей Маклерами, Биржевыми Маклерами, Гоф-Маклерами, Биржевыми Нотариусами, Корабельными Маклерами, Биржевыми Аукционистами и Диспашерами» главы XIII «О нарушении Уставов Торговых» Уложения 1845 г. гласила: «За посредничество к заключению торга между лицами не имеющими права на тот торг Биржевой Маклер подвергается...». Законодатель в статье не раскрыл ни самого понятия посредничества, не указал ни признаков, ни способов его совершения. Вместе с тем, способы совершения такого посредничества вытекают из самой профессии Биржевого Маклера, способствующего заключению торга. Указанный вид посредничества путем использования служебных функций являлся специальным проявлением злоупотребления полномочиями. С учетом этого, следует заключить, что посредничество в совершении преступления в Уложении представляло собой не только отдельные виды пособничества, но и частные случаи самостоятельно наказуемых уголовно-правовых деликтов.

³⁷ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 12-е, пересмотр. и допол. СПб, 1904. С. 192-193.

Интерес для анализа посредничества в преступлении представляют нормы, расположенные в главе IV «О поединках». Этот интерес для нашего исследования выражается в том, что при установлении запретов на осуществление поединков, законодатель нормативно способствовал наличию посредников в дуэли, путем наказания дуэлянтов за сам факт участия в поединке без секундантов (свидетелей) (ст.1982), при этом не исключая самостоятельной ответственности последних.

Согласно закону, поединком (дуэлью) считался установленный бой между двумя лицами, происходивший с соблюдением принятым обычаем условий касательно места, времени, оружия и вообще обстановки его выполнения. Этот вид преступления, относился к так называемому необходимому соучастию в силу того, что не мог произойти без участия как минимум двух лиц.

Уложение различало простую форму поединка – обнажение оружия или употребление его, но без кровопролития (ст. 1975); и квалифицированную – поединок, сопровождавшийся легким телесным повреждением, неопасной для жизни раной (ст. 1978); поединок, сопровождавшийся смертью или тяжкими ранами (ст. 1976) и дуэль с условием биться на смерть (ст. 1977).

Как отмечал Н.С. Таганцев, поединок, как бой, условленный между сторонами, предполагал наличность переговоров, то есть предложение вызова и принятие вызова, а равно и договоров об условиях самого боя. Эти переговоры могли быть ведены или самими дуэлянтами или третьими лицами, свидетелями или посредниками. Если эти третьи лица только ограничивались передачей вызова, то они носили название картельтрегеров, а если они определяли условия боя, присутствовали при нем и наблюдали за его правильностью, то их называли свидетелями или секундантами. Причем, по его словам, указанные роли обычно объединялись в одном лице³⁸.

С учетом сказанного, следует заключить, что посредничество в поединке носило сложный характер и заключалось не только в пособничестве поединку путем контроля за соблюдением правильности дуэли, но и в непосредственной передаче вызова от одного лица к своему обидчику. Действия по передаче вызова

³⁸ Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб.,1904. С. 651.

на поединок от одного соперника другому, подлежали самостоятельному наказанию (ст. 1974), и являлись, по сути, подстрекательством к последующему бою. Вследствие чего необходимо отметить, что посредничество в преступлении по Уложению могло выражаться и в подстрекательстве к совершению преступного деяния.

Помимо указанного случая, картельтрегеры и секунданты подлежали наказанию лишь тогда, когда не употребили всех средств для предупреждения или прекращения поединка (ст. 1980), при этом санкция варьировалась в зависимости от наступивших в результате дуэли последствий. По мнению Л.С. Белогриц-Котляревского, ненаказуемость секундантов при соблюдении данного условия оправдывалась тем обстоятельством, что их участие «весьма важно, как в интересах предупреждения дуэлей, так и в интересах ограничения их размеров»³⁹.

При нарушении возлагаемых на секундантов (свидетелей) обязанностей, они подлежали наказанию: 1) за участие в дуэли с условием биться на смерть (ч. 3 ст. 1977); 2) за участие в дуэли с побуждением дуэлянтов к начатию, к продолжению или возобновлению поединка (ст. 1981). Последнюю норму об ответственности третьих лиц, посредничавших в поединке, так же следует относить к подстрекательству. Что еще раз подчеркивает сложную структуру собирательного понятия «посредничество в преступлении».

К еще одному виду посредничества в преступлении, совершенному путем использования своих полномочий, следуют отнести нормы о виновности священнослужителей при заключении неправомερных браков, расположенные в отд. I «О противозаконном вступлении в брак» главы I «О преступлениях против союза брачного» раздела XI «О преступлениях против прав семейственных».

Как отмечал А. Лохвицкий, к условиям правомерного брака следовало относить: свободное согласие брачующихся, единобрачие, отсутствие известных

³⁹ Белогриц-Котляревский А.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев-Петербург-Харьков, 1903. С. 367.

степеней родства между брачующимися, достижение определенного возраста, согласие родителей и начальства⁴⁰.

Если отталкиваться от определения посредничества как содействия совершению соглашения между сторонами, то такое соглашение может состояться только при добровольном его заключении. Следовательно, посредничество будет возможно лишь в тех незаконных браках, в которых оба брачующихся по взаимному согласию нарушают установленные предписания закона, вступая в брак. В противном случае мы можем говорить лишь о пособничестве в преступлении.

К нормам, предусматривавшим ответственность за неправомерный брак, заключаемый на добровольной основе, относились: похищение и вступление в брак с незамужней женщиной, совершенное с ее согласия, но без согласия родителей (ч. 2 ст. 2040), ответственность для самой похищенной, при условии ее согласия (ч. 3 ст. 2040); вступление в брак при существовании прежнего (ч. 1 ст. 2045) и заведомое вступление в брак с таким лицом (ст. 2046); вступление в брак при недозволенных степенях родства (ст.ст. 2050, 2051); вступление в брак при недостижении возраста, предусмотренного законом (ст. 2054); вступление в брак при решительном запрете родителей или без их согласия (ст. 2057).

Как уже говорилось, заключение брака должно было осуществляться духовными лицами. Уложение предусматривало наказуемость деяний указанных лиц, выступавших соучастниками в заключении неправомерного брака, особыми нормами, а именно: венчание похищенной незамужней женщины (ст. 2043); венчание многобрачных (ст. 2048); венчание лиц, не достигших положенного законом возраста или состоящих в родстве (ст. 2066).

Следует отметить, что указанные нормы предусматривали ответственность для православных священников, наказание которых сводилось, как правило, к церковному покаянию. Ответственность же за пособничество священниками иных религий в заключении неправомерного брака, закреплялась в ст. 2067 Уложения,

⁴⁰ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. Изд. 2-е, испр. и допол., сведенные с кассационными решениями. СПб., 1871. С. 493-498.

санкция которой предусматривала наказание в виде лишения духовного сана и заключения в тюрьме. Привилегированное положение православных священников по Уложению в научной литературе того времени подвергалось критике. Так, по мнению А.С. Белогриц-Котляревского, правильнее было бы уравнивать ответственность священников всех вероисповеданий за незаконные браки и наказывать их уголовно не по особым нормам, а по общим правилам о соучастии в преступлении⁴¹.

Помимо священников за посредничество в заключении неправомερных браков ответственности подлежали и свидетели, бывшие при браке и подписавшие акт о бракосочетании. Однако законодатель необоснованно ограничил их посреднические действия наказуемостью исключительно при многобрачии вступающих в брак (ч. 1 ст. 2047).

Как уже было ранее нами отмечено, Уложению был известен институт прикосновенности к преступлению. Помимо попустителей и недоносителей, к числу прикосновенных к преступлению относились и укрыватели, под которыми следовало понимать лиц, «не принимавших участия в самом преступлении, и только уже по совершении которого заведомо участвовали в сокрытии самих преступников, или также заведомо взяли к себе или же приняли на сбережение, или же передали или продали другим похищенные или отнятые у кого-либо или же иным противозаконным образом добытые вещи» (ст. 16).

Особенностью данной категории лиц являлось то, что их деятельность никаким образом не способствовала совершению основного преступления, в сокрытии которого они затем принимали участие. Круг деяний укрывателя, согласно положениям закона, был достаточно разнообразен. Наряду с иными действиями, в него входили принятие и передача (продажа) имущества, заведомо добытого преступным путем другим лицам. Указанные деяния, в свою очередь, с большой долей вероятности можно отнести к посредническим действиям, так как укрыватель в данном случае выступает связующим звеном между лицом,

⁴¹ Белогриц-Котляревский А.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев-Петербург-Харьков, 1903. С. 517.

совершившим хищение, и лицом, желающим приобрести добытую преступным путем вещь. Об этом свидетельствовала и судебная практика, приводимая Н.С. Таганцевым: «принятие и передача другому ... денег, о которых виновному было известно, что они отняты через грабеж – вполне подходят под законное понятие укрывательства (дело Брагиных № 1426 от 1870 г.); взятие к себе заведомо похищенных вещей ... с целью предложить потерпевшему получить обратно, под условием оплаты части их стоимости, вполне соответствует понятию укрывательства (дело Рудакова № 274 от 1872 г.); принятие краденой вещи и отнесение ее к другому лицу для скрyтия безусловно подходит под понятие укрывательства (дело Иванова № 195 от 1876 г.)»⁴².

Вместе с тем Уложение содержало в себе специальные нормы, в которых укрывательство признавалось самостоятельным преступлением. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 2212, ответственности подлежал виновный «за продажу какого-либо заведомо украденного или через насилие или обман полученного имущества, если похищенное учинено другим». Действия лиц, выразившихся в покупке имущества, заведомо добытого преступным путем, подлежали квалификации по ст. 2213. Согласно диспозициям вышеназванных норм, предметом преступления выступало имущество, исключительно добытое хищением. Исходя из обозначенных способов незаконного приобретения чужого имущества, формами такого хищения выступали: кража, мошенничество, грабеж и разбой.

Между тем, внешне совершая действия, присущие укрывательству, виновные, согласно разъяснениям указанных норм, признавались не укрывателями, а пособниками в том преступлении, путем которого было получено имущество. И как отмечал в своих работах Н.С. Таганцев, «постановления ст. 14 об укрывателях не могут быть применены, хотя бы деяние

⁴² Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 12-е, пересмотр. и допол. СПб, 1904. С. 34.

по своему составу и подходило под ее определение, если оно запрещено в уложении, как самостоятельное преступление»⁴³.

Возникшее противоречие общих положений об укрывателях и специальных норм о купле-продаже заведомо похищенных вещей было разрешено следственной практикой. Так, по делу Максимова № 811 от 1871 г. судом было разъяснено: «Укрыватель может быть признаваем покупщиком заведомо краденых вещей в том случае, когда ему известно не только о способе их приобретения, но и самый случай совершившейся кражи; одно же знание, кем похищены покупаемые вещи, составляет не более, как знание того, что вещи приобретены посредством кражи»⁴⁴.

Таким образом, главное отличие укрывателя совершенного преступления от его пособника заключалось в достоверном знании всех обстоятельств совершенного хищения. В противном случае, при купле-продаже заведомо краденых вещей, даже при отсутствии заранее данного обещания на совершение указанных действий, речь можно было вести лишь об ответственности действий пособника хищения.

Необходимо отметить, что с изданием Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ряд положений ст. 2213 Уложения были заменены ст. 180. Наказуемыми по Уложению в редакции 1866 г. остались лишь действия виновного, выразившиеся в купле имущества, заведомо полученного через насилие. В случаях приобретения имущества, заведомо похищенного иными способами, такие действия подлежало квалифицировать по ст. 180 Устава о наказаниях. Объективная сторона состава преступления, закрепленного в рассматриваемой статье, выражалась в покупке или принятии под заклад вещей, приобретенных в результате хищения. Иную форму приобретения заведомо краденого имущества, хотя бы и без знания обстоятельств, сопровождавших кражу, следовало признавать укрывательством. Ответственности по ст. 180

⁴³ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 12-е, пересмотр. и допол. СПб, 1904. С. 34.

⁴⁴ Волков В.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. и по прод. 1912 г. СПб, 1914. С. 1104.

подлежал не только тот, кто приобрел похищенную вещь непосредственно от похитителя, но и те, кому она дошла перекупкой от третьих лиц, если покупателю было известно, что приобретаемая им вещь краденная. При этом стоимость и количество приобретаемого похищенного имущества, а также наличие отягчающих обстоятельств при совершении самой кражи на квалификацию не влияли⁴⁵.

В отличие от замененной нормы, ст. 180 Устава о наказаниях предусматривала квалифицирующий признак, который заключался в совершении указанного поступка в виде ремесла (ч. 2 ст. 180), при этом наказание за такие действия приравнивались к наказанию, установленному за непосредственное совершение кражи.

В целом Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, характеризующееся своей казуальностью, имело достаточно большое количество норм об ответственности за различные виды проявлений посреднических действий в совершении преступлений, начиная от традиционного посредничества во взяточничестве до неизвестного ранее праву посредничества в организации азартных игр или в заключении неправомερных браков.

В заключение рассмотрения вопроса о посредничестве в преступлении в уголовном праве России X-XIX столетий, следует заключить, что наказуемость за посреднические действия была установлена уже в первых законах периода образования и укрепления Русского централизованного государства (Судебники 1497 и 1550 гг.). Проявлялось такое посредничество в содействии взяточничеству либо вымогательству взятки. Последующее развитие института посредничества в преступлении в уголовных законах нашего государства на рубеже рассматриваемого исторического периода заключалось, к сожалению, лишь в увеличении запретов на отдельные проявления посреднических действий. В то время как общего понятия посредничества проанализированные законы не содержали.

⁴⁵ Таганцев Н.С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд. 1885 года. Изд. 21-е, допол. СПб, 1913. С. 564-565.

Наибольшего развития институт посредничества в преступлении достиг в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. С учетом специальных запретов на совершение посреднических действий, посредничество в преступлении по Уложению являлось собирательным понятием и, наряду с содействием в достижении либо реализации соглашения между сторонами, могло выражаться в подстрекательстве к совершению преступления (сводничество, дуэль), так и в его укрывательстве (заранее не обещанное приобретение либо сбыт похищенного имущества). Вместе с тем, уголовному законодательству становятся известны случаи наказания самого факта содействия достижению либо реализации соглашения, в то время как действия сторон, участвующих в такой сделке, не подлежали уголовно-правовой оценке.

§ 1.2. Посредничество в уголовном праве России XX столетия

На смену Уложению о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. пришло Уголовное уложение, утвержденное 22 марта 1903 г.⁴⁶ И хотя Уголовное уложение было введено в действие не в полном объеме (всего лишь нормы Общей и некоторые главы Особенной частей), оно, при сравнении со своими предшественниками, характеризовалось более высоким уровнем разработанности и в правоприменительном плане при помощи более четкого определения признаков как отдельных институтов, так и признаков конкретных составов преступлений, отличалось значительной упрощенностью.

Указанные обстоятельства в полной мере коснулись и института соучастия. Так, согласно ст. 51 отд. V «О видах виновности» главы I «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уголовного уложения: «В преступном деянии, учиненном несколькими лицами, согласившимися на его совершение или действовавшими заведомо сообща, соучастниками признаются те, которые: 1) непосредственно учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении; 2) подстрекнули другого к соучастию в преступном деянии; 3) были пособниками, достававшими средства, или устранявшими препятствия, или оказавшими помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать его учинению или скрыть оное».

В отличие от предшествующих уголовных законов, рассматриваемый документ не предусматривал в своих нормах понятия прикосновенности к преступлению. Напротив, такой признак попустительства как не препятствовать совершению преступления, согласно положениям Уголовного уложения, относился к альтернативным действиям пособника. В то же время в Уголовном уложении при раскрытии понятия пособника законодатель, подобно предыдущим памятникам права, не предусмотрел в нем конкретных посреднических действий.

По-прежнему обязательным условием соучастия являлась взаимная осведомленность соучастников. Однако к отличительным особенностям

⁴⁶ Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб., 1903. 144 с.

Уголовного уложения следует отнести решение вопроса об уголовной ответственности действий лиц, совместно совершающих преступление. В соответствии с ч. 3 ст. 51, из всех соучастников преступления наказанию подлежал только непосредственно учинивший его или участвовавший в его совершении, «подстрекатель же и пособник подлежат наказанию только в случаях, особо законом указанных». Названное обстоятельство распространялось и на ответственность за посредничество в преступлении, нормы о котором, по сравнению с Уложением 1845 г., в рассматриваемом законе были не так распространены, однако обладали определенной преемственностью.

Первые нормы об ответственности за посредничество в преступлении по Уголовному уложению мы встречаем в главе XII «О преступных деяниях против прав семейственных». Как и в более ранних законах, уголовной ответственности за содействие в заключении неправомерного брака, подлежали духовные лица и свидетели, присутствующие при этом (ст. 413). Вместе с тем, согласно указанной норме, круг посредников в заключении неправомерного брака законодателем был расширен. Помимо обозначенных лиц, ответственности за содействие заключению противоправного брака также подлежал служащий, виновный в учинении метрической записи, удостоверявшей заведомо незаконный брак. Следует также отметить, что законодатель в ст. 413 отказался от дифференциации ответственности духовных лиц христианкой религии и других вероисповеданий и от такого вида наказания как церковное покаяние, предусмотрев в качестве санкции статьи заключение в исправительном доме или в тюрьме.

Сохранилась в Уголовном уложении и ответственность секундантов в поединке и иных лиц, содействовавших ему. Однако, наказуемость указанной категории лиц ограничивалась исключительно случаями, когда они заведомо допустили поединок с условием биться на смерть, и на таком поединке были причинены весьма тяжкие телесные повреждения или смерть (ст. 483). Обосновывая такую позицию законодателя, Н.С. Таганцев отмечал: «Устранение ответственности секундантов при таком жестоком условии дуэли, как биться на смерть, было бы равносильно поощрению их безразличного отношения к деянию,

признаваемого столь преступным, и не побуждало бы их принимать меры к отклонению такого условия»⁴⁷. Если же поединок предполагался с условием биться на смерть, но окончился легким ранением, то условие считалось не выполненным, а значить отсутствовала и ответственность для посредников дуэли. Действия лиц, передавших вызов, по Уголовному уложению были не наказуемы (ч. 2 ст. 487).

Нашли свое закрепление в Уголовном уложении и нормы о противодействии сводничеству, под которым по-прежнему понималось содействие любодеянию. При этом ответственность за такое деяние предусматривалась и в случаях, когда лица, непосредственно участвовавшие в любодеянии, не подвергались наказанию.

По рассматриваемому закону сводничество было наказуемо в двух случаях: 1) при сводничестве несовершеннолетней и 2) при сводничестве своей жены дочери, а также и иных лиц, находящихся от виновного в зависимом положении (ч. 1 и 2 ст. 524 главы XXVII «О непотребстве»). Причем потерпевшими в первом случае выступали лица женского пола от четырнадцати до шестнадцати лет, если при этом виновный не воспользовался невинностью жертвы (иначе такие деяния квалифицировались как изнасилование), и девушки от шестнадцати до двадцати одного года, заведомо для виновного девственные. Отягчающим вину обстоятельством было обращение такого деяния сводником в ремесло (ч. 3 ст. 524).

Как отмечал Н.С. Таганцев, «сводничество могло заключаться или в склонении кого-либо к любодеянию ухищрениями, уговорами и т.п., или в простом доставлении лица для любодеяния, или в приискании необходимого для того места, подходящего условия, одним словом – в разнообразном оказании помощи и содействия, но, во всяком случае, внешняя сторона сводничества должна была иметь положительный характер»⁴⁸, то есть выражаться в совершении активных действий, а не в простом попустительстве.

⁴⁷ Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб., 1904.

⁴⁸ Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб., 1904. С. 713.

Преступление считалось оконченным при совершении любых своднических действий, независимо от того, последовало ли за сводничеством любодеяние. Как и прежде, субъективная сторона сводничества ограничивалась умышленной формой вины без необходимости установления корыстной цели или иных побуждений виновного. Само же участие в любодеянии было не наказуемо, если оно не совершалось в отношении несовершеннолетней или в отношении лиц, находящихся в определенной степени родства.

Новеллой для Уголовного уложения выступала норма, предусматривавшая ответственность за организацию проституции. Так, в соответствии со ст. 527, подлежало наказанию лицо, виновное: «1) в извлечении себе, в виде промысла, имущественной выгоды получением оной от промысляющей непотребством женщины, находящейся под его влиянием или в его зависимости, или пользуясь беспомощным ее положением; 2) в вербовании, в виде промысла, с целью получения выгоды, лиц женского пола для обращения ими непотребства в промысел в притонах разврата». Причем субъектом данного преступления могло выступать только лицо мужского пола.

В анализируемой норме законодатель ведет речь о сводничестве как профессии (в виде промысла), сущность которого заключается в целенаправленном извлечении прибыли от своднических действий. Как ранее было нами отмечено, в общем понимании сводничество признавалось содействием любодеянию, иными словами сводник выступал посредником между лицами участвующими непотребстве. Следовательно, применительно к положениям ст. 527 Уголовного уложения, посреднические действия могли выражаться не только в приискании мест для непотребства и доставлении лиц, но и в вербовке женщин для последующего сводничества.

Сохранилось в Уголовном уложении и ответственность для лиц, виновных в приобретении, принятии для хранения, для сокрытия или в заклад или для сбыта либо в сбыте чужого имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 616 главы XXXIV «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу»). Закон уже не ограничивал ответственность

в зависимости от способов похищения чужого имущества либо от категории преступления. Ответственность за такое деяние усиливалась лишь в случаях, когда оно составляло промысел виновного (ч. 2 ст. 616) и когда предметом преступления выступала лошадь (ст. 618).

Преследовались по рассматриваемому закону и лица, посредничавшие во взяточничестве. Виновниками такого посредничества могли выступать только должностные лица, причем не только работавшие совместно с получателем взятки, но и любые другие должностные лица, виновные в заведомом оказании содействия учинившему взяточничеству. В частности, ст. 660 главы XXXVII «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» гласила: «Служащий, виновный в оказании заведомо содействия учинившему взяточничеству..., передаче взятки, принятие ее под своим именем или иным посредничеством, наказывается как пособник к сим преступлениям». Как видно из диспозиции статьи, указанием на «иное посредничество», законодатель не ограничил способы такого деяния.

Комментируя данную норму, Н.С. Таганцев отмечал, что к пособничеству взяточничеству были отнесены такие поступки служащего, которые свидетельствовали, что пособничество его было необходимое или существенное, а именно, «когда оно выразилось в посредничестве, заключающемся: а) в передаче предложений, просьб или требований дара, в определении что именно и за что дается, и вообще в посредничестве по заключению взяточнической сделки; б) в передаче дара, то есть в фактическом вручении взятки взяточнику или иному лицу по его указанию или условленному в договоре с лиходателем, и в) в принятии взятки под своим именем, – подобное содействие может быть учинено или с целью замаскирования преступности дара или же с целью сокрытия истинного виновника взяточничества»⁴⁹.

Таким образом, следует заключить, что под иное посредничество, применительно к ст. 660, подпадали все случаи содействия в достижении соглашения или реализации соглашения между лиходателем и

⁴⁹ Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб., 1904. С. 713.

взятополучателем. При этом действия самого лихоходателя Уголовное уложение оставляло без юридической оценки.

В заключение рассмотрения Уголовного уложения 1903 г., необходимо отметить, что, хотя закон и не содержал определения посредничества в преступлении в своих нормах, однако безусловно положительно сказался на конкретизации отдельно взятых признаков института посредничества, путем их раскрытия в статьях Особенной части.

Смена государственного строя, а также форм правления российского государства, проведенная новой политической элитой в октябре 1917 г., существенным образом отразилась на всех отраслях права, в том числе и на уголовном законодательстве страны. Все достижения Российской Империи были чужды новому рабоче-крестьянскому классу, вследствие чего ни о какой преемственности уголовного законодательства не могло быть и речи. А первые принимаемые нормативные акты, безусловно, были посвящены борьбе с посягательствами на советский строй.

На первых этапах становления советского законодательства регулирование уголовно-правовых отношений осуществлялось с помощью разного рода декретов и постановлений. Для нашего исследования интерес представляет Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве»⁵⁰. Так, ст. 2 указанного Декрета предусматривала уголовную ответственность за дачу взятки, подстрекательство к даче и получению взятки, пособничество во взяточничестве и прикосновенность к взяточничеству. При этом наказание для соучастников во взяточничестве приравнивалось к наказанию должностного лица за получение взятки.

Следует заметить, что данный документ не раскрывал в себе ни понятия соучастия, ни признаков соучастников. И судя по равной для всех лиц, участвующих во взяточничестве, ответственности, в нем также не был отражен принцип индивидуализации наказания соучастников.⁵¹

⁵⁰ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства. (1917-1937 гг.): Учеб. пособие для юрид. институтов. М., 1938. С. 37.

⁵¹ Сунгатуллин, А.Ю. Посредничество в совершении преступления в уголовном праве России XX столетия / А.Ю. Сунгатуллин // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2013. – № 1. – С. 30.

Более конкретно нормы о соучастии были сформулированы в Уголовном кодексе РСФСР от 24 мая 1922 г.⁵² (далее – УК РСФСР). Так, ст. 15 Кодекса гласила: «За преступление наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания каждому из этих соучастников преступления определяется как степенью участия, так и степенью опасности преступника и совершенного им преступления». А уже в ст. 16 раскрывались понятия каждого из соучастников преступной деятельности: «Исполнителями считаются те, кто принимает непосредственное участие в выполнении преступного действия, в чем бы оно ни заключалось. Подстрекателями считаются лица, склонившие к совершению преступления. Пособниками считаются те, кто содействует выполнению преступления советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления».

Следует отметить, что в Общей части УК РСФСР законодатель не упомянул ни о таком виде соучастников как организатор, ни о прикосновенности к преступлению, а также не обозначил конкретных посреднических действий в понятии пособника преступления. Вместе с тем в статьях Особенной части УК РСФСР содержались нормы об ответственности за посреднические действия к совершению отдельных преступлений.

Первое упоминание о запрете посредничества мы находим в статьях о противодействии взяточничеству. Ответственность за посредничество во взяточничестве стало традиционным для преступлений данной категории. Так, в ч. 2 ст. 114 главы II «Должностные (служебные) преступления» УК РСФСР был установлен запрет на посредничество во взяточничестве, которое приравнивалось к укрывательству, при этом указаний на способы посредничества в законе не содержалось. А возможность освобождения от наказания, согласно ч. 4 ст. 114, предусматривалась только для лица, давшего взятку.

Еще одно проявление посреднических действий мы наблюдаем в части IV «Преступления в области половых отношений» главы V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» УК РСФСР. В частности, ст.

⁵² Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

171 предусматривала ответственность за сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовку женщин для проституции. Ответственность за указанные посреднические действия усиливались в случаях, если вовлеченные в проституцию состояли на попечении или в подчинении обвиняемого или не достигли совершеннолетия. Наказание для лиц, занимающихся проституцией, а также для лиц, пользующихся их услугами, в законе отсутствовала.

Более упоминаний о наказуемости посредничества в преступлении УК РСФСР 1922 г. не содержал.⁵³

Пришедший на смену предыдущему УК РСФСР от 22 ноября 1926 г.⁵⁴ в целом сохранил полную преемственность как норм о соучастии в преступлении, так и вопросов об уголовном преследовании посредничества в преступлении. По-прежнему в уголовном законе отсутствовало законодательное понятие соучастия и такой вид соучастника как организатор, а посредничество наказывалось лишь в случаях содействия взяточничеству (ст. 118 главы III «Должностные (служебные) преступления») и при организации проституции (ст. 155 главы VI «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»). Отличительная особенность УК РСФСР 1926 г. заключалась лишь в том, что в нем степень общественной опасности за дачу взятки приравнивалась к посредничеству во взяточничестве путем закрепления в ч. 1 ст. 118 равной санкции за совершение указанных деяний.

Существенный вклад в развитие института соучастия внес УК РСФСР от 27 октября 1960 г.⁵⁵ В рассматриваемом документе получило законодательное закрепление понятие соучастия, под которым, в соответствии со ст. 17, следовало понимать «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления». Указав ряд основных признаков соучастия, законодатель при этом не отобразил форму вины преступления, в котором могут участвовать совместно лица, что на практике и в науке породило немало споров.

⁵³ Сунгатуллин, А.Ю. Посредничество в совершении преступления в уголовном праве России XX столетия / А.Ю. Сунгатуллин // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2013. – № 1. – С. 31.

⁵⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

⁵⁵ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

Совместно с иными соучастниками в преступлении, УК РСФСР 1960 г. выделил в самостоятельный вид фигуру организатора преступления. Организатором признавалась лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением. В законе также был отражен принцип ответственности соучастников, который зависел от степени и характера участия каждого из них в совершении преступления.

Понятие пособника в уголовном законе также претерпело изменение. Наряду с ранее существовавшими способами, пособнические действия были расширены заранее обещанным укрывательством. Однако, как и ранее, в определении рассматриваемого вида соучастника законодатель не конкретизировал действия, образующие посредничество, заменяя их общими формулировками – лицо, «содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий».

С учетом проводимой коммунистической партией государственной политики, направленной на поддержку и развитие плановой экономики, Особенная часть УК РСФСР была дополнена ранее неизвестным составом преступления «Коммерческое посредничество». Так, ч. 2 ст. 153 главы VI «Хозяйственные преступления» предусматривала ответственность за коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения.

Понятия коммерческого посредничества в законе не давалось, вследствие чего в теории уголовного права по данному поводу стали появляться различные точки зрения.

К примеру, М.А. Гельфер отмечал, что сущность коммерческого посредничества заключалась во вторжении «частника», то есть чуждых паразитических элементов, в деятельность государственных и общественных организаций, в грубом нарушении принципа планового распределения материальных ресурсов, фондируемого сырья, материалов⁵⁶.

⁵⁶ Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. М.: Юрид. Лит., 1979. С. 282-283.

По мнению П.С. Тоболкина, стороны коммерческого посредничества не следовало ограничивать лишь государственными или общественными организациями. В частности, он указывал, что под коммерческим посредничеством следовало понимать оказание частными лицами содействия в приобретении или реализации товарно-материальных ценностей для предприятий, организаций и граждан, а равно оказание содействия в заключении сделок, осуществляемое в виде промысла или в целях обогащения⁵⁷.

Слова последнего специалиста представляются более обоснованными в связи с тем, что при раскрытии активных действий посреднического характера судебные органы предусматривали возможность привлечения виновного к уголовной ответственности за коммерческое посредничество, которое заключалось в содействии гражданам в приобретении различного рода товара. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 26 июня 1976 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество», на практике встречались следующие формы коммерческого посредничества: а) приобретение или сбыт продукции под прикрытием договора поручения, заключенного социалистической организацией с частным лицом; б) подыскание продавцу покупателя, а покупателю – продавца; в) приобретение товаров для других лиц или организаций; г) наем помещения для торговли; д) оказание содействия гражданам в приобретении товаров путем продажи неоплаченных товарных чеков, талонов; е) посредничество в обмене квартир⁵⁸.

Рассматриваемое преступление считалось оконченным с момента осуществления действий, составляющих коммерческое посредничество. Вместе с тем, одних посреднических действий для привлечения виновного к уголовной ответственности было недостаточно. Необходимо, чтобы они совершались в виде промысла либо с целью обогащения. Под промыслом следовало понимать

⁵⁷ Советское уголовное право: Часть Особенная. Учебник / Под ред. М.И. Ковалева. М.: Юрид. лит., 1983. С. 224.

⁵⁸ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1977. Ч. 2. М.: Изд-во «Изв. Советов Народ. депутатов СССР», 1978. С. 217-219.

совершение коммерческого посредничества систематически, когда сама деятельность служила для виновного определенным источником противозаконного обогащения (постоянным, дополнительным, временным). Под целью обогащения – стремление виновного путем указанных действий к получению значительного вознаграждения, размер которого определялся в зависимости от конкретных обстоятельств дела. При этом закон говорил о цели, а не о факте обогащения. Вследствие чего состав преступления считался оконченным независимо от того, получил ли виновный вознаграждение либо нет⁵⁹.

Ответственности за коммерческое посредничество подлежало частное лицо, достигшее 16 лет. Случаи совершения указанного деяния должностным лицом с использованием своего служебного положения следовало квалифицировать по нормам о должностных преступлениях (ст.ст. 170, 171, 173 УК РСФСР).

Коммерческое посредничество следовало отличать от спекуляции, заключающейся в скупке и перепродаже товаров или иных предметов с целью наживы (ст. 154 УК РСФСР), по следующим основаниям: 1) спекуляция обычно предполагала право собственности виновного на предмет спекуляции; при коммерческом посредничестве виновный таким правом на приобретаемые и реализуемые товары не обладал; б) спекуляция предполагала обязательное совершение двух действий – скупки и перепродажи; коммерческое посредничество предполагало лишь одно из таких действий; в) спекуляция была связана с получением нетрудового дохода в виде разницы между покупной и продажной ценой; коммерческое посредничество обычно было связано с получением нетрудового дохода в виде процентов от стоимости общего количества приобретаемого или реализуемого товара⁶⁰.

Как мы видим, в общем своем понимании, коммерческое посредничество заключалось в содействии достижению либо реализации соглашения между

⁵⁹ Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. М.: Юрид. Лит., 1979. С. 285.

⁶⁰ Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. М.: Юрид. Лит., 1979. С. 286.

сторонами, участвующими в экономических сделках товарно-материального характера. Кроме того, в научной литературе неоднократно подчеркивалось, что коммерческое посредничество, должно было осуществляться на основании предварительного соглашения между заинтересованными сторонами, облеченного в форму договора (письменного либо устного), а также наличия заранее обусловленного вознаграждения⁶¹. При этом, вознаграждение, получаемое посредником, явно не соответствовало количеству и качеству вложенного им труда⁶².

Не стал исключением УК РСФСР в вопросе криминализации посредничества во взяточничестве, ответственность за которое была установлена в ст. 174 УК РСФСР, где данное преступление было приравнено к даче взятки. Впоследствии запрет на посредничество во взяточничестве был выделен в самостоятельную норму – ст. 174¹ УК РСФСР.

Как и в ст. 153 УК РСФСР, понятие посредничества законодатель не давал. Вследствие этого, ссылаясь на судебную практику, П.И. Гришаев указывал, что посредничество во взяточничестве представляло собой любую форму оказания содействия в установлении контактов между взяткодателем и взяткополучателем и передачи должностному лицу по поручению взяткодателя или взяткополучателя взятки⁶³.

Таким образом, понятие посредничества во взяточничестве ограничивалось лишь случаями содействия в достижении соглашения между взяткодателем и взяткополучателем и непосредственной передачей предмета взятки. В то время как иное содействие в реализации достигнутого соглашения между указанными лицами оставалось вне юридической компетенции ст. 174¹ УК.

В теории уголовного права специалистами особо подчеркивался тот факт, что посредник во взяточничестве всегда действовал не по собственной

⁶¹ См., напр.: Советское уголовное право: Часть Особенная. Учебник / Под ред. М.И. Ковалева. М.: Юрид. лит., 1983. С. 225; Советское уголовное право: Часть Особенная. Учеб. пособие / Под ред. Е.А. Смирнова и А.Ш. Якупова. Киев: НИ и РИО КВШ МВД СССР, 1975. С. 247.

⁶² Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. М.: Юрид. Лит., 1979. С. 285.

⁶³ Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. М.: Юрид. Лит., 1979. С. 372.

инициативе, а выполнял поручение (просьбу) одной из сторон, участвовавших в таком договоре⁶⁴. Данное утверждение было основано на разъяснении положений о взяточничестве, даваемых в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве». Согласно указанному документу, в случаях, когда лицо принимало участие в организации дачи взятки, подстрекало к даче взятки либо являлось пособником дачи или получения взятки и одновременно выполняло посреднические функции, оно несло ответственность за соучастие в получении или даче взятки. Дополнительная квалификация указанных действий по ст. 174¹ УК РСФСР не требовалась⁶⁵.

Ответственность за содержание притонов разврата, сводничество с корыстной целью, а равно содержание притонов для потребления наркотиков либо содержание игорных притонов предусматривалась ст. 226 главы X «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» УК РСФСР. За сам факт посещения указанных мест или пользования услуг сводника наказание в рассматриваемом законе отсутствовало.

В заключение рассмотрения норм УК РСФСР 1960 г. следует отметить, что понятие посредничества в преступлении трактовалось ограничительно. В частности, оно охватывало лишь случаи содействия в достижении соглашения между сторонами сделки и содействие, выразившееся в передаче предмета договора от одной стороны другой. Причем, посреднические действия исключали инициативный характер, а осуществлялись исключительно по поручению (просьбе) одной из сторон. Предложение посредничества и дальнейшее содействие в совершении незаконных действий по уголовному закону квалифицировалось как подстрекательство и пособничество преступлению и рассматривалось по общим нормам о соучастии.

⁶⁴ См., напр.,: Советское уголовное право: Часть Особенная. Учебник / Под ред. М.И. Ковалева. М.: Юрид. лит., 1983. С. 298; Советское уголовное право: Часть Особенная. Учеб. пособие / Под ред. Е.А. Смирнова и А.Ш. Якупова. Киев: НИ и РИО КВШ МВД СССР, 1975. С. 313.

⁶⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1977. Ч. 2. М.: Изд-во «Изв. Советов Народ. депутатов СССР», 1978. С. 298-299.

Подводя итог исследования посредничества в преступлении по уголовному законодательству России в XX веке, следует заключить, что законодатель, начиная от Уголовного уложения 1903 г. и до УК РСФСР 1960 г., не давал нормативного определения действий посредника в преступлении, традиционно относя их к отдельным проявлениям пособничества.

Самостоятельная ответственность за посредничество была предусмотрена лишь в случаях, специально оговоренных Особенными частями проанализированных уголовных законов. К традиционно наказуемым видам посредничества в преступлении относились: посредничество во взяточничестве, сводничество и содержание притонов, а также, заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. С учетом диспозиций указанных норм, разъяснений судебных органов и мнений специалистов, посредничество в преступлении подлежало ограничительному толкованию и выражалось в содействии в достижении соглашения между сторонами сделки и содействии реализации соглашения сторон путем передачи предмета договора, осуществляемое по их поручению либо просьбе.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 2.1. Понятие и признаки посредничества в совершении преступления

Ретроспективное исследование отечественного уголовного законодательства об ответственности за посредничество в совершении преступления позволило констатировать многогранность данного общественно опасного деяния, обусловленную его взаимосвязью с институтом соучастия в преступлении, а также трансформацией в самостоятельные преступления. При этом истории известны случаи, когда посредничество в определенной криминальной деятельности признавалось уголовно наказуемым в условиях декриминализации деяний соответствующих сторон сделки.

Историко-правовой метод исследования выступил предпосылкой для формирования представления о социально-правовой природе посредничества в совершении преступления. Однако вопрос о понятии и признаках посредничества в совершении преступления ретроспективный анализ не предрешает. В этой связи актуальным и необходимым является определение посредничества с учетом современных достижений науки уголовного права и практики его применения.

Принимая во внимание тот факт, что посредничество предполагает определенное участие лица в совершении конкретного преступления другими лицами, целесообразным является рассмотрение посредничества, в первую очередь, через призму учения о соучастии в преступлении.⁶⁶

Как известно, соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ). Учитывая, что с точки зрения русского языка посредничество представляет собой «содействие соглашению, сделке между

⁶⁶ Понятие посредничества в уголовном праве / А.Ю. Сунгатуллин // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 317.

сторонами», а посредник – это лицо, при участии которого ведутся переговоры между сторонами⁶⁷, имеются основания утверждать о наличии признаков соучастия в преступлении в исследуемых ситуациях.⁶⁸

И.А. Хитровым разработана конструкция соучастия, которая складывается из четырех элементов: 1) объекта совместного посягательства; 2) объективной стороны; 3) субъективной стороны; 4) наличия двух или более субъектов, обладающих установленными законом признаками.⁶⁹

Поскольку посредничество направлено на содействие криминальной сделке, постольку можно сделать вывод о том, что такое соглашение является единым целым, поэтому одни общественные отношения нарушаются всеми участниками сделки. При этом данное утверждение непоколебимо даже тем фактом, что действия сторон криминальной сделки образуют самостоятельные составы преступлений, причем иногда они предусмотрены разными статьями Особенной части УК РФ. Например, в случае с взяточничеством действия одной стороны квалифицируются по ст. 290 УК РФ, а другой – по ст. 291 УК РФ. Тем не менее, основной непосредственный объект данных преступлений обладает едиными свойствами – это общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. И так в преобладающем большинстве фактов посредничества в совершении преступления.

С объективной стороны посредничество характеризуется довольно специфично. Дело в том, что узловым свойством посредничества выступает содействие совершению преступления, которое может иметь весьма разнообразное выражение. Необходимо отметить, что с позиции гражданского права сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

⁶⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. С. 399.

⁶⁸ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 199-207.

⁶⁹ Хитров И.А. Институт соучастия: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. С. 95.

Сделки могут быть двух- или многосторонними (договоры) и односторонними (ст.ст. 153, 154 ГК РФ). Вполне очевидно, что криминальное посредничество может иметь место исключительно в сделках не менее чем двух сторон.

В виду того, что криминальная сделка подразумевает, как минимум, две стороны, следует выделить три основных варианта поведения посредника: содействие одной или другой стороне либо обеим сторонам одновременно. Говоря о посредничестве в совершении преступления, стоит учитывать, что стороны криминальной сделки совершают преступление, при этом их ответственность может наступать по разным статьям Особенной части уголовного закона. Следовательно, объективная сторона посредничества может быть связана с объективной стороной преступления, совершенного одним либо другим участником преступного соглашения.

Вместе с тем, сложно представить ситуацию, при которой лицо способствует достижению преступного соглашения между сторонами, действуя только на одной стороне сделки. Само существо посреднической деятельности подразумевает помощь обеим сторонам, поскольку это содействие достижению соглашения. И даже, если посредник действует в интересах, например, лица сбывающего предмет преступления, он в определенной степени способствует приобретению такого предмета.

С субъективной стороны соучастие характеризуется умышленной формой вины. Результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что посредничество в совершении преступления предполагает осознание факта содействия лица достижению криминального соглашения. Не случайно в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» отмечается, что если лицо, передавшее имущество, предоставившее имущественные права, оказавшее услуги имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе, осознавало, что указанные ценности не предназначены для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких,

содеянное им не образует состав преступления, предусмотренный ст. 291¹ УК РФ.⁷⁰

Более того, посредник желает действовать таким образом, его деятельности свойственно целеполагание – посредник стремится к тому, чтобы сделка была совершена. В подавляющем большинстве случаев поведение посредника мотивировано корыстными соображениями либо иной личной заинтересованностью. При этом общественно опасному деянию, совершенному при участии посредника, присуще осознание сторонами сделки факта содействия посредника.

В то же время, умышленность совместного совершения преступления не исключает случаи, при которых об участии посредника может быть осведомлена только одна сторона сделки. Например, если лицо, незаконно приобретающее наркотические средства для другого человека, выступает перед сбытчиком как непосредственный приобретатель. В такой ситуации деяние сбытчика не подпадает под признаки соучастия в преступлении в виду отсутствия у него умысла на совместное совершение преступления несколькими лицами.

Тем не менее, и в этом случае налицо два или более субъекта, как обстоятельства, обязательного для соучастия в преступлении. При этом подчеркнем, что стороны криминальной сделки, а также посредник должны обладать признаками субъекта преступления, то есть быть вменяемыми физическими лицами, достигшими возраста уголовной ответственности. Но это только общее правило, так как посредничество в совершении преступления отнюдь не исключается в ситуациях, когда одна из сторон преступного соглашения не обладает признаками субъекта преступления (общими или специальными). Так, посредничество будет иметь место и в случае, когда, например, лицо, дающее коммерческий подкуп, является невменяемым.

Если же сам посредник не обладает признаками, хотя бы общего субъекта, то в такой ситуации посредничество в совершении преступления обладает

⁷⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016г.).

совершенно иным уголовно-правовым значением. Здесь уже недопустимо вести речь о посредничестве как таковом, поскольку действия лица, использующего не субъекта преступления, необходимо рассматривать в качестве посредственного причинения. В свою очередь, действия используемого лица уголовной ответственности не влекут.

Таким образом, преступления, совершенные при участии посредника обладают признаками соучастия. При этом одна из сторон криминальной сделки может не обладать признаками субъекта преступления либо не осознавать факт участия посредника. В данном случае признаки соучастия усматриваются лишь в действиях посредника и одной из сторон преступного соглашения.⁷¹

Однако для признания конкретного преступления совершенным в соучастии, требуется определить виды соучастников. Российским уголовным законом предусмотрен ограниченный перечень видов соучастников преступления, которыми признаются исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. В соответствии со ст. 33 УК РФ, исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим УК РФ.

Организатором является лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

⁷¹ Понятие посредничества в уголовном праве / А.Ю. Сунгатуллин // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 318.

И, наконец, пособником следует считать лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Для того чтобы считать посредничество в совершении преступления соучастием, исходя из требований уголовного закона, необходимо установить к какому виду соучастников относится посредник, что позволит определить основание его уголовной ответственности.

В науке уголовного права отмечается, что «общие пределы уголовной ответственности соучастников определяются тем, что совершил исполнитель, но результат этого дела является коллективным плодом усилий и его соучастников, поэтому они несут ответственность с учетом степени и характера участия каждого из них»⁷². Посредник в совершении преступления, как правило, вносит довольно внушительный вклад в достижение преступных целей, реализация которых в конечном итоге предопределяет ответственность и посредника.

При этом уместно подчеркнуть, что вследствие содействующей роли посредника в совершении преступления он не является исполнителем. Специфика посредничества заключается в том, что внешне такие действия могут быть сходны исполнителю в определенном преступлении. Например, в случае приобретения наркотиков для конкретного лица посредник покупает такой товар, а затем отдает его заказчику. Казалось бы, данное лицо осуществляет и приобретение, и сбыт наркотиков. Однако посредник действует не в свою пользу, поскольку он является лишь лицом, способствующим выполнению сбыта-приобретения. Приобретая товар, посредник не становится его владельцем и не пользуется им. Также и при отчуждении наркотиков – он сбывает то, что ему не

⁷² Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 86.

принадлежит. Посредник выступает своего рода инструментом сбыта-приобретения, технически содействуя реализации криминальной сделки.

Исключение в части исполнительства составляют лишь те случаи, когда уголовно-правовой запрет посредничества предусмотрен самостоятельной нормой Особенной части УК РФ. Так, посредник во взяточничестве является исполнителем преступления, предусмотренного ст. 291¹ УК РФ. Однако относительно основного преступления в виде получения-дачи взятки его действия находятся вне рамок объективной стороны данного преступления.

Как пишет И.А. Хитров, «особенность основания ответственности организатора, подстрекателя и пособника, прежде всего, состоит в том, что состав преступления, содержащийся в деянии каждого соучастника указанных видов, по признакам объективной стороны не совпадает с составом преступления, совершаемого исполнителем. Однако «нестандартность» состава преступления организатора, подстрекателя и пособника является условной, поскольку недостающие признаки объективной стороны преступления, указанного в Особенной части УК и «приписываемого» исполнителю, восполняются признаками, указанными в ст. 33 УК»⁷³.

При этом деятельность посредника в совершении преступления может иметь многообразие вариантов проявления. В одних случаях посредник выполняет значительную часть объективной стороны соответствующего преступления, а в других – лишь отдельные ее компоненты либо предпринимает действия по обеспечению выполнения объективной стороны преступления.

Особенностью посредничества в совершении преступления, как выше нами отмечалось, является то, что оно может примыкать к объективным сторонам различных преступлений. Например, даче или получении коммерческого подкупа, что нельзя признать фактором, исключающим соучастие в преступлении. По этому поводу П.Ф. Тельнов делает вывод, что соучастие возможно и в том случае, когда деяния подлежат различной уголовно-правовой оценке, но установлена их

⁷³ Хитров И.А. Институт соучастия: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. С. 86.

фактическая принадлежность к одному событию.⁷⁴ Рассуждая с этой позиции, посредничество всегда предполагает одно событие, несмотря на возможную неодинаковую квалификацию деяний лиц, участвующих в криминальной сделке.

Далее разберем вопрос об относимости посредника в категорию организатора, подстрекателя либо пособника преступления. В юридической литературе отмечается, что деятельность организатора преступления связана с вовлечением других лиц в совершение преступления, созданием условий осуществления преступного деяния, руководством соучастниками.⁷⁵

На наш взгляд, такое поведение может быть присуще посреднику в совершении преступления. Посредник нередко склоняет других лиц к преступлению. Например, посредник убеждает должностное лицо получить взятку. Так же не исключена и функция руководства соучастниками преступления. Однако прослеживающееся совпадение ролей организатора и посредника в совершении преступления во многом обусловлено обширным содержанием понятия организатора.

По мнению Н.В. Димченко, «организатор как инициатор и вдохновитель преступления – фигура, близкая к подстрекателю, но, несомненно, более значительная. Для того чтобы организовать преступную группу в любой из известных ее разновидностей, ему приходится, вербуя участников преступления, вступать с ними в контакт, подговаривать, убеждать, подкупать, шантажировать и т.п., т.е. в арсенале организатора могут оказаться все средства, которыми обычно владеет и подстрекатель»⁷⁶. С.Н. Наумов пишет, что организатор преступления, помимо функций подстрекателя может осуществлять и действия, характерные для пособника совершения преступления.⁷⁷

Результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что посредник в совершении преступления все же не выполняет столь широкий круг

⁷⁴ Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 31.

⁷⁵ Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 131.

⁷⁶ Там же. С. 132.

⁷⁷ Наумов С.Н. Оценочные признаки соучастия в преступлении: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 98-99.

действий. Основная задача посредника, как правило, сводится к удовлетворению уже имеющихся потребностей сторон преступного договора. В этой связи сложно согласиться с Г.Н. Борзенковым, который, рассматривая уголовно-правовое значение посредника в составе убийства по найму, отмечает, что посредник является организатором, поскольку он «во исполнение полученного заказа подбирает исполнителей, разрабатывает план убийства и осуществляет другие действия»⁷⁸. На наш взгляд, совершенно не обязательно, чтобы посредник наделялся столь обширным кругом «полномочий». Представляется, что вполне достаточно факта способствования соглашению между заказчиком и исполнителем, которое не требует организации убийства.⁷⁹

В большей степени для посредника характерно оказание помощи другим участникам преступления. Он содействует достижению соглашения, осуществлению криминальной сделки. Если в «компетенции» организатора преступления находятся все вопросы, связанные с организацией совершения преступления, то посредник ограничивается организационными вопросам непосредственно по криминальной сделке. При этом юридическая сущность посредника не совпадает и с подстрекателем в виду того, что для наличия посредничества совершенно не требуется склонять кого-либо к преступлению. Хотя практике известны ситуации, когда посредник склоняет к криминальной сделке одну из сторон договора, иницируя в ней желание совершения соответствующего преступления. Но его роль связующего звена все же превалирует над функцией подстрекателя, которую он может частично выполнять.

В этой связи тезис о том, что посредник концентрирует в себе отдельные функции организатора и подстрекателя к совершению преступления имеет право на существование.

⁷⁸ Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: Учебно-практическое пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. С. 102.

⁷⁹ См.: Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: Монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 97.

Наибольшее сходство проявляется при сравнении посредничества с пособничеством преступлению, поскольку последнее подразумевает содействие совершению преступления. Основная сущность как посредничества, так и пособничества заключается, главным образом, в оказании помощи другим участникам преступления.

В то же время, роль посредника все же несколько шире роли пособника. В отличие от последнего, посредник не ограничивается лишь помощью, поскольку он может выполнять отдельные функции организатора и подстрекателя преступления. Об этом свидетельствуют и отдельные положения зарубежного уголовного права, дифференцирующие понимание посредника и пособника совершению преступления.⁸⁰

Из числа указанных в ч. 5 ст. 33 УК РФ действий, образующих пособничество, непосредственное отношение к посредничеству может иметь лишь содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации. Названные действия, именуемые в науке уголовного права интеллектуальным пособничеством, как правило, выполняются посредником, поскольку с помощью советов, значимой для совершения преступления информации он оказывает помощь в преступном соглашении между лицами. Вместе с тем, очевидно, что роль посредника не ограничивается интеллектуальным пособничеством. Посредник согласовывает, а нередко и организует процесс криминальной сделки, оказывает содействие в выполнении объективной стороны основного преступления, в том числе путем непосредственной передачи предмета преступления. Как видно, пособничество лишь частично описывает посредничество.

Не случайно в теории уголовного права бытует мнение о том, что пособник совершению преступления является наименее значимой фигурой из всех предусмотренных уголовным законом видов соучастников. Например, Н.В. Димченко полагает, что действия пособника в совершении преступления

⁸⁰ См.: Уголовный кодекс Латвийской Республики / Науч. ред. и вступ. статья к.ю.н. А.И. Лукашова и к.ю.н. Э.А. Саркисовой. Перевод с латышского к.ю.н. А.И. Лукашова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 291.

характеризуются пониженной общественной опасностью.⁸¹ Конечно же, вероятно, во многих случаях это действительно так, но в целом такое утверждение сложно признать обоснованным. Как справедливо замечает Ю.А. Цветков, «опасность соучастника зависит не столько от того, к какому законодательному типу он относится, сколько от того, какую роль он играет в совершении преступного деяния или достижении преступного результата»⁸².

Во многом это подтверждается тем, что законодатель не дифференцирует уголовную ответственность для разных видов соучастников. Так, ст. 67 УК РФ, определяющей специфику назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, установлено, что при назначении наказания за такое преступление, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда.

Поэтому не исключены ситуации, когда, например, действия пособника, предоставившего средства или орудия совершения преступления, будут более общественно опасны по сравнению с действиями организатора, спланировавшего преступление. Представляется, что данные вопросы должны решаться индивидуально в каждом конкретном случае.

Тем не менее, и с учетом обозначенной оговорки, по общему правилу посредничество в совершении преступления представляется более значимым по отношению к пособничеству.

Таким образом, наблюдается ситуация, при которой отнесение посредника в совершении преступления к одному из видов соучастников не находит однозначного решения. В свою очередь данный аспект порождает в уголовно-правовой науке дискуссии, обусловленные определением места посредника в структуре соучастников преступления.

⁸¹ Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 109-110.

⁸² Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / Под ред. В.В. Лунева. М.: Издательство Юрайт, 2010. С. 252.

В этих условиях отдельными специалистами высказывается мнение, согласно которому посредничество в совершении преступления не может быть идентифицировано как вид соучастия. Так, Г.Л. Минакова утверждает, что отождествление посредничества с соучастием следует признать применением уголовного закона по аналогии. Автор отмечает, что действия посредника не соответствуют ни одному из видов соучастия.⁸³ Подобной точки зрения придерживается и многие другие авторы. Так, Л.П. Тумаркина (в разрезе исследования состава коммерческого подкупа) полагает, что «посредничество не по похоже ни на один из видов соучастия и, кроме того, фигура посредника в коммерческом подкупе наравне с подкупающим и подкупаемым является вполне самостоятельной»⁸⁴.

Вместе с тем, как известно, в п. 8 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» отмечалось, что уголовная ответственность посредника во взяточничестве в зависимости от конкретных обстоятельств по делу и его роли в даче или получении взятки наступает лишь в случаях, предусмотренных ст. 33 УК РФ.⁸⁵ Следовательно, высшая судебная инстанция давала разъяснение, в соответствии с которым, посредничество в совершении преступления подлежало квалификации как вид соучастия. При этом Пленум Верховного Суда РФ не указывал, какой именно вид соучастия образует посредничество в совершении преступления. Исходя из буквального толкования рассматриваемого положения, можно сделать вывод, что действия посредника могли быть квалифицированы как действия организатора, подстрекателя, так и пособника преступления.

⁸³ Минаков Г.Л. Усиление борьбы с коррупцией: уголовно-правовой аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 133. См. также: Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. С. 199.

⁸⁴ Тумаркина Л.П. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 117. См. также: Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 23; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. С. 107.

⁸⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 мая 2012 г. № 7).

Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» также содержит подобное положение. В нем, в частности определено, что должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, поручившие подчиненному по службе работнику для достижения желаемого действия (бездействия) в интересах своей организации передать лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, незаконное вознаграждение, несет ответственность по ч. 1 или ч. 2 ст. 204 УК РФ, а работник, выполнивший его поручение, – по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 или ч. 2 ст. 204 УК РФ.⁸⁶ Следовательно, посредника в коммерческом подкупе предлагается признавать пособником.

В целом, поддерживая данное руководящее разъяснение, В.В. Васюков пишет, что «существующая судебная практика о квалификации действий посредника незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и посредника взяточничества как соучастника (пособника) соответствующих преступлений, а не как исполнителя соответствует требованиям уголовного закона, поскольку действия посредников взяточничества и незаконного оборота наркотических средств не охватываются объективной стороной соответствующих преступлений, описанных в Особенной части уголовного закона»⁸⁷.

Что касается несовпадения действий посредника с объективной стороной соответствующих преступлений, совершению которых он содействует, то здесь особые возражения предъявить сложно. В то же время, аргументация для признания посредника конкретным видом соучастников преступления, и в частности, как пишет В.В. Васюков, пособником, отсутствует. В данном случае применяется прием исключения: если посредник не исполнитель преступления, то один из видов соучастников. Однако вопрос об отнесении к определенным видам соучастия и, тем более об обосновании такого отнесения остается открытым.

⁸⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.suprcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016г.).

⁸⁷ Васюков В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 10. См. также: Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975. С. 152.

Необходимо заметить, что мнение о признании посредника пособником в совершении преступления получило в современном уголовном праве довольно широкое распространение. При этом авторы зачастую подходят к этому вопросу как к аксиоме. Так, Т.Д. Устинова полагает, что «посредник фактически является пособником в совершении преступления»⁸⁸. По утверждению Т.И. Косаревой, «пособничество посредника может выражаться в ведении переговоров с взяточдателем или взяточполучателем, организации их встречи, передачи или получения взятки, подыскании взяточдателей и т.д.»⁸⁹. При этом автор приходит к выводу, что пособничество в форме посредничества не ограничивается составами получения-дачи взятки. Аналогичной позиции придерживается, по сути и А.Н. Кугатов, когда дает свое определение посредничества: «Посредничество в совершении преступления – это передача предмета, орудия, средств совершения преступления или информации по поручению лица, участвующего в совершении преступления, другому соучастнику, а равно третьему лицу, иное содействие в достижении и реализации преступного сговора, выражающееся в обеспечении установления и осуществления контактов между лицами, участвующими в совершении преступления, а равно в представлении интересов последних в отношениях с третьими лицами»⁹⁰.

Вместе с тем, отождествляя посредничество с пособничеством, некоторые авторы, видимо, не задаются вопросом о том, что ч. 5 ст. 33 УК РФ закреплен исчерпывающий перечень пособнических действий – это содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно заранее данное обещание приобрести или сбыть такие предметы.

⁸⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С. 742.

⁸⁹ Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 79.

⁹⁰ Кугатов А.Н. Посредничество в совершении преступлений: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 26.

Вполне очевидно, что многообразие проявления посредничества никак не укладывается в рамки пособничества, регламентированные уголовным законом.

В этой связи многие авторы условно относят посредничество к пособничеству, делая при этом соответствующие оговорки. Например, как пишет В.Ю. Шубина о пособничестве, «в настоящее время базовая структура данного института содержит в себе внутреннее противоречие (коллизию) между предписаниями Общей и Особенной частей УК РФ, ибо в рамках последней (ст. 205¹, 291¹) вопреки первой из них (ч. 5 ст. 33) пособничество признается исполнением преступления. Для устранения отмеченной коллизии необходимо, с одной стороны, исключить ст. 205¹ и 291¹ из Особенной части УК, а с другой – расширить перечень способов пособничества в ч. 5 ст. 33 УК РФ за счет включения в него указания на посредничество в совершении преступления, предоставление непосредственно относящейся к событию преступления информации, финансирование преступной деятельности и заранее данное обещание не сообщать о преступлении органам власти или не препятствовать его совершению при наличии установленной законом обязанности осуществлять названные действия»⁹¹.

Исходя из таких рассуждений, автор относит посредничество в совершении преступления к пособничеству. Но при этом В.Ю. Шубина, судя по всему, признает и то, что действующей редакцией законодательного определения пособничества совершению преступления не в полной мере охватывается посредничество.

А.А. Аникин, исследовавший уголовно-правовое значение действий посредника во взяточничестве до вступления в силу ст. 291¹ УК РФ, также пришел к выводу, что имеется необходимость дополнения ч. 5 ст. 33 УК РФ указанием на более широкий круг деяний, образующих пособничество. По мнению данного автора, целесообразно изложить такое дополнение следующим

⁹¹ Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 8-9.

образом: «пособником должно признаваться также лицо, содействовавшее совершению преступления посредническими действиями»⁹².

Тем самым А.А. Аникин предполагал решить проблему ответственности посредника со стороны получателя взятки. При этом автор утверждает, что «уголовно-правовое значение действий как взяткодателя, так и посредника является идентичным по их объективным и субъективным признакам»⁹³. То есть, по его мнению, посредничество во взяточничестве может расцениваться в качестве дачи взятки. Однако, например, Л.П. Тумаркина не соглашается с отождествлением посредничества и исполнительства в даче взятки (подкупа). Как пишет данный автор, «посредник обладает этим имуществом временно и только для того, чтобы передать это имущество получателю. Поэтому деяния посредника нельзя рассматривать как исполнительские, даже если он обладает признаками специального субъекта»⁹⁴. На наш взгляд, рассуждения Л.П. Тумариной в этой части следует поддержать. Основания для приравнивания действий посредника и лица, дающего взятку, отсутствуют. Целью действий посредника является лишь способствование достижению соглашения и проведению соответствующей криминальной сделки, поскольку взятка дается посредником в интересах другого лица.

Е.В. Краснопеева пришла к выводу, что «дифференцируя посредничество во взяточничестве на интеллектуальное и физическое, пособником, бесспорно, возможно признать только интеллектуальное посредничество во взяточничестве, то есть такое, которое проявляется в советах, указаниях или предоставлении информации. Подобное посредничество следует квалифицировать по ст. 33 и ст. 291 или 290 УК РФ. Физическое же посредничество во взяточничестве не обладает ни одним из признаков, альтернативно характеризующих пособничество, и потому по УК РФ 1996 г. не является преступлением»⁹⁵.

⁹² Аникин А.А. Взятничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 93.

⁹³ Там же. С. 95.

⁹⁴ Тумаркина Л.П. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 115.

⁹⁵ Краснопеева Е.В. Взятничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 98.

Подобным образом рассуждает и Д.А. Семенов: «деятельность посредника, чрезвычайно близкая по своему смыслу, назначению и содержанию к пособничеству (содействию совершению преступления), не сводима к способам и средствам пособничества, указанным в законе. Посредник выполняет хотя бы часть, но исполнительских функций, он физически выполняет деяние в части получения предмета подкупа, а поэтому никак не может считаться пособником (соучастником) его получения»⁹⁶.

Еще один аспект, заслуживающий внимания при признании, пусть и с оговорками, посредничества пособничеством, это вопрос о том, пособничество какой из сторон криминальной сделки осуществляется посредником, поскольку это непременно отражается на квалификации и влияет на уголовную ответственность. Например, пособничество в даче или получении взятки следует вменять в вину посреднику. Д.А. Семенов предлагает следующее решение: «даже если представить себе ситуацию, при которой с учетом взаимоотношений сторон не имеется возможности определить, чьим пособником является посредник, нет никакой необходимости рассматривать им содеянное по правилам о совокупности соучастия в обоих преступлениях. При таких обстоятельствах его действия можно было бы рассматривать как соучастие в получении взятки, как относительно более тяжком преступлении»⁹⁷.

По нашему мнению, утверждение о том, что в случае невозможности определения, на чьей стороне выступал пособник, содеянное им необходимо квалифицировать по норме о более тяжком преступлении, противоречит ч. 3 ст. 49 Конституции РФ. Все сомнения, в том числе и в части квалификации преступления должны толковаться в пользу виновного. Более того, считаем неприемлемым применение нормы уголовного закона без точного выявления тождества ее признаков признакам конкретного совершенного лицом деяния.

Что же касается установления признаков пособничества одной или другой стороне криминальной сделки, то здесь действительно могут иметь место

⁹⁶ Семенов Д.А. Уголовно-правовая оценка подкупа: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 12.

⁹⁷ Там же. С. 136.

довольно сложные ситуации. Дело в том, что в одних случаях посредник может четко представлять интересы одной стороны. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что посредник может одновременно содействовать обеим сторонам преступного соглашения. В такой ситуации, следуя букве уголовного закона, содеянное посредником подпадает под признаки пособничества в совершении двух преступлений: например, пособничество в сбыте и пособничество в приобретении наркотических средств. В итоге абсурдность заключается в том, что имеет место одно событие преступления, совершенное одним человеком. Логичнее было бы применять одну норму, но положения действующего российского уголовного законодательства этому препятствуют. Данный момент следует признать очередным доводом в пользу необходимости корректировки УК РФ в исследуемой части.

Стоит отметить, что множество проблем, возникающих при идентификации посредничества в совершении преступления в качестве вида соучастия, обуславливаются, в первую очередь, тем, что посредничество не подпадает в полной мере под признаки видов соучастников, предусмотренных ст. 33 УК РФ. Посредник в совершении преступления наиболее близок по своим юридическим характеристикам пособнику преступления. Однако пособничество в виду относительной узости его законодательного определения охватывает лишь некоторые проявления посредничества. При этом посредничество в совершении преступления может обладать отдельными признаками, характерными для исполнителя преступления, его организатора и подстрекателя. Такой собирательный образ фигуры посредника в совершении преступления требует выделения его основных правовых признаков.

Итак, посредничество в совершении преступления представляет собой содействие преступной деятельности других лиц. Такая преступная деятельность может быть выражена в одном или нескольких преступлениях, но представляющих собой одно событие. Думается, что в контексте уголовно-правового исследования посредничества допустимо условно именовать данную преступную деятельность лиц как основное преступление.

Это основное преступление характеризуется тем, что оно является по смыслу криминальной сделкой, в которой участвуют не менее чем две стороны. Рассматриваемая криминальная сделка, как правило, связана с незаконным приобретением и сбытом предметов, запрещенных или ограниченных в свободном гражданском обороте, либо добытых преступным путем, а равно с дачей-получением незаконного вознаграждения.

Содействие посредника в совершении преступления выражается в поиске участников основного преступления, склонении их к совершению преступления, организации и планировании преступления, достижении соглашения между сторонами сделки, обеспечении реализации такого преступного договора. При этом перечисленные действия альтернативно обязательны для наличия посредничества в совершении преступления.

Следует отметить, что действующему отечественному уголовному законодательству известно понятие посредничества, его определение сформулировано применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 291¹ УК РФ. В тексте диспозиции ч. 1 названной статьи Особенной части УК РФ содержится следующее определение посредничества во взяточничестве – это непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

Анализ данной нормативной дефиниции позволяет подчеркнуть характеристики посредничества во взяточничестве. Во-первых, законодатель указывает на непосредственную передачу взятки. Этот признак представляет собой конкретный вариант действий посредника по обеспечению реализации преступного договора между сторонами криминальной сделки.

Во-вторых, в законе имеется ссылка на то, что обозначенные действия посредник осуществляет по поручению субъектов основного преступления. В разрезе изучения понятия посредничества в уголовном праве думается, что этот признак толкуется с учетом соответствующих гражданско-правовых положений.

Так, ст. 971 ГК РФ установлено, что по договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия. Права и обязанности по сделке, совершенной поверенным, возникают непосредственно у доверителя. Следовательно, посредничество означает действие в интересах сторон криминальной сделки.

В-третьих, уголовный закон не ограничивает возможный перечень действий, образующих посредничество, лишь передачей взятки, ссылаясь на иное содействие сторонам преступного договора в достижении либо реализации соглашения между ними.

В уголовно-правовой науке также предпринимаются попытки формулирования определения посредничества. Например, В.П. Алехин приходит к выводу о необходимости дополнения ст. 33 УК РФ новой частью 5.1, в содержание которой включить следующее положение: «Посредником признается лицо, при участии которого ведутся отношения между сторонами преступления»⁹⁸. Однако, на наш взгляд, данное положение вряд ли можно признать удачным. Думается, что предложенное определение не отличается конкретикой, из него не следует, о каких отношениях ведется речь, в чем они должны быть выражены.

На основании изложенного представляется возможным определить посредничество в уголовном праве как содействие достижению и реализации договоренности между двумя и более лицами о совершении преступления.

В ходе проведенного нами опроса практикующих юристов 64 % респондентов одобрили предложенную формулировку посредничества в совершении преступления.

При этом, на наш взгляд, следует поддержать точку зрения авторов, предлагающих считать посредничество разновидностью соучастия в преступлении. Об этом свидетельствуют результаты рассмотрения понятия и

⁹⁸ Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. С. 199.

признаков посредничества, которое обладает всеми признаками соучастия в преступлении, и даже имеет общие черты с ныне предусмотренными в уголовном законе видами соучастников преступления.

В этой связи закономерным является нормативная регламентация посредничества в качестве вида соучастия. Реализация данного шага обусловлена, главным образом, фактическим существованием фигуры посредника в совершении преступления, его уникальной ролью в реализации преступных намерений лиц. Кроме того, в случае закрепления в ст. 33 УК РФ данного вида соучастия в преступлении будет решен ряд проблем квалификации действий посредника.

Таким образом, считаем целесообразным дополнить ч. 1 ст. 33, а также ч.ч. 3 и 4 ст. 34 УК РФ указанием на посредника, включить в ст. 33 УК РФ новую часть 6, где изложить разработанное нами определение посредника в совершении преступления. Данное предложение было поддержано 58 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Вместе с тем, необходимо заметить, что одну из проблем квалификации действий посредника обозначенные выше предложения не решат. Речь ведется об определении стороны, которой способствует посредник, поскольку ответственность последнего должна наступать по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Следует отметить, что такая проблема отсутствует в случаях посредничества в преступлении, квалифицируемом по одной норме уголовного закона. Например, действия посредника в незаконном приобретении-сбыте оружия будут подлежать квалификации по ч. 6 ст. 33, ст. 222 УК РФ. Однако проблема налицо в ситуации посредничества в незаконном приобретении-сбыте наркотических средств. Руководствуясь буквой уголовного закона, действия посредника образуют составы посредничества в незаконном сбыте и в незаконном приобретении наркотических средств (ст.ст. 228 и 228¹ УК РФ).

По нашему мнению, квалификация действий посредника в совершении фактически одного преступления в виде приобретения-сбыта по двум нормам

уголовного закона не является оправданной. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами исследования материалов следственно-судебной практики. Выходом здесь может служить установление новых уголовно-правовых запретов на посредничество в рамках самостоятельных норм уголовного закона по принципу ст. 291¹ УК РФ. Безусловно, данное предложение распространяется только на те случаи, когда действия сторон криминальной сделки квалифицируются по различным нормам УК РФ при наличии одного события преступления (предметное рассмотрение этого вопроса будет предложено в следующих параграфах настоящей работы).

§ 2.2. Система уголовно-правовых норм о посредничестве в совершении преступления в УК РФ

В действующем отечественном уголовном законодательстве предписания о посредничестве в совершении преступления рассредоточены по разным его структурным частям. Такое рассредоточение не исключает возможность рассматривать соответствующие нормы как систему, поскольку они обладают рядом объединяющих их специфичных признаков, вытекающих из понятия посредничества в совершении преступления. В существующих условиях законодательной регламентации ответственности за посредничество в совершении преступления система норм о данном общественно опасном поведении является незавершенной, так как отсутствует ее фундаментальный элемент в виде общей нормы, определяющей понятие посредничества, что и обосновывалось в предыдущей части настоящей работы.

На сегодняшний день система норм об ответственности за посредничество в совершении преступления представлена конкретными положениями Особенной части УК РФ. Прямой уголовно-правовой запрет посредничества в совершении преступления установлен в ст. 291¹ УК РФ (Посредничество во взяточничестве). Вместе с тем, вполне очевидно, что в виду широкого распространения фактов посредничества в совершении преступления, не ограничивающихся взяточничеством, ответственность за данные преступления предусмотрена в рамках и других норм уголовного закона.

Принимая во внимание, что посредничество в совершении преступления предполагает участие в таком общественно опасном деянии, которое характеризуется криминальным соглашением, в качестве классификационного основания соответствующих норм уголовного закона может быть выделен предмет преступной сделки. Имеются основания полагать, что все преступления, в которых возможно участие посредника предполагают передачу чего-либо от одной стороны – другой.

Результаты проведенного нами исследования материалов правоприменительной практики позволяют утверждать, что факты посредничества в совершении преступления имеют место в ситуациях передачи различного рода незаконных вознаграждений. Поскольку, несмотря на масштабное поражение российского общества коррупцией, получение и передача незаконных вознаграждений воспринимается многими людьми как поступок аморальный, использование в этих случаях посредника в определенной степени «упрощает» процесс подкупа. При этом с помощью посредника устанавливаются доверительные отношения, посредник способствует и сокрытию факта совершения преступления.

Действующим российским уголовным законодательством ответственность за подкуп установлена в ряде норм. Так, подкуп может выступать способом воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ). В диспозиции ч. 1 этой уголовно-правовой нормы наказуемым признано воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, нарушение тайны голосования, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей. При этом квалифицирующим признаком данного преступления является подкуп в ходе такого воспрепятствования (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ).⁹⁹

Подкуп через посредника при совершении названного преступления может быть осуществлен в случаях передачи вознаграждения избирателям от лица определенных заинтересованных субъектов, например, кандидатов на соответствующие выборные должности либо от политических партий и т.д. Вполне очевидно, что в подобных ситуациях подкуп, как правило, проводится именно с помощью посредников.

⁹⁹ Сунгатуллин, А.Ю. Система уголовно-правовых норм о посредничестве в совершении преступления / А.Ю. Сунгатуллин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 4 (15). – С. 77.

Стоит отметить, что спецификой посредничества в данном случае является факт наказуемости действий только одной стороны преступного соглашения – подкупающего. Незаконная деятельность подкупленного избирателя здесь состав преступления не образует. Тем не менее, преступность соглашения между сторонами в данном случае налицо.

Такая же ситуация характерна и для посредничества в подкупе свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода (ч. 1 ст. 309 УК РФ).

В этой связи уместно указать, что действующим отечественным уголовным законодательством регламентированы ситуации, которые внешне могут обладать признаками посредничества в совершении преступления. Например, деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами, а равно содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), характеризуются тем, что лицо оказывает содействие в достижении и реализации соглашения между лицами, предоставляющими сексуальные услуги за плату, и лицами, выступающими потребителями таких услуг. Между тем, непосредственные действия сторон такой сделки криминальными не являются, поскольку в УК РФ не предусмотрена ответственность за занятие проституцией и пользование данными услугами.

Следовательно, виновный в организации занятия проституцией другими лицами, а равно в содержании притонов для занятия проституцией или в систематическом предоставлении помещений для занятия проституцией посредником в совершении преступления не является.

В отличие от других способов воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, подкуп подразумевает именно криминальную сделку, а лицо, содействующее достижению такой договоренности и ее реализации, является посредником в совершении преступления. В случаях же с воспрепятствованием осуществлению

избирательных прав или работе избирательных комиссий, например, с использованием насилия, действия помощников, непосредственно применяющих насилие к избирателям по поручению заинтересованных лиц, посредничество не образуют, так как деятельность потерпевших в этой ситуации не является добровольной и не направлена на достижение преступного соглашения.

Аналогичным образом характеризуется и посредничество в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ (Фальсификация избирательных документов, документов референдума).¹⁰⁰

Подкуп с участием посредника может иметь место в случаях незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). В данной ситуации действия обеих сторон криминальной сделки образуют состав преступления: собирание указанных сведений – ч. 1 ст. 183 УК РФ; разглашение – ч. 2 ст. 183 УК РФ. Схожий вариант посредничества может проявиться при совершении: подкупа участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ); коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ).

Следует отметить, что признаком, объединяющим данные преступления, является подкуп. В то же время, обращает на себя внимание факт использования законодателем разных подходов при формулировании соответствующих запретов подкупа. Так, в ст. 290 УК РФ говорится о незаконном получении, а в ст. 291 УК РФ – о незаконной даче обозначенных в этих нормах вознаграждений. При этом в названных нормах упоминается посредник в условиях наличия специальной нормы об ответственности за посредничество во взяточничестве. Однако вышеперечисленные нормы имеют другую конструкцию. Во-первых, ответственность за различные виды подкупа установлена в рамках единых статей. Во-вторых, нигде не упоминается посредник подкупа. В-третьих, иначе представлено описание процесса подкупа.

¹⁰⁰ Сунгатуллин, А.Ю. Система уголовно-правовых норм о посредничестве в совершении преступления / А.Ю. Сунгатуллин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 4 (15). – С. 79.

Третий из подмеченных аспектов заслуживает отдельного внимания. Дело в том, что, к примеру, в ч. 3 ст. 204 УК РФ, так же как и в ч. 1 ст. 290 УК РФ, указывается на получение предмета подкупа. Но в ч. 1 ст. 204 УК РФ законодатель ссылается на незаконную *передачу* вознаграждения, в то время как в ч. 1 ст. 291 УК РФ говорится о *даче* взятки. То есть в одинаковых по существу деяниях используются разные термины – в первом случае «передача», а во втором – «дача». Думается, что при их сравнении можно сделать вывод, что передача подразумевает действие по промежуточному перемещению чего-либо. Не случайно термин «передача» используется применительно к деянию посредника во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ).

При этом в диспозициях ч. 1 и ч. 3 ст. 204 УК РФ используется формулировка «в интересах дающего»,¹⁰¹ а не «передающего».

В этой связи возникает закономерный вопрос об обусловленности такого терминологического разночтения. Прежде всего, можно предположить, что законодатель данным способом предпринял попытку решить вопрос ответственности посредника в коммерческом подкупе, как лица, не дающего, а передающего вознаграждение. Вместе с тем, если вкладывать в слово «передача» смысл только промежуточного перемещения, то тогда порождается еще более важный вопрос о наступлении ответственности лица, дающего подкуп.

На наш взгляд, изложенная ситуация противоречит принципу использования единообразной терминологии в части обозначения одних и тех же понятий. В этой связи считаем необходимым в ст. 204 УК РФ использовать вместо термина «передача» слово «дача».

Еще больше различий в исследуемом нами контексте наблюдается при сопоставительном анализе вышеназванных норм со ст. 184 УК РФ, где в чч. 3 и 4 указывается на незаконное получение предмета подкупа, а в ч. 1 – на подкуп. Следовательно, в данном случае дача вознаграждения обозначена термином

¹⁰¹ См.: Шнитенков А.В. Комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» (постатейный). Судебная практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Юстицинформ, 2011. С. 54.

«подкуп», в то время как в ст. 204 УК РФ подкуп фигурирует как обобщающее понятие для незаконных дачи и получения вознаграждения.

Вполне очевидно, что такое произвольное использование терминов не поддается логичному объяснению. Представляется, что и в этой части положения российского уголовного закона следует откорректировать, заменив в ч. 1 ст. 184 УК РФ признак «подкуп» словосочетанием «незаконная дача».

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что первую группу уголовно-правовых норм о посредничестве в совершении преступления составляют общественно опасные деяния, связанные с подкупом. В этих преступлениях посредник оказывает содействие достижению соглашения о подкупе, включая подыскание сторон криминальной сделки, а также способствует передаче незаконного вознаграждения.

Вторую группу преступлений, в которых возможно посредничество, составляют общественно опасные деяния, связанные с незаконным оборотом определенных предметов. В их числе незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, (ст. 138¹ УК РФ); приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта (ч. 2 ст. 146 УК РФ); приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции (ст. 171¹ УК РФ); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹ УК РФ); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ); незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ); незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ); незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 222 УК РФ); преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств,

психотропных веществ, их аналогов и т.д. (ст.ст. 228, 228¹, 228³, 228⁴, УК РФ); незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта (ст. 234 УК РФ); изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242¹ УК РФ); незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258¹ УК РФ); приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград (ст. 324 УК РФ); разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ).

Стоит отметить, что названные преступления могут быть классифицированы в зависимости от свойств предмета преступления на две подгруппы. Первую подгруппу образуют общественно опасные деяния с предметами, свободный оборот которых запрещен действующим законодательством (оборот оружия, наркотиков и т.п.). Вторую группу составляют преступления, связанные с оборотом предметов, которые сами по себе являются легальными, но в силу незаконных источников их получения оборот данных предметов становится криминальным (ст.ст. 174, 174¹, 175 УК РФ).

Возможность посредничества в перечисленных преступлениях обуславливается тем, что соответствующие общественно опасные деяния представляют собой, прежде всего, куплю-продажу, то есть сделку, образующую состав преступления. При этом существо соответствующей криминальной сделки может быть представлено и иными видами договора.

Так, в силу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, данных в постановлении «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», под незаконным приобретением этих предметов следует понимать их покупку, получение в дар или в уплату долга, в обмен на товары и вещи, присвоение найденного и т.п., а также незаконное временное завладение оружием

в преступных либо иных целях, когда в действиях виновного не установлено признаков его хищения. Под незаконной передачей оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств следует понимать их незаконное предоставление лицами, у которых они находятся, посторонним лицам для временного использования или хранения. Под незаконным сбытом указанных предметов следует понимать их безвозвратное (в отличие от незаконной передачи) отчуждение в собственность иных лиц в результате совершения какой-либо противоправной сделки (возмездной или безвозмездной), т.е. продажу, дарение, обмен и т.п.¹⁰²

Учитывая изложенные разъяснения, можно сделать вывод, что посредничество возможно не только в сделках по купле-продаже определенных предметов, но и в случаях их дарения и обмена. При этом преступления, состоящие в легализации имущества, добытого преступным путем, могут выражаться также и в финансовых операциях с таким имуществом. Под финансовыми операциями и другими сделками, указанными в ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ, следует понимать действия с денежными средствами, ценными бумагами и иным имуществом (независимо от формы и способов их осуществления, например, договор займа или кредита, банковский вклад, обращение с деньгами и управление ими в задействованном хозяйственном проекте), направленные на установление, изменение или прекращение связанных с ними гражданских прав или обязанностей. К сделкам с имуществом или денежными средствами может относиться, например, дарение или наследование.¹⁰³

Необходимо обратить внимание, что в этой группе преступлений имеет место различие, связанное с закреплением ответственности за приобретение и сбыт в разных нормах уголовного закона. При этом в контексте рассмотрения

¹⁰² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7).

¹⁰³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» от 18 ноября 2004 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31).

вопросов ответственности посредника в совершении преступления данный аспект имеет принципиальное значение, поскольку, как выше нами отмечалось, он нередко порождает сложности в установлении нормы, по которой следует квалифицировать действия посредника.

В подавляющем большинстве преступлений, связанных с незаконным оборотом определенных предметов, ответственность как за сбыт, так и за приобретение закреплена в рамках одной статьи, части статьи УК РФ (ст.ст. 138¹, 175, 222 УК РФ). Однако, например, применительно к незаконному обороту наркотических средств или психотропных веществ ответственность предусмотрена разными статьями – в случае незаконного приобретения таких предметов содеянное образует состав преступления, предусмотренный ст. 228 УК РФ, а в ситуации с незаконным сбытом – ст. 228¹ УК РФ.

По нашему мнению, данный законодательный прием разведения ответственности за действия различных сторон сделки обуславливается стремлением подчеркнуть различный уровень общественной опасности соответствующих деяний. Одновременно это предопределяет трудности в квалификации действий посредника в таком преступлении.

Одной из особенностей анализируемой группы преступлений является еще и то, что они представляют собой составы с альтернативными действиями, то есть для наступления ответственности достаточно выполнения одного или нескольких деяний, описанных в диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы. С позиции законодательной техники данный прием реализован в УК РФ посредством перечисления альтернативных действий через разделительный союз «или».

Вместе с тем, одно из преступлений данной группы, хотя и содержит перечень действий, но в тексте соответствующей уголовно-правовой нормы использованы одновременно союзы «и» и «или». Речь ведется об общественно опасном деянии, регламентированном ст. 138¹ УК РФ. Диспозиция этой нормы уголовного закона гласит: «Незаконные производство, приобретение и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения

информации». Такой законодательный подход свидетельствует о наступлении уголовной ответственности по этой норме УК РФ как в случае совершения одного из перечисленных действий, так и в случае совершения нескольких действий с одним и тем же предметом преступления. Как видно, по сути, обозначенные различия не меняют порядок применения рассматриваемых уголовно-правовых норм.

Таким образом, вторую группу преступлений, в которых возможно участие посредника образуют общественно опасные деяния, связанные с незаконным оборотом запрещенных предметов либо предметов с преступным происхождением. Криминальная сделка в этих случаях выражается в договорах купли-продажи, обмена, дарения. А для преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ, сделка может представлять и другие финансовые операции.

Результаты проведенного нами исследования фактов посредничества в совершении преступления позволяют выделить в отдельную третью группу общественно опасные деяния, связанные с торговлей людьми (ст. 127¹ УК РФ). В диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ содержится следующее описание преступления: «купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение». Причиной выделения данного преступления в отдельную группу выступает недопустимость обозначения человека в качестве предмета преступления. Хотя очевидно, что торговля людьми имеет некоторые общие характеристик с общественно опасными деяниями, отнесенными нами во вторую группу. Прежде всего, их объединяет факт сделки в виде прямой купли-продажи. Вместе с тем, помимо некорректности обозначения человека предметом преступления, человек как жертва торговли людьми не обладает свойствами предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом определенных вещей. Человек априори не может выступить предметом какой-либо гражданско-правовой сделки.

Стоит заметить, что в ст. 127¹ УК РФ, в отличие от преступлений второй группы, вместо традиционных признаков «приобретение», «сбыт» законодателем использован термин «купля-продажа». При этом анализ данных терминов позволяет утверждать, что они синонимичны.

В эту же группу следует отнести и преступления, совершаемые по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «г» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РФ и т.д.).

Таким образом, система уголовно-правовых норм об ответственности за посредничество в совершении преступления представлена тремя группами:

1) преступления, связанные с получением-дачей незаконных вознаграждений (п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст.ст. 183, 184, 204, 291¹, ч. 1 ст. 309 УК РФ);

2) общественно опасные деяния, связанные с незаконным оборотом определенных предметов (ст. 138¹, ч. 2 ст. 146, ст.ст. 175, 222, 228 УК РФ и т.д.). Данные преступления могут быть классифицированы в зависимости от свойств предмета преступления на две подгруппы. Первую подгруппу образуют общественно опасные деяния с предметами, свободный оборот которых запрещен действующим законодательством (оборот оружия, наркотиков и т.п.). Вторую подгруппу составляют преступления, связанные с оборотом предметов, которые сами по себе являются легальными, но в силу незаконных источников их получения оборот данных предметов становится криминальным (ст.ст. 174, 174¹, 175 УК РФ);

3) торговля людьми (ст. 127¹ УК РФ) и преступления, совершаемые по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «г» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РФ и т.д.).

Кроме того, в ходе исследования системы уголовно-правовых норм об ответственности за посредничество в совершении преступления нами сделаны следующие основные выводы:

1) аргументирована необходимость замены в ст. 204 УК РФ термина «передача» признаком «дача», что в большей степени согласуется с иными нормами о подкупе;

2) доказана целесообразность в ч. 1 ст. 184 УК РФ признак «подкуп» заменить словосочетанием «незаконная дача», поскольку в действующем российском уголовном законе признак «подкуп» используется как обобщающее понятие.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 3.1. Посредничество во взяточничестве

Установление ответственности за посредничество во взяточничестве в рамках самостоятельной нормы представляется возможным расценивать, с одной стороны, как стремление законодателя активизировать противодействие коррупционным преступлениям, а, с другой стороны, как признание имеющихся правоприменительных проблем в части квалификации действий посредника.

В контексте проводимого нами исследования научный интерес представляет первый опыт УК РФ 1996 г. регламентации ответственности за посредничество в совершении преступления в рамках отдельной нормы уголовного закона. Стоит отметить, что, как и любая законодательная новелла, уголовно-правовой запрет на посредничество во взяточничестве имеет свои положительные и отрицательные аспекты. Прежде всего, стоит подчеркнуть позитивный эффект данного нововведения, обусловленный решением проблемы квалификации действий посредника. Одновременно, включение в УК РФ ст. 291¹ породило ряд сложных правоприменительных аспектов, вызванных необходимостью изменения устоявшихся правил квалификации посредничества во взяточничестве.

Анализ материалов следственно-судебной практики демонстрирует, что правоприменитель столкнулся с вопросами о квалификации соучастников в получении-даче взятки и отграничении их действий от посредничества во взяточничестве.

Отметим, что в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3 разъяснялось, что лицо, которое организует дачу или получение взятки, подстрекает к этому либо является пособником дачи или получения взятки и одновременно выполняет посреднические функции, несет ответственность за соучастие в даче или получении взятки. При этом вопрос о

квалификации действий соучастника должен решаться с учетом направленности его умысла, исходя из того, в чьих интересах, на чьей стороне и по чьей инициативе – взяткодателя или взяткополучателя – он действует. В этих случаях дополнительной квалификации по ст. 174¹ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик не требуется.¹⁰⁴

Причем и в современной юридической литературе высказывались такие утверждения. Так, Е.В. Краснопеева пишет: «посредник во взяточничестве, организовавший дачу-получение взятки или подстрекавший к этому, утрачивает уголовно-правовое значение посредника и, представляя собой организатора указанных преступлений или подстрекателя к их совершению, подлежит ответственности по ст. 33 и ст. 291 или 290 УК РФ»¹⁰⁵. Подчеркнем, что рассуждения автора приходятся на период времени до начала действия ст. 291¹ УК РФ. Вместе с тем, аналогичная позиция разделяется некоторыми авторами и с момента вступления ст. 291¹ УК РФ в силу. Например, А.П. Кузнецов утверждает, что «лицо, которое организует дачу взятки, подстрекает к этому либо является пособником дачи или получения взятки и одновременно выполняет посреднические функции, несет ответственность за соучастие в даче или получении взятки. В этих случаях дополнительной квалификации по ст. 291¹ УК не требуется»¹⁰⁶.

Но такая точка зрения не нашла всеобщей поддержки. Так, П.С. Яни пришел к выводу, что в ситуациях, когда посредник во взяточничестве одновременно выполнял функции организатора или подстрекателя получения-дачи взятки, действия такого лица подлежат квалификации только как посредничество во взяточничестве.¹⁰⁷ Автор указывает, что «критерием для разграничения здесь не может выступать инициатива в получении взятки:

¹⁰⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3 / Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М.: Спарк, 1999. С. 303-304.

¹⁰⁵ Краснопеева Е.В. Взятничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 99.

¹⁰⁶ Уголовное право России. Часть Особенная: учебник / Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 662.

¹⁰⁷ Яни П.С. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 15.

посредник может выступить и инициатором – подстрекателем, организатором – получения либо дачи взятки. Установление подобной инициативы не противоречит и тому, что в итоге посредник действует, как указано в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, «по поручению взяткодателя или взяткополучателя»¹⁰⁸.

По нашему мнению, рекомендация о возможной квалификации действий посредника во взяточничестве в качестве организатора, подстрекателя или пособника получения либо дачи взятки усложняет задачу правоприменителю. В первую очередь, возникает вопрос об уголовно-правовой оценке действий посредника, которые были выражены собственно в организации, подстрекательстве или пособничестве.

Как выше нами отмечалось, посредник в совершении преступления является фигурой, которая может примыкать к характеристикам видов соучастников, указанных в чч. 3-5 ст. 33 УК РФ. В особенности близость посредника усматривается к функциональной роли пособника преступления. Более того, иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки, обозначенное законодателем в качестве альтернативного противоправного поведения посредника, может быть идентично пособничеству.

Если принять за основу изложенную выше рекомендацию о квалификации соучастия в получении-даче взятки, то на долю посредничества, описанного в ст. 291¹ УК РФ придутся лишь единичные варианты противоправных деяний. В таком случае вообще может быть поставлена под сомнение целесообразность установления ответственности за посредничество во взяточничестве в рамках самостоятельной уголовно-правовой нормы.

Вместе с тем, фигура посредника в совершении преступления как раз и характеризуется весьма широким спектром функционала. Посредничество в совершении преступления может обладать отдельными признаками, характерными для исполнителя преступления, его организатора и подстрекателя,

¹⁰⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть. Постатейный научно-практический комментарий / Под ред. д.ю.н., проф. А.В. Наумова, д.ю.н., проф. А.Г. Кибальника. М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2012. С. 668.

но это не исключает обоснованность выделения посредника в качестве особенного вида соучастника преступления.

Полагаем, что законодатель с введением ст. 291¹ УК РФ все же стремился повысить эффективность правоприменительной деятельности посредством минимизации затруднений в квалификации действий посредника. На наш взгляд, в случае, когда посредник во взяточничестве одновременно выполнял функции пособника и подстрекателя преступления, содеянное им подлежит квалификации только по ст. 291¹ УК РФ. Посредничество в совершении преступления охватывает своим содержанием как пособничество, так и подстрекательство. Наличие совокупности преступлений в такой ситуации исключается, а при сопоставлении признаков преступлений, предусмотренных ч. 4 или 5 ст. 33, ст. 290 (291) УК РФ и ст. 291¹ УК РФ, можно сделать вывод, что вторая норма является специальной по отношению к двум первым. Данный вывод основывается на том, что в ст. 291¹ УК РФ детальнее описываются признаки преступления, указывается на конкретные действия, образующие посредничество, и при этом их перечень не ограничивается, поскольку в диспозиции ч. 1 этой уголовно-правовой нормы содержится ссылка на иное способствование взяточдателю и (или) взятополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Руководствуясь правилом квалификации при конкуренции общей и специальной норм, деяние квалифицируется только по специальной норме (ч. 3 ст. 17 УК РФ).¹⁰⁹

Кроме того, и, что не менее важно, уголовно-правовая норма об ответственности за посредничество во взяточничестве охватывает своим содержанием помощь обеим сторонам взяточничества. В случаях же с подстрекательством и пособничеством такое соучастие подразумевает содействие одной из сторон. Данный момент также, по нашему мнению, свидетельствует о приоритетности применения ст. 291¹ УК РФ.

¹⁰⁹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. С. 220; Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 63; Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. С. 147-149.

Относительно вопроса о соотношении организации получения-дачи взятки и посредничества в совершении данного преступления ситуация обстоит несколько сложнее. Дело в том, что, как ранее нами замечалось, «полномочия» организатора преступления превосходят по своему объему роль посредника в совершении преступления. В том случае, когда действия посредника во взяточничестве ограничиваются организационными вопросами получения-дачи взятки, содеянное им полностью охватывается уголовно-правовой нормой о посредничестве во взяточничестве. Если же действия посредника выходят за пределы такой деятельности, то применения ст. 291¹ УК РФ будет недостаточно.

Например, в ситуациях, когда помимо посредничества, виновный организует совершение действий (бездействия) в пользу взяткодателя, налицо два общественно опасных деяния. Первое выражено в посредничестве во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ), а второе – в организации получения взятки (ч. 3 ст. 33, ст. 290 УК РФ).

Вместе с тем, интерес в этом контексте представляют разъяснения высшей судебной инстанции относительно квалификации соучастия во взяточничестве. По утверждению Пленума Верховного Суда РФ, действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными ст. 290 УК РФ, участвующих в получении взятки группой лиц по предварительному сговору, квалифицируются как посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ).¹¹⁰ Отсюда можно сделать вывод, что действия любых соучастников в получении взятки образуют состав посредничества во взяточничестве. Однако, на наш взгляд, данный вывод не состоятелен. Необходимо заметить, что на практике не исключены ситуации, при которых не только организатор, но и подстрекатель, и пособник, к примеру, получения взятки, могут не выступать посредниками во взяточничестве.

Таким образом, следует сделать вывод, что действия посредника во взяточничестве, совмещавшего функции подстрекателя или пособника, подлежат

¹¹⁰ Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016г.).

квалификации только как посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ). Действия посредника, выступившего одновременно организатором взяточничества, не ограничивающиеся организационными вопросами получения дачи взятки, могут быть с учетом обстоятельств конкретного дела квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 291¹ и ч. 3 ст. 33, ст. 290 (291) УК РФ. С данными выводами согласились соответственно 63 и 59 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

В виду того, что уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст.ст. 290 и 291 УК РФ содержат ссылки на возможность получения-дачи взятки через посредника, а диспозиция ч. 1 ст. 291¹ УК РФ прямо указывает на непосредственную передачу взятки в качестве альтернативного деяния, правоприменительная практика сталкивается с проблемой разграничения данных преступлений при наличии названных признаков. Так, О.С. Капинус полагает, что квалификация действий лица как дача взятки либо как посредничество во взяточничестве определяется принадлежностью предмета взятки. Так, если передаваемые должностному лицу ценности за действия в пользу третьего лица принадлежат дающему, то деяние последнего подпадает под признаки дачи взятки. В случае, если имущество не принадлежит дающему – содеянное им квалифицируется по признакам посредничества во взяточничестве.¹¹¹

Такой же позиции придерживается и Пленум Верховного Суда РФ, давший следующие разъяснения. При отграничении непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя (посредничество во взяточничестве) от дачи взятки должностному лицу за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого взяткодателем физического либо юридического лица судам следует исходить из того, что посредник передает взятку, действуя от имени и за счет имущества взяткодателя. В отличие от посредника взяткодатель, передающий взятку за действия (бездействие) по службе в пользу

¹¹¹ Капинус О.С. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 25.

представляемого им лица, использует в качестве взятки принадлежащее ему или незаконно приобретенное им имущество.¹¹²

Однако, по нашему мнению, вряд ли можно признать абсолютно верным утверждение о том, что посредник во взяточничестве действует от имени взяткодателя. Ведь, сложно оспорить тезис о том, что посредник может действовать и от имени взяткополучателя. Подтверждением этому служат материалы судебной практики. Так, К., действуя из корыстной заинтересованности, используя свои полномочия должностного лица, реализуя умысел, направленный на незаконное обогащение, сообщил своей знакомой Т., являющейся старостой группы студентов заочного обучения БГАУ, с которой между ними были доверительные отношения, что для получения положительной оценки на пересдаче экзамена по предмету «АОФКИ» студентам, не сдавшим данный экзамен, необходимо осуществить платеж в сумме 3 000 рублей в счет погашения долга по кредитному договору, оформленному на его имя в ОАО «Сбербанк РФ», и на пересдаче данного экзамена передать квитанцию об оплате вместе с зачетной книжкой и направлением на пересдачу экзамена по данному предмету, передав при этом Т. реквизиты кредитного договора.

Заведомо зная о преступных намерениях К., направленных на получение им взятки за незаконные действия, Т., умышленно, добровольно согласилась содействовать совершению преступления, путем предоставления информации студентам о том, что пересдать экзамен по предмету «АОФКИ» возможно, внеся платеж в сумме 3 000 рублей в счет погашения долга по кредитному договору, оформленному на имя преподавателя К., через банкомат ОАО «Сбербанк РФ». После этого К. передал Т. свой кредитный договор, откуда последняя переписала реквизиты договора, необходимые для осуществления платежа. Далее, Т., содействуя совершению преступления, передала студентам БГАУ Х., С. и Л., которые не смогли сдать экзамен на положительную оценку, листок бумаги, на

¹¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016г.).

который предварительно внесла рукописные записи: реквизиты кредитного договора, оформленного на имя К., полученные ею от последнего, для дальнейшего внесения оплаты по 3 000 рублей за передачу предстоящего экзамена данными студентами по предмету «АОФКИ» преподавателю К.

Х., С. и Л., преследуя цели получения положительной оценки, путем дачи взятки, находясь в зависимом положении от К., так как несдача студентом зачетов и экзаменов влечет определенные правовые последствия, вплоть до отчисления из учебного заведения, внесли платеж на сумму 3 000 рублей через банкомат ОАО «Сбербанк РФ» в счет погашения долга по кредитному договору, оформленному на имя К., то есть фактически дали взятку К. за выставление в их зачетных книжках положительной оценки при передаче экзамена по предмету «АОФКИ».

После этого Х., С. и Л., поехали к месту работы К. Последний, получив от них квитанции, подтверждающие внесенный платеж в сумме по 3 000 рублей от каждой, то есть убедившись, что ему дали взятку в виде выгоды имущественного характера на сумму по 3 000 рублей от каждой, внес в их зачетные книжки рукописные записи о сдаче экзамена без проверки знаний по данному предмету.

Таким образом, Т. своими умышленными действиями совершила три эпизода преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291¹ УК РФ, то есть посредничество в получении должностным лицом взятки лично в виде выгоды имущественного характера за незаконные действия в пользу взяткодателя, если такие действия входят в служебные полномочия должностного лица.¹¹³

Как видно, Т. действовала в большей степени от имени взяткополучателя, что не отражается на ее роли как посредника преступления.¹¹⁴

Что же касается вопроса о принадлежности имущества, передаваемого взяткополучателю, то здесь в целом необходимо согласиться с рассуждениями О.С. Капинус. Вместе с тем, важно учитывать, что на практике этот аспект может быть усложнен различными условиями. В частности, затруднения могут

¹¹³ Архив Октябрьского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-306/2011.

¹¹⁴ Сунгатуллин А.Ю. Посредничество в совершении преступления: вопросы уголовно – правовой теории и практики: монография/ А.Ю. Сунгатуллин – Уфа РИЦ БашГУ 2016. С.47,48.

возникнуть в случае оказания взяткополучателю услуг имущественного характера.

В теории уголовного права по этому поводу предлагаются следующие рекомендации. Как пишет П.В. Никонов, «если третье лицо оказывает чиновнику полностью оплаченные взяткодателем услуги (выполняет работы), например, ремонтирует дом, и осознает, что эти услуги выполняются за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя, то подобное оказание услуг образует вторую форму посредничества: способствование взяткодателю и взяткополучателю в реализации соглашения между ними о получении, даче взятки.

Когда же лицо оказывает чиновнику подлежащие оплате, но не оплачиваемые этим чиновником услуги за совершение действий (бездействия) по службе в пользу другого лица и такие услуги это другое лицо также не оплачивает, то такое оказание услуг образует не посредничество, а дачу взятки за действия (бездействие) в пользу представляемого лица»¹¹⁵.

По нашему мнению, вторая рекомендация не может быть поставлена под сомнение, так как в этой ситуации имеет место подкуп в интересах другого лица. Однако первая из изложенных рекомендаций может быть оценена неоднозначно. Работник осуществляет оплаченные услуги, например, как было обозначено П.В. Никоновым, ремонтирует дом взяткополучателю. Исходя из рассуждений данного автора, факт осознания работником, что он осуществляет услуги, которые представляют собой предмет взятки, должен влечь ответственность за посредничество во взяточничестве. Во-первых, результаты проведенного нами исследования материалов правоприменительной практики не позволили выявить ни одного подобного случая. Во-вторых, в анализируемом примере сложно усмотреть признаки содействия достижению и реализации договоренности между двумя и более лицами о совершении преступления. Ведь, по сути, услуги могут быть оплачены совершенно любым лицом, источник оплаты безразличен

¹¹⁵ Никонов П.В. К вопросу о некоторых проблемах уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2 (57). С. 116.

работнику. Действия лица по проведению ремонта являются обычными профессиональными обязанностями.

В этой связи мы считаем, что при отсутствии у лица в рассматриваемой ситуации стремления оказать содействие достижению и реализации договоренности между двумя и более лицами о совершении преступления, несмотря на осознание факта оказания услуг в счет взятки, содеянное таким лицом не образует состав посредничества во взяточничестве. Полагаем, что подобное поведение при наличии иных необходимых условий может расцениваться в качестве пособничества в даче взятки.

П.В. Никонов приводит и другие примеры в анализируемом контексте. В частности им описывается следующая ситуация: «лицо, в пользу которого чиновник намеревается совершить действия (бездействие) по службе, оплачивает услуги, выполняемые для чиновника третьим лицом, лишь частично. Содеянное третьим лицом (т.е. лицом, выполняющим услуги для чиновника) подлежит квалификации как посредничество в даче взятки в сумме, соответствующей оплаченной части услуги, а в другой, не оплаченной взяткодателем части, – как дача взятки группой лиц по предварительному сговору. В таком случае исполнителями дачи взятки группой лиц по предварительному сговору являются: лицо, частично оплатившее услуги, оказанные чиновнику, и лицо, непосредственно оказавшее услуги – в той части, за которую оплату оно у первого взяткодателя не получило»¹¹⁶.

На наш взгляд, сказанное нами выше относится и к данной ситуации. Дело в том, что в подобных случаях само по себе оказание услуг взяткополучателю, даже при осознании их характера, не может служить признаками посредничества во взяточничестве и дачи взятки. Тем более, если речь ведется о группе лиц по предварительному сговору. Такая уголовно-правовая оценка предполагает не только установление факта осознания посредничества во взяточничестве, но и стремления оказать содействие достижению и реализации договоренности между

¹¹⁶ Никонов П.В. К вопросу о некоторых проблемах уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2 (57). С. 116-117.

двумя и более лицами о совершении преступления. Равным образом и в части дачи взятки требуется, чтобы лицо осознавало и желало дать взятку в виде незаконного оказания услуг имущественного характера должностному лицу за осуществление действий (бездействия) в пользу дающего.

Таким образом, при решении вопроса об отграничении посредничества во взяточничестве от дачи взятки следует исходить не только из того, что посредник передает имущество (услуги имущественного характера) ему не принадлежащее. Необходимо учитывать, что посредник действует в интересах сторон взяточничества, осознавая этот факт и стремясь оказать содействие достижению и реализации преступной договоренности между ними. Действия же лица, дающего взятку, мотивированы собственными интересами.

Весьма значимый аспект выявляется при сопоставлении признаков получения-дачи взятки и посредничества в данном преступлении в части криминообразующего размера незаконного вознаграждения. В тексте диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ прямо указывается на значительный размер взятки (двадцать пять тысяч рублей – примечание 1 к ст. 290 УК РФ), в то время как в ст.ст. 290 и 291 УК РФ такой порог отсутствует.

Это положение очевидно является почвой для разноречивого толкования признаков посредничества во взяточничестве. Как пишет Т.Д. Устинова, «буквальное толкование уголовного закона приводит к выводу, что посредничество во взяточничестве на меньшую сумму не является уголовно-наказуемым деянием»¹¹⁷.

Однако, по утверждению П.С. Яни, «посредничество в даче либо получении взятки в меньшем размере по-прежнему должно квалифицироваться как соучастие в даче либо получении взятки. Декриминализация данных действий, конечно, не была целью законодателя»¹¹⁸.

¹¹⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С. 742. См. также: Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2012. С. 404.

¹¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть. Постатейный научно-практический комментарий / Под ред. д.ю.н., проф. А.В. Наумова, д.ю.н., проф. А.Г. Кибальника. М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2012. С. 667. См. также: Никонов П.В. К вопросу о некоторых проблемах уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2 (57). С. 113.

При этом анализ материалов судебной практики свидетельствует о наличии и третьего в данном контексте варианта квалификации посредничества во взяточничестве. Например, приговором Ленинского районного суда г. Уфы М. признан виновным в посредничестве во взяточничестве. Преступление совершено им при следующих обстоятельствах.

М., работая автомойщиком и будучи по месту работы знакомым с сотрудниками отдела государственного технического осмотра и регистрации автотранспортных средств Государственной инспекции безопасности дорожного движения Управления внутренних дел по г. Уфа, с целью получения материальной выгоды за свои посреднические услуги, обратился к государственному инспектору отделения государственного технического осмотра ОГТО и РАС ГИБДД УВД по г. Уфа К., зная, что в полномочия последнего входит выдача актов технического осмотра транспортных средств об их технической исправности и разрешении эксплуатации, которые являются основанием для выдачи владельцам транспортных средств талона о прохождении государственного технического осмотра. При этом М. сообщил К., что к нему обращаются граждане, которые желают получить на автомашины с техническими неисправностями талон технического осмотра, выдаваемый на основании акта технического осмотра транспортного средства о его технической исправности и разрешении эксплуатации. Также М. сообщил К., что граждане согласны получать такие акты технического осмотра транспортного средства за взятку в размере 500 рублей за каждое автотранспортное средство, прошедшее указанным незаконным способом технический осмотр. В ходе разговора М. и К. пришли к соглашению, направленному на получение взяток от граждан, согласно которому К. будет без проведения надлежащего осмотра технического состояния и оборудования транспортных средств незаконно выдавать акты технического осмотра транспортных средств об их технической исправности и разрешении - эксплуатации, не отражая в них имеющиеся технические неисправности и недостатки транспортных средств, за взятку в указанном размере, а М., действуя по поручению взяткодателей и выступая посредником во взяточничестве, будет

передавать К. взятки от взятодателей за совершение последним указанного бездействия, при этом М. заведомо знал, что указанное бездействие К. является незаконным.¹¹⁹

То есть действия М. суд квалифицировал как посредничество во взяточничестве, не установив значительного размера взятки.

Представляется, что основой для разных подходов по квалификации посредничества во взяточничестве в зависимости от размера взятки служит неоднозначное нормативное описание исследуемого состава преступления. Текст диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ гласит: «Посредничество во взяточничестве, то есть непосредственная передача взятки по поручению взятодателя или взяткополучателя либо иное содействие взятодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере». Как видно, проблема заключается в том, что остается открытым вопрос об относимости ссылки на значительный размер только к случаям иного содействия взятодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации преступного соглашения между ними, либо еще и к непосредственной передаче взятки.¹²⁰

Законодательное описание посредничества во взяточничестве подразумевает два альтернативных типа объективной стороны. В виду их альтернативности неясно, к одному или к обоим типам относится требование о значительном размере.

По нашему мнению, версия о том, что посредничество во взяточничестве в размере, не являющемся значительным, не образует состав преступления, абсолютно несостоятельна. Данное предположение полностью противоречит смыслу и духу отечественного уголовного закона и современной политике уголовно-правового противодействия коррупции.

¹¹⁹ Архив Ленинского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-291/11.

¹²⁰ Сунгатуллин А.Ю. Посредничество в совершении преступления: вопросы уголовно – правовой теории и практики: монография/ А.Ю. Сунгатуллин – Уфа РИЦ БашГУ 2016. С.52,53.

Сложно согласиться и с версией, согласно которой посредничество в незначительном размере необходимо квалифицировать по признакам соучастия в получении-даче взятки. В таком случае вообще возникает вопрос о целесообразности законодательного нововведения в виде самостоятельной нормы об уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве. Ведь, как выше мы отмечали, данная новелла имеет своей целью, в том числе повышение эффективности правоприменительной практики путем законодательного разрешения трудностей в квалификации посреднических действий.

С учетом изложенного, мы полагаем, что признак значительного размера взятки относится лишь к посредничеству в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Думается, что непосредственная передача взятки отличается повышенной общественной опасностью, поэтому и не требует указанного значительного размера. В свою очередь иное способствование предполагает, как правило, менее общественно опасные действия, вследствие чего для признания их криминальными необходимо устанавливать значительный размер.

Подтверждением нашей точки зрения служат результаты изучения материалов уголовных дел о взяточничестве, а также опроса практикующих юристов, 71 % которых поддержали данное мнение.

Вместе с тем, существующее нормативное описание преступления, предусмотренного ст. 291¹ УК РФ, в части указания на криминообразующий значительный размер следует признать несовершенным, поскольку в любом случае оставляет возможность для противоречивого толкования уголовного закона.

Не случайно в теории уголовного права разрабатываются предложения, направленные на минимизацию произвольного толкования криминообразующего размера посредничества во взяточничестве. Например, по мнению П.В. Никонова, устранение возможных разночтений при толковании ст. 291¹ УК РФ может быть осуществлено путем исключения из ч. 1 указанной статьи криминообразующего

порога посредничества во взяточничестве. В свою очередь, посредничество во взяточничестве в значительном размере закрепить в качестве квалифицирующего признака.¹²¹

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о необходимости поддержать высказанную точку зрения. Использование иных приемов законодательной техники в этой части представляется малообоснованным. Наличие же в существующем виде указания на значительный размер взятки в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ является безусловным фактором, обуславливающим квалификационные ошибки. Кроме того, и это не менее важно, мы считаем, что в целях усиления ответственности за коррупционные преступления следует исключить криминообразующий порог размера взятки при посредничестве в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Аналогичного мнения придерживаются 77 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами опроса практикующих юристов.

Одним из основополагающих вопросов наступления уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве является вопрос определения момента окончания данного преступления. Действующая редакция ч. 1 ст. 291¹ УК РФ не позволяет сделать однозначные выводы. Так, если посредничество выражается в непосредственной передаче взятки, то вероятно преступление должно быть окончено по завершению передачи. Однако существующее законодательное описание объективной стороны исследуемого состава преступления не содержит четких указаний о том, равнозначен ли обозначенный момент времени получения взятки. Что же касается иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки, то здесь

¹²¹ Никонов П.В. К вопросу о некоторых проблемах уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2 (57). С. 113.

определение момента окончания данного преступления выглядит еще более проблематичным.

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ отреагировал на обозначенный правоприменительный аспект в разъяснениях, данных в постановлении «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Согласно рекомендациям высшей судебной инстанции, посредничество во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на счет, владельцем которого оно является). При этом не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению.

Если посредник намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченное посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. В тех случаях, когда предметом посредничества во взяточничестве является незаконное оказание услуг имущественного характера, преступление считается оконченным с начала выполнения с согласия должностного лица действий, непосредственно направленных на приобретение им имущественных выгод (например, с момента уничтожения или возврата долговой расписки, передачи другому лицу имущества в счет исполнения обязательств взяткополучателя, заключения кредитного договора с заведомо заниженной процентной ставкой за пользование им, с начала проведения ремонтных работ по заведомо заниженной стоимости).

В случае, если должностное лицо отказалось принять взятку, действия лица, непосредственно направленные на ее передачу, подлежат квалификации как покушение на преступление, предусмотренное ст. 291¹ УК РФ. Если условленная

передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, действия которых были непосредственно направлены на их передачу или получение, содеянное следует квалифицировать как покушение на посредничество во взяточничестве.

Получение или дача взятки, в том числе через посредника, если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом.¹²²

В то же время, очевидно, что Пленум Верховного Суда РФ обошел своим вниманием вопросы окончания посредничества во взяточничестве в случае его совершения в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки, предложив лишь разъяснения относительно момента окончания исследуемого преступления, выраженного в непосредственной передаче предмета взятки.

По нашему мнению, вполне логично признание моментом окончания посредничества во взяточничестве путем непосредственной передачи вознаграждения момент получения должностным лицом взятки. При этом стоит предположить, что в науке уголовного права дискуссионными могут стать вопросы о моменте окончания в случаях проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий и нереализованного умысла на получение взятки в значительном, крупном или особо крупном размерах. Думается, такая правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ продиктована стремлением ужесточения ответственности за коррупционные преступления. Между тем, данные вопросы выходят за рамки объекта и предмета настоящего диссертационного исследования.

Однако вопрос о моменте окончания посредничества во взяточничестве в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в

¹²² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016г.).

достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в условиях неоправданного отсутствия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ заслуживает отдельного внимания.

Учитывая разработанное нами понимание посредничества в совершении преступления как содействия достижению и реализации договоренности между двумя и более лицами о совершении преступления, может быть сделан вывод о том, что и моментом окончания данного общественно опасного деяния является момент выполнения соответствующих действий, способствующих взяточничеству.

Вместе с тем, принимая во внимание юридическую природу посредничества в совершении преступления, которое обладает признаками соучастия, имеются основания ориентироваться в таком случае на правила наступления уголовной ответственности соучастников преступления. В силу ч. 5 ст. 34 УК РФ, в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления.

Опираясь на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно момента окончания посредничества во взяточничестве, совершенного путем непосредственной передачи предмета взятки, а также на результаты проведенного нами исследования материалов правоприменительной практики, следует сделать вывод о том, что посредничество во взяточничестве, независимо от формы его совершения, является окончанным преступлением с момента получения должностным лицом взятки. Такое же мнение высказали 79 % практикующих юристов, опрошенных нами в качестве экспертов.

В числе квалифицирующих обстоятельств посредничества во взяточничестве, наряду с традиционными признаками размеров взятки, группового совершения посредничества, предусмотрен факт совершения

рассматриваемого преступления лицом с использованием своего служебного положения. Относительно понимания данного признака в отечественном уголовном праве сформировано довольно четкое представление.¹²³ Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, факт использования посредником для совершения преступления своего служебного положения может означать его принадлежность к управленческим структурам лица, дающего либо получающего взятку.

Одной из наиболее ярких новелл современного отечественного уголовного закона является уголовно-правовая норма об ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291¹ УК РФ). Новизна этой нормы, а также отсутствие наработанной следственно-судебной практики породили нередко противоречивое ее толкование. Очевидно не свойственное для российского уголовного законодательства технико-юридическое оформление предписания, закрепленного в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, отличающееся чрезмерной расплывчатостью, обусловило необходимость пересмотра множества, казалось бы, обыденных аспектов в служебном поведении должностных лиц.

Так, в Обзоре рекомендаций по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки Минтруда России, указывается, что поведение, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки, является неприемлемым для государственных служащих, поскольку заставляет усомниться в его объективности и добросовестности, наносит ущерб репутации системы государственного управления в целом.

Для предупреждения подобных негативных последствий должностным лицам Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ,

¹²³ См.: Рясков А.В. Признак «использование служебного положения» и его уголовно-правовая оценка по уголовному законодательству России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 24 с.

Федерального фонда обязательного медицинского страхования, иных организаций предписывается уделять внимание манере своего общения с коллегами, представителями организаций, иными гражданами и, в частности воздерживаться от поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки.¹²⁴

Как видно, уголовно-правовой запрет на обещание или предложение посредничества во взяточничестве получает чрезмерно вольные трактовки. В этой связи закономерно возникает вопрос об основаниях и пределах уголовной ответственности по ч. 5 ст. 291¹ УК РФ.

Анализ юридической литературы показывает, что в теории уголовного права отсутствует единство мнений в части уяснения существа предписания, регламентированного ч. 5 ст. 291¹ УК РФ. При этом высказываются различные мнения даже о предпосылках для установления самостоятельной уголовной ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве.¹²⁵

Например, Т.И. Розовская и Д.В. Пешков пришли к выводу, что «ч. 5 ст. 291¹ УК РФ появилась в уголовном законе для исключения квалификации виновных лиц по соответствующим частям ст. 159 УК РФ со ссылкой (или без нее) на ст. 30 УК РФ»¹²⁶. Обосновывая свою точку зрения, авторы приводят следующие доводы: «принимая во внимание, что законодатель пытается противостоять коррупции во всех ее проявлениях, повышенную общественную опасность приобретает факт использования обещания или предложения посредничества во взяточничестве даже в качестве способа завладения чужим

¹²⁴ Информация Минтруда России «Обзор рекомендаций по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки» от 4 марта 2013 г. // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

¹²⁵ Сунгатуллин, А.Ю. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: актуальные аспекты уголовно-правовой характеристики / А.Ю. Сунгатуллин // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 3. – С. 48, 49.

¹²⁶ Розовская Т.И., Пешков Д.В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: вопросы правоприменения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 3 (22). С. 94-97.

имуществом. Поведение такого лица побуждает к совершению коррупционной сделки взяткодателем и (или) взяткополучателем. Кроме этого, действуя в интересах взяткодателя, лицо, обещавшее или предложившее передать взятку должностному лицу, компрометирует таким образом соответствующий орган государственной власти, государственную службу либо орган местного самоуправления»¹²⁷.

По нашему мнению, с такими рассуждениями согласиться сложно. Более того, они противоречат основным принципам построения Особенной части УК РФ. Если поддержать точку зрения Т.И. Розовской и Д.В. Пешкова, то получится, что в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ установлена ответственность за специальный вид мошенничества. Между тем, авторы, вероятно, не принимают во внимание факт классификации норм УК РФ по признакам основного объекта. Исходя из их выводов, получается, что преступление, основным объектом которого выступает собственность, закреплено в главе о преступлениях против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Представляется, что такой законодательный шаг по выделению специального вида мошенничества был бы сомнительным. Однако основной контраргумент сводится к тому, что в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ отсутствуют какие-либо признаки состава мошенничества.

Подтверждением нашей точки зрения служат и результаты анализа материалов следственно-судебной практики. Так, приговором Ленинского районного суда г. Уфы С. признан виновным в покушении на мошенничество. Преступление совершено им при следующих обстоятельствах. С., узнав от И. о том, что ее сожитель Х. был задержан сотрудниками УВД по г. Салават и заключен под стражу по подозрению в сбыте наркотических средств, решил путем обмана с целью незаконного обогащения получить от И. и присвоить себе денежные средства, предложив ей заведомо ложное посредничество в передаче денег сотруднику прокуратуры Республики Башкортостан, якобы, для решения

¹²⁷ Розовская Т.И., Пешков Д.В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: вопросы правоприменения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 3 (22). С. 94-97

вопроса о прекращении уголовного преследования в отношении Х., не имея при этом намерений обращаться к кому-либо с такой просьбой.¹²⁸

Наша позиция подтверждена и в новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», где отмечается, что как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Владелец переданных ему ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп.

В случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, заведомо не намеревалось передавать ценности в качестве взятки должностному лицу либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным ч. 5 ст. 291¹ УК РФ.¹²⁹

Следует заметить, что в теории уголовного права предлагаются более логичные объяснения для установления самостоятельного уголовно-правового запрета на обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Так, О.С. Капинус полагает, что законодатель, криминализовав в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ деяния в виде обещания или предложения посредничества во взяточничестве вне зависимости от размера взятки, «преодолеl запрет уголовной ответственности за приготовление к преступлениям средней тяжести применительно к взяточничеству»¹³⁰. Тем самым автор признает, что фактически в исследуемой

¹²⁸ Архив Ленинского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1- 344/10.

¹²⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.suprcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016г.).

¹³⁰ Капинус О.С. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 23.

уголовно-правовой норме регламентирована ответственность за приготовление к взяточничеству.

Отдельные авторы высказывают предположение, основанное на сопоставительном анализе санкций, предусмотренных ч. 1 и ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, что в последней норме сконструирован квалифицированный вид данного преступления.¹³¹ Конечно же, вопрос о содержании санкций имеет некоторое значение при решении вопроса о соотношении преступлений, но никак не определяющее, особенно в рассматриваемой ситуации.

На наш взгляд, какие-либо основания для признания преступления, закрепленного в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, квалифицированным видом посредничества во взяточничестве отсутствуют. Во-первых, по смыслу текстов диспозиций данных норм они не соотносятся как общая и специальная. Во-вторых, в действующем российском уголовном законе принято конструировать квалифицированные составы преступлений с использованием формулировок «то же деяние», «те же действия», «деяние, указанное в части 1 настоящей статьи» и т.п. Представляется очевидным, что в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ не устанавливается ответственность за квалифицированный вид посредничества во взяточничестве, а говорится лишь об обещании или предложении такового.

Таким образом, обещание или предложение посредничества во взяточничестве недопустимо признавать квалифицированным видом посредничества во взяточничестве. Данное преступление является самостоятельным. Аналогичной точки зрения придерживаются 62 % опрошенных нами респондентов.

По мнению П.В. Никонова, «часть 5 по содержанию представляет собой самостоятельный состав преступления, поскольку указанные в ней действия по смыслу образуют приготовление к основному составу посредничества во взяточничестве (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ)»¹³². Соглашаясь с утверждением автора,

¹³¹ Борков В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4. С. 13.

¹³² Никонов П.В. К вопросу о некоторых проблемах уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2 (57). С. 113.

представляется дискуссионным такое его обоснование. Полагаем, что признание конкретного деяния стадией совершения другого преступления не дает само по себе повода для заключения о самостоятельности состава преступления.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на то, что многие авторы в ходе анализа юридической сущности обещания или предложения посредничества во взяточничестве отмечают, что это деяние является приготовлением к посредничеству во взяточничестве.

Однако данная точка зрения не является единственной. Так, по утверждению А.И. Рарога, в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ «предусмотрен самостоятельный состав посреднических действий». При этом автор полагает, что «данная норма вопреки принципам уголовного права криминализирует обнаружение умысла»¹³³. То есть А.И. Рарог не считает изучаемое деяние приготовлением, а признает его лишь обнаружением умысла.

В этой связи видится актуальным решение вопроса о признании обещания или предложения посредничества во взяточничестве обнаружением умысла, приготовлением к посредничеству либо преступлением с самостоятельной юридической природой. Причем уместно сразу отметить, что третий вариант решения является неприемлемым, так как прямая направленность деяния, описанного в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, на дальнейшее посредничество во взяточничестве налицо.

Для обстоятельного решения обозначенного вопроса требуется анализ используемых в рассматриваемой норме уголовного закона терминов «обещание» и «предложение». С одной стороны, названные понятия не являются собственно юридическими и должно в таком случае применяться их обыденное понимание. С другой стороны, обыденное понимание этих терминов должно укладываться в рамки принятых в уголовном праве требований о конкретности признаков, возможности их однозначного толкования.

¹³³ Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2012. С. 405. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 633.

Как пишет Т.Д. Устинова, «обещание посредничества означает явно выраженное (устно или письменно) согласие лица оказать содействие в организации встречи взяткодателя и взяткополучателя для достижения между ними соглашения, в передаче (получении) взятки или совершении иных действий, направленных на реализацию достигнутого соглашения»¹³⁴. Мы считаем, что ссылка на встречу взяткодателя и взяткополучателя в предложенной трактовке обещания вряд ли уместна. Как известно, для организации взятки встреча указанных лиц совершенно не обязательна.

По мнению А.П. Кузнецова, «под обещанием понимается добровольное обязательство участвовать в посредничестве, внушение надежды на свершение выполняемого действия».¹³⁵ Стоит подчеркнуть, что изложенная формулировка согласуется с грамматическим толкованием слова «обещание». В частности в словаре русского языка слово «обещание» определяется как «добровольное обязательство что-нибудь сделать»¹³⁶. Однако при этом автор, на наш взгляд, излишне указывает на то, что обещание предполагает внушение надежды. Думается, что подобные признаки неосновательно усложняют понимание рассматриваемого термина. В этой ситуации, когда используется неюридический термин, предпочтительнее использовать буквальное толкование, которое подразумевает, прежде всего, применение соответствующих филологических познаний.

Таким образом, обещание посредничества во взяточничестве необходимо понимать как добровольное обязательство лица выступить в роли посредника в данном преступлении.

Далее о предложении посредничества. Т.Д. Устинова считает, что «предложение посредничества выражается в склонении лица дать взятку взяткополучателю, организовать в будущем с ним встречу, договориться об

¹³⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С. 743.

¹³⁵ Уголовное право России. Часть Особенная: учебник / Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 663.

¹³⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. С. 296.

условиях, на которых должностное лицо будет действовать в интересах взяткодателя или представляемых им лиц, передать предмет взятки и т.д. Предложение о совершении посреднических действий может быть обращено и к должностному лицу в виде подстрекательства его к использованию своих должностных полномочий для незаконного обогащения, подыскания заинтересованных лиц, готовых дать взятку, и тому подобных действиях»¹³⁷. Результаты проведенного нами исследования позволяют не согласиться с автором в том, что предложение посредничества во взяточничестве предполагает склонение лица. Ведь склонение означает возбуждение у другого лица желания совершить определенные действия или иным образом воздействовать на его волю для того, чтобы добиться выгодного для виновного варианта поведения.

А.П. Кузнецов полагает, что «предложение – это высказанное согласие о возможном посредничестве во взяточничестве»¹³⁸. По мнению А.И. Рарога, «предложение посредничества выражается в инициативном изъявлении лицом готовности оказать посреднические услуги взяткодателю или взяткополучателю либо сразу обоим»¹³⁹.

С точки зрения русского языка «предложение» толкуется как существительное от глагола «предложить», который может использоваться в следующих значениях: 1) «представить на обсуждение как известную возможность»; 2) «спросить, задать»; 3) «предоставить в чье-нибудь распоряжение»; 4) «потребовать, предписать что-нибудь сделать»¹⁴⁰.

Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, четвертое значение слова «предложение» не может быть применено в контексте диспозиции ч. 5 ст. 291¹ УК РФ. Это связано с тем, что предложение может означать требование или предписание только в том случае, когда лицо, которому

¹³⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С. 743.

¹³⁸ Уголовное право России. Часть Особенная: учебник / Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 663.

¹³⁹ Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2012. С. 405.

¹⁴⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. С. 407.

адресовано предложение, имеет определенные обязанности действовать конкретным образом (например, нарушителю общественного порядка предлагается прекратить свое неподобающее поведение). В то же время, в исследуемом нами ракурсе адресат предложения посредничества во взяточничестве вряд ли может обладать обязанностью принятия такого предложения.

В этой связи необходимо поддержать точку зрения А.И. Рарога, согласно которой предложение посредничества во взяточничестве подразумевает выражение виновным инициативы оказать посреднические услуги во взяточничестве.

Стоит отметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», содержатся положения, посвященные обещанию и предложению. Согласно правовой позиции высшей судебной инстанции РФ, обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействия) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами.

Если при этом иные действия, направленные на реализацию обещания или предложения, лица не смогли совершить по независящим от них обстоятельствам, содеянное следует квалифицировать как приготовление к даче взятки (ч. 1 ст. 30 и соответственно чч. 3-5 ст. 291 УК РФ) или к получению взятки (ч. 1 ст. 30 и соответственно чч. 2-6 ст. 290 УК РФ).¹⁴¹

Имеются основания утверждать, что процитированные положения относятся к случаям обещания и предложения, сделанным лицом,

¹⁴¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016г.).

непосредственно получающим или дающим взятку. Однако данные разъяснения могут быть истолкованы неоднозначно. Дело в том, что указание на принятие взятки вполне относимо и к преступной деятельности посредника во взяточничестве, поскольку для последующей передачи взятки ее сначала требуется принять. Еще более схоже с описанием посредничества ссылка на передачу взятки. Как выше нами отмечалось, термин «передача» используется в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ. Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 291 УК РФ, содержит признак «дача».

Следовательно, рассматриваемые положения создают почву для некорректного применения уголовного закона, поскольку обещание и предложение посредничества во взяточничестве образуют самостоятельный состав преступления, закрепленный в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ. В этой связи считаем целесообразным изменить формулировку первого абзаца п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». По нашему мнению, данное разъяснение необходимо изложить в следующей редакции:

«Обещание или предложение получения либо дачи незаконного вознаграждения, выраженные взяткодателем или взяткополучателем (сторонами коммерческого подкупа), за совершение действий (бездействия) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение дать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами».

Учитывая сформулированное понимание терминов «обещание» и «предложение», следует сделать вывод, что по своей правовой природе преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, близко приготовлению к преступлению в виде приискания соучастников преступления, сговора на совершение преступления либо иного умышленного создания условий для

совершения преступления. При этом, в отличие от приготовления к посредничеству во взяточничестве, преступление, состоящее в обещании или предложении посредничества во взяточничестве, считается оконченным с момента выражения адресату соответствующих обязательств или инициатив.¹⁴²

Фактически законодатель возвел в ранг самостоятельного преступления отдельные проявления действий, образующих приготовление к посредничеству во взяточничестве. При этом вопрос об обоснованности такого уголовно-правового запрета остается открытым в условиях отсутствия подобных норм в статьях Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за получение и дачу взятки. Сложно определить, чем обусловлена такая строгость ответственности за посредничество во взяточничестве. Результаты проведенного нами исследования не позволяют расценивать рассматриваемое деяние как более общественно опасное по сравнению с преступлениями, предусмотренными ст.ст. 290 и 291 УК РФ.

Закономерным вопросом, возникающим при применении уголовно-правовой нормы об ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, является вопрос о квалификации содеянного в случае реализации обозначенных обещания или предложения. Пленум Верховного Суда РФ по этому поводу выразил следующую позицию: по смыслу закона, если лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, впоследствии совершило преступление, предусмотренное ч. 1-4 ст. 291¹ УК РФ, содеянное им квалифицируется по соответствующей части этой статьи как посредничество во взяточничестве без совокупности с ч. 5 ст. 291¹ УК РФ.¹⁴³

¹⁴² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.suprcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016г.).

¹⁴³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.suprcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016г.).

На наш взгляд, данное разъяснение является вполне обоснованным, так как в этом случае действует правило о перерастании преступления одного вида из менее тяжкого в более тяжкое.¹⁴⁴

Существующая конструкция предписаний, закрепленных в ст. 291¹ УК РФ, содержит предпосылки для теоретических дискуссий относительно криминообразующего размера взятки, фигурирующего при обещании и предложении посредничества во взяточничестве. В ч. 5 ст. 291¹ УК РФ данный размер не закреплен.

В науке уголовного права по этому моменту высказываются следующие точки зрения. Так, П.С. Яни приходит к выводу, что ответственность по ч. 5 ст. 291¹ УК РФ наступает при условии обещания или предложения посредничества во взяточничестве в значительном размере. Автор делает такое утверждение, поскольку, по сути, в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ дается понятие посредничества.¹⁴⁵ Однако, например, А.И. Рарог придерживается другой позиции, он считает, что «обещание или предложение посредничества уголовно наказуемы независимо от размера взятки, тогда как реальное посредничество при незначительном размере взятки не является преступным. Иными словами, намерение оказать посреднические услуги законодатель объявляет более опасным деянием, чем фактическое оказание таких услуг»¹⁴⁶.

Г.Л. Минаков считает, что «уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве, а также за обещание или предложение посредничества, совершенные в незначительном размере, должна наступать как за соучастие в даче или получении взятки»¹⁴⁷.

Результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, размер

¹⁴⁴ См.: Коростылев О.И. Квалификация преступлений: учебно-практическое пособие. Ставрополь: Сервисшкола, 2006. С. 16.

¹⁴⁵ Яни П.С. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 15. См. также: Минаков Г.Л. Усиление борьбы с коррупцией: уголовно-правовой аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 134.

¹⁴⁶ Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2012. С. 405.

¹⁴⁷ Минаков Г.Л. Усиление борьбы с коррупцией: уголовно-правовой аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 134.

предполагаемой взятки значения не имеет. Данной точки зрения придерживаются 77 % опрошенных в ходе проведенного нами исследования практикующих юристов. Это обуславливается, во-первых, тем, что криминообразующий порог, закрепленный в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, как выше нами отмечалось, относиться лишь к посредничеству во взяточничестве, совершенном в форме содействия взяткодателю и (или) взятополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки, не связанном с непосредственной передачей взятки. Во-вторых, состав преступления, регламентированный ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, не является квалифицированным видом посредничества во взяточничестве, а представляет собой самостоятельное преступление.

Вместе с тем, вышеизложенное диктует необходимость вернуться к вопросу о целесообразности наличия в УК РФ самостоятельного запрета на обещание или предложение посредничества во взяточничестве. На наш взгляд, помимо ряда сложностей установления признаков данного состава преступления на практике, существуют проблемы с достаточным для криминализации уровнем общественной опасности обещания или предложения посредничества во взяточничестве. Вряд ли можно усомниться в том, что такое деяние в отдельных ситуациях не будет образовывать признаки приготовления к посредничеству во взяточничестве. Сами по себе обещание или предложение без каких-либо объективных проявлений намерения посредничества во взяточничестве в ряде случаев являются не более чем обнаружением умысла, как об этом пишет А.И. Рарог. При этом высказанное обещание или предложение могут быть нереализуемы.

Конечно же, российскому уголовному праву известны случаи криминализации определенных высказываний человека. Например, наказуемой признается угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека (ст. 119 УК РФ). Но для наличия данного состава преступления требуется, чтобы имелись основания опасаться осуществления угрозы. Применительно к составу обещания или предложения посредничества во взяточничестве в установлении

таких признаков необходимость отсутствует. Кроме того, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью традиционно считается разновидностью психического насилия. В свою очередь, обещание или предложение посредничества во взяточничестве не причиняет вред кому-либо, а в ряде случаев не создает и опасности вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Существующая редакция ч. 5 ст. 291¹ УК РФ практически исключает возможность добровольного отказа от преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 31 УК РФ, таковым признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Данный вывод следует из того, что преступление, состоящее в обещании или предложении посредничества во взяточничестве, считается оконченным с момента выражения адресату соответствующих обязательств или инициатив.

В итоге складывается парадоксальная ситуация, когда, например даже взяточполучатель, пообещав совершить такое деяние, отказывается от него, не подлежит уголовной ответственности в силу ч. 2 ст. 31 УК РФ. Лицо же, обещавшее или предложившее посредничество во взяточничестве фактически уже не может отказаться от доведения преступления до конца, поскольку в его действиях присутствует оконченный состав преступления.

Имеются сложности и в возможности применения специального основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного примечанием к ст. 291¹ УК РФ, согласно которому лицо, являющееся посредником во взяточничестве, освобождается от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о посредничестве во взяточничестве. Дело в том, что лицо, обещавшее или предложившее посредничество во взяточничестве, может не обладать необходимыми признаками посредника, так как для наличия названных

деяний достаточно высказать обещание или предложение хотя бы одной стороне криминальной сделки. При этом указанное примечание вполне применимо к случаям посредничества во взяточничестве, описанным в чч. 1-4 ст. 291¹ УК РФ.

На основании изложенного считаем целесообразным и необходимым исключить ч. 5 из ст. 291¹ УК РФ. Стоит отметить, что наше предложение одобрено 75 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Таким образом, результаты уголовно-правового исследования посредничества во взяточничестве обуславливают необходимость сделать следующие основные выводы:

1) действия посредника во взяточничестве, совмещавшего функции подстрекателя или пособника, подлежат квалификации только как посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ). Действия посредника, выступившего одновременно организатором взяточничества, не ограничивающиеся организационными вопросами передачи взятки, могут быть с учетом обстоятельств конкретного дела квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 291¹ и ч. 3 ст. 33, ст. 290 (291) УК РФ;

2) при решении вопроса об отграничении посредничества во взяточничестве от дачи взятки следует исходить не только из того, что посредник передает имущество (услуги имущественного характера) ему не принадлежащее. Необходимо учитывать, что посредник действует в интересах сторон взяточничества, осознавая этот факт и стремясь оказать содействие достижению и реализации преступной договоренности между ними. Действия же лица, дающего взятку, мотивированы собственными интересами;

3) признак значительного размера взятки относится лишь к посредничеству в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Непосредственная передача взятки отличается повышенной общественной опасностью, поэтому и не требует указанного значительного размера. В свою очередь иное способствование предполагает, как правило, менее общественно

опасные действия, вследствие чего для признания их криминальными необходимо устанавливать значительный размер;

4) в целях усиления ответственности за коррупционные преступления следует исключить криминообразующий порог размера взятки при посредничестве в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки;

5) посредничество во взяточничестве, независимо от формы его совершения, является оконченным преступлением с момента получения должностным лицом взятки;

6) обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291¹ УК РФ) является самостоятельным составом преступления;

7) обещание посредничества во взяточничестве необходимо понимать как добровольное обязательство лица выступить в роли посредника в данном преступлении. Предложение посредничества во взяточничестве подразумевает выражение виновным инициативы оказать посреднические услуги во взяточничестве;

8) по своей правовой природе преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, близко приготовлению к преступлению в виде приискания соучастников преступления, сговора на совершение преступления либо иного умышленного создания условий для совершения преступления. При этом, в отличие от приготовления к посредничеству во взяточничестве, преступление, состоящее в обещании или предложении посредничества во взяточничестве, считается оконченным с момента выражения адресату соответствующих обязательств или инициатив;

9) доказана целесообразность изменения формулировки первого абзаца п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». По нашему мнению, данное разъяснение необходимо изложить в следующей редакции:

«Обещание или предложение получения либо дачи незаконного вознаграждения, выраженные взяткодателем или взяткополучателем (сторонами коммерческого подкупа), за совершение действий (бездействия) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение дать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами»;

10) для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, размер предполагаемой взятки значения не имеет;

11) аргументирована целесообразность и необходимость исключения ч. 5 из ст. 291¹ УК РФ.

§ 3.2. Посредничество в криминальных сделках

Помимо наиболее показательного выражения посредничества в совершении преступления, которым представляется возможным признать общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 291¹ УК РФ, посредничество довольно широко распространено и при совершении других преступлений, круг которых был освещен нами в ходе характеристики системы уголовно-правовых норм об ответственности за посредничество в совершении преступления. При этом совершение многих преступлений с помощью посредника обладает собственной спецификой.

Стоит отметить, что действия лица, выступавшего посредником криминальной сделки, образуют исполнительство не только в случаях с взяточничеством. Действующим отечественным уголовным законом, в частности установлена ответственность за передачу и получение человека в целях его эксплуатации. В юридической литературе по этому вопросу указывается, что передача предполагает, в том числе акцию посредника при совершении действий по торговле людьми.¹⁴⁸

Деяния в виде купли-продажи человека характеризуют преступления сторон соответствующей криминальной сделки, где человек фигурирует в качестве живого товара. Посредник при совершении такого преступления, как правило, оказывает содействие в поиске предполагаемых жертв торговли людьми и потенциальных покупателей такого «товара». Некоторые из преступлений данной группы становились предметом рассмотрения Верховного Суда РФ. Примером может служить уголовное дело в отношении Н. Суд признал установленным, что Н. купила А. у Г. и Ф. с целью ее дальнейшей эксплуатации. Это произошло около 1 часа. Той же ночью, около 2 часов, Н. продала А. не установленной следствием женщине, занимающейся организацией проституции.

¹⁴⁸ Противодействие торговле людьми и использованию рабского труда: научно-практическое пособие / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Т.В. Пинкевич. Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2008. С. 60.

Аналогичным образом, как установил суд, была совершена купля-продажа потерпевшей Г. В ночное время Н. купила ее в целях дальнейшей эксплуатации и той же ночью она продала ее.

Изложенные выше действия Н. судом первой инстанции были квалифицированы по п. «в» ч. 3 ст. 127¹ и п. «б» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ (по факту купли-продажи заведомо несовершеннолетней А.) и ч. 1 ст. 127¹ УК РФ (по факту купли-продажи потерпевшей Г.).

Судебная коллегия считает, что суд излишне квалифицировал действия Н. одновременно по п. «б» ч. 2 ст. 127¹ и ч. 1 ст. 127¹ УК РФ. Диспозиция ст. 127¹ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за куплю-продажу человека в целях его эксплуатации. Осужденной Н. была совершена торговля в отношении одних и тех же потерпевших, купля и продажа состоялись фактически с минимальным разрывом во времени.

При таких обстоятельствах суд необоснованно и искусственно разделил действия, связанные с куплей и продажей потерпевших, на два самостоятельных состава преступлений (в рамках каждой потерпевшей). Поэтому из осуждения Н. необходимо исключить п. «б» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ (по факту торговли А.) и ч. 1 ст. 127¹ УК РФ (по факту торговли Г.).¹⁴⁹

Стоит отметить, в описанной ситуации преступная деятельность Н. фактически была выражена именно в посредничестве. При этом суд не ограничился указанием в приговоре лишь на передачу потерпевшего, а указал на куплю и продажу. Представляется, что данный аспект применения ст. 127¹ УК РФ заслуживает научного анализа.

Прежде всего, обратим внимание на то, что действия лица, которое приобрело потерпевших для дальнейшей перепродажи, были расценены как совершенные в целях эксплуатации человека. В соответствии с примечанием 2 к ст. 127¹ УК РФ, под эксплуатацией человека понимаются использование занятия

¹⁴⁹ Определение Верховного Суда РФ от 1 октября 2008 г. № 81-О08-65 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние.

По нашему мнению, в ситуациях, когда лицо приобретает человека для его дальнейшей перепродажи, цель эксплуатации не усматривается. Виновный в таком случае руководствуется стремлением сбыть «товар», вероятно извлекая при этом из сделки материальную выгоду. Судьба людей, покупаемых и продаваемых, посреднику безразлична. Посредник покупает людей не в целях использования занятия проституцией другими лицами и иных форм сексуальной эксплуатации, рабского труда (услуг), подневольного состояния. Единственно, что может быть поставлено под сомнение цель использования посредником подневольного состояния потерпевших от торговли людьми. Но и здесь посредник использует такое состояние лишь временно, то есть это не более чем промежуточная мера, не являющаяся самоцелью. При этом посредник в ходе совершения изучаемого преступления может и вовсе обойтись без использования подневольного состояния потерпевшего.

Если посредник действует по поручению и за счет одной из сторон рассматриваемой криминальной сделки, то его деяние, на наш взгляд, недопустимо признавать исполнением купли-продажи. Посредник в таком случае осуществляет только получение-передачу человека.

Другое дело, когда посредник не действует в интересах определенного лица и за свой счет приобретает потерпевшего в целях его дальнейшей перепродажи. В таком случае посредничество в уголовно-правовом понимании отсутствует, поскольку виновный не оказывает содействие достижению и реализации договоренности между двумя и более лицами о совершении преступления. Здесь посредничество распадается на составляющие его компоненты, приобретающие самостоятельное уголовно-правовое значение, то есть виновный отдельно осуществляет криминальную сделку по приобретению человека, а затем самостоятельную сделку по его продаже. Условно такое лицо можно именовать перекупщиком. Деяние такого лица подлежит квалификации как исполнение купли-продажи человека или совершения иных сделок с ним.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что законодатель не установил какие-либо обязательные цели купли-продажи человека или иных сделок с ним. Цель эксплуатации является обязательной для установления лишь в ситуациях вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения человека.

Это подтверждается и результатами анализа материалов судебной практики. Так, в одном из кассационных определений Астраханского областного суда отмечается, что, согласно диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ, объективная сторона этого преступления состоит в купле-продаже человека, иных сделках в отношении него либо в совершении в целях его эксплуатации вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения. По смыслу этой нормы закона, цель эксплуатации человека является обязательным признаком субъективной стороны при совершении этого преступления в форме вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения, но не в форме купли-продажи.¹⁵⁰

Следовательно, уголовная ответственность за посредничество в купле-продаже человека подразумевает необходимость установления цели эксплуатации человека. По нашему мнению, данная цель в контексте ответственности за посредничество предполагает, что виновный осознавал общественную опасность получения-передачи им человека как живого товара.

В то же время, законодательное положение о специальной цели передачи и получения человека видится нам не вполне удачным. В науке уголовного права цель понимается как «сознательно представляемый результат, к достижению которого направлена воля субъекта преступления»¹⁵¹. Однако для случаев посредничества в торговле людьми наличие такой цели может быть установлено далеко не во всех случаях. Обусловлено это тем, что посреднику зачастую безразлично, в каких целях будет использоваться потерпевший, тогда как цель — это желаемый результат.

¹⁵⁰ Архив Астраханского областного суда за 2010 г. Уголовное дело № 22-3118 /10.

¹⁵¹ Гилязов Ф.Г. Социально-психологические и уголовно-правовые аспекты вины. Уфа, 1979. С. 60. См. также: Векленко С.В., Бавсун М.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2006. С. 85.

В случае неустановления цели эксплуатации человека, действия посредника в торговле людьми подлежат квалификации как соучастие в данном преступлении (купле-продаже человека или иных сделках с ним), то есть в качестве организатора, подстрекателя или пособника со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Таким образом, действия посредника в купле-продаже или иных сделках с человеком квалифицируются как получение-передача человека в целях его эксплуатации. При неустановлении данной цели содеянное посредником квалифицируется в качестве соучастия в купле-продаже или иных сделках с человеком в виде организации, подстрекательства либо пособничества со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Деяние лица, приобретающего человека в целях его дальнейшей перепродажи и действующего от своего имени и за свой счет не образует посредничества в совершении преступления и влечет уголовную ответственность как исполнительство преступления, предусмотренного ст. 127¹ УК РФ.

Примечательно, что в зарубежном уголовном законодательстве ответственность за посредничество в торговле людьми нередко устанавливается самостоятельными нормами. Например, частью бет ст. 377 Закона об уголовном праве Израйля предусмотрено, что тот, кто возмездно или безвозмездно занимается посредничеством в торговле человеком, несет ответственность как лицо, которое торгует таким человеком.¹⁵²

По нашему мнению, данный законодательный опыт имеет положительные черты. В условиях высокого уровня общественной опасности данного преступления, совершение которого нередко характеризуется разветвленными сетями поставки жертв торговли людьми, считаем целесообразным установить самостоятельный уголовно-правовой запрет на посредничество в торговле людьми. Данное предложение поддержано 72 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

¹⁵² Закон об уголовном праве Израйля / Предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 206.

Реализация данного предложения может быть осуществлена путем изменения содержания диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ. Нами предлагается следующая редакция этой уголовно-правовой нормы: «Купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а также посредничество в их совершении, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение».

Если для состава торговли людьми достаточно установления факта совершения каких-либо сделок с человеком, то для общественно опасных деяний, связанных с незаконным оборотом определенных предметов, обязательным является определение противоправности соответствующих сделок. При этом, как выше нами отмечалось, в одних ситуациях требуется выявление факта сделки с предметом, запрещенным в свободном гражданском обороте, а в других – незаконность сделки обуславливает криминальное происхождение предметов. Как свидетельствуют материалы следственно-судебной практики, сложности нередко вызывает установление признаков предметов второй группы.

Фигура посредника в преступлении нередко проявляется в случаях совершения общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 175 УК РФ (Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем). В этих ситуациях посредник способствует достижению соглашения по реализации имущества, добытого исполнителем первоначального преступления, между ним и приобретателем. Особенностью квалификации действий посредника в данном случае является необходимость установления признаков преступного происхождения имущества, выступающего предметом криминальной сделки.

Анализ правоприменительной практики в этой части показывает, что неоднозначно решается вопрос о необходимости установления факта осуждения лица, совершившего первоначальное преступление, для квалификации действий посредника по ст. 175 УК РФ.

В контексте такого рода преступлений принципиально значимым аспектом для ответственности посредника является вопрос о признании лица, совершившего первичное преступление, виновным. В теории уголовного права по

данному поводу высказывались различные мнения. Ряд авторов полагали, что первичное преступление может быть признано таковым лишь приговором суда, который является обязательной предпосылкой для квалификации последующих общественно опасных деяний.¹⁵³

Вместе с тем, как справедливо указывает Б.В. Волженкин, в ситуации, описанной в ст. 174 УК РФ, «нет необходимости установления конкретных виновников совершения первичного преступления; важно доказать, что событие преступления (допустим незаконный оборот наркотиков) имело место и результатом этого преступления стало приобретение имущества, легализуемого в данном случае»¹⁵⁴. На таком же пути стоит и судебная практика.¹⁵⁵ В.И. Тюнин в этом контексте приводит пример из судебной практики: «Верховный Суд РФ, в порядке надзора рассматривавший уголовное дело в отношении Р., осужденной по п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ, оставил приговор без изменения, указав, что доводы адвоката о незаконности и необоснованности приговора осужденной несостоятельны, поскольку постановление приговора в отношении лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 256 УК, является необязательным условием для возбуждения дела по ст. 175 УК. Как указал Верховный Суд, осужденная знала о том, что приобретенная ею рыба калуга добыта незаконным путем (так как вылов ее запрещен), поэтому ее действия правильно квалифицированы по ст. 175 УК РФ»¹⁵⁶.

Таким образом, в контексте проводимого нами исследования требуется установить, что посредник осознавал факт содействия в достижении и реализации договоренности между двумя и более лицами о сделке с имуществом, добытым в результате совершения преступления. Данное знание может быть основано как на

¹⁵³ См., например: Алиев В.М., Третьяков И.Л. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Российский следователь. 2002. № 8. С. 34; Морозов Г.Б. Экономические преступления в России: сфера осуществления и реалии применения норм уголовного закона // Российский юридический журнал. 2002. № 1. С. 80; Куровская Л.Н. Противодействие легализации преступных доходов уголовно-правовыми мерами. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. С. 59. и др.

¹⁵⁴ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 297.

¹⁵⁵ См.: Яни П.С. Ответственность за легализацию: нужен ли приговор по делу о предикатном преступлении? // Законность. 2005. № 8. С. 13.

¹⁵⁶ Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учебно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 94-95. См. также: Галищук О. Заведомо, значит преступно // Законность. 2008. № 11. С. 35.

приговоре суда, так и на сведениях, с достаточной достоверностью свидетельствующих о преступном происхождении имущества. Этот вывод в полной мере распространяется и на случаи посредничества в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ.

Действия посредника в совершении преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, следует квалифицировать как соучастие в данном общественно опасном деянии со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. При этом, если лицо не выполняло функции посредника, а выступало самостоятельным звеном в цепи сделок с имуществом, заведомо добытым преступным путем, то есть действовало в своих интересах и за свой счет, содеянное им подлежит квалификации как исполнительство преступления, закрепленного ст. 175 УК РФ.

Вместе с тем, следует учитывать, что реализация имущества лицом, которое само его добыло в результате совершения преступления, не образует состав преступления, предусмотренный ст. 175 УК РФ.¹⁵⁷ Аналогично будет отсутствовать состав данного преступления, если посредник заранее обещал исполнителю первичного общественно опасного деяния приобрести имущество, добытое преступным путем. В таком случае содеянное образует пособничество в совершении соответствующего первичного преступления.¹⁵⁸

Посредничество в легализации имущества, добытого преступным путем (ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ), может обладать определенными отличиями. Они обуславливаются тем, что ст. 174 УК РФ установлена ответственность за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом, а ст. 174¹ УК РФ за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате

¹⁵⁷ Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учебно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 95.

¹⁵⁸ См.: Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 328.

совершения им преступления, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. Как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем», если лицом был заключен договор купли-продажи в целях легализации имущества, полученного им в результате преступления, и покупатель, осознавая указанное обстоятельство, приобрел это имущество для придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению им, то действия покупателя надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 174 УК РФ, а действия продавца – по соответствующей части ст. 174¹ УК РФ.¹⁵⁹

Следовательно, посредничество в данном преступлении может выражаться в оказании содействия обеим сторонам такой криминальной сделки. При этом нами обосновано, что применение в подобных ситуациях одновременно двух норм по совокупности неоправданно. В этой связи задачей правоприменителя является решение вопроса о квалификации действий посредника в этом случае.

Выбор одной из рассматриваемых норм представляется весьма затруднительным. Стоит подчеркнуть, что ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ в редакции Федерального закона от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ отличаются между собой лишь указанием на совершение данного деяния в отношении имущества, добытого самим лицом в результате совершения преступления либо иными лицами. При этом законодатель равным образом оценил уровень общественной опасности данных преступлений, что подтверждается сопоставительным анализом санкций норм их предусматривающих. В таких условиях считаем целесообразным объединить изучаемые уголовно-правовые запреты в рамках одной статьи

¹⁵⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» от 18 ноября 2004 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31).

Особенной части УК РФ. Наше предложение поддержано 67 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного исследования.

На основании изложенного целесообразно ст. 174¹ УК РФ исключить, а ст. 174 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 174. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

1. Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом ...» (далее в соответствии с текстом действующей редакции данной статьи).

В случае реализации сформулированного предложения, оно даст положительный эффект в части экономии объема нормативного материала, а в контексте проводимого нами исследования будет решена проблема квалификации посредничества в легализации имущества, добытого преступным путем.

Однако в условиях действующего законодательства правоприменитель вынужден использовать при квалификации посреднических действий одну из этих норм, учитывая, кому в большей степени способствовал посредник, в чьих интересах он преимущественно действовал.

В группе преступлений, связанных с оборотом запрещенных предметов, посредничество часто встречается в случаях совершения фальшивомонетничества. Особенностью уголовно-правовой нормы об ответственности за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ) является отсутствие запрета на приобретение таких предметов. В итоге, действия лица, которое приобрело поддельные деньги или ценные бумаги для дальнейшего их сбыта, квалифицируются как приготовление к сбыту по ч. 1 ст. 30, ст. 186 УК РФ.¹⁶⁰

¹⁶⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» от 28 апреля 1994 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 6. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7). См. также: Бессчасный С.А., Косарев А.В. Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг по уголовному

Следовательно, действия посредника в сделке купли-продажи поддельных денег надлежит квалифицировать либо как соучастие в сбыте, либо как соучастие в приготовлении к сбыту поддельных денег. При этом второе преступление является менее тяжким, что подтверждается правилами назначения наказания за неоконченное преступление (ст. 66 УК РФ). Поэтому, на наш взгляд, применению подлежит ч. 1 ст. 30, ст. 186 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Обоснованием такого решения могут служить положения ч. 3 ст. 49 Конституции РФ. Как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре», по смыслу закона в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д.¹⁶¹

Вместе с тем, вполне очевидно, что изложенное квалификационное решение не в достаточной мере отвечает принципу законности. Имеются основания утверждать, что устранение сложившейся проблемной ситуации возможно путем внесения в текст диспозиции ч. 1 ст. 186 УК РФ соответствующих изменений. Нами, в частности предлагается установить в рамках данной уголовно-правовой нормы прямой запрет на приобретение поддельных денег или ценных бумаг. С таким выводом согласились 56 % опрошенных респондентов.

При этом данное предложение следует распространить и на схожее по конструкции преступление, предусмотренное ст. 187 УК РФ (Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов).

Как и в случае с фальшивомонетничеством, в действующем российском уголовном законе не установлена ответственность за приобретение поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ).

законодательству Российской Федерации. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2003. С. 72-73.

¹⁶¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. № 11).

При этом уголовно наказуемым является использование обозначенных предметов (ч. 3 ст. 327 УК РФ). В этой связи в теории уголовного права ведутся дискуссии относительно квалификации посреднических действий при совершении данных преступлений. Так, Л.А. Букалерева утверждает, что «в случаях, когда документ сбывает не изготовитель подделки, деяние должно квалифицироваться как пособничество в его использовании (ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 327 УК)»¹⁶². Однако другие авторы придерживаются обратной точки зрения, считая, что «не имеет значения, кто сбывал поддельные документы: сам изготовитель подделки (подделыватель) либо другое лицо, неответственное за подделку»¹⁶³ и предлагают квалифицировать деяние в качестве сбыта.

Исследованные нами материалы правоприменительной практики демонстрируют, что, как правило, действия посредника в криминальных сделках с поддельными документами квалифицируются по признакам пособничества в сбыте. Например, приговором Ленинского районного суда г. Уфы В. признан виновным в пособничестве (в виде посредничества) в сбыте поддельного документа, предоставляющего права, то есть преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 327 УК РФ. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Д., имея умысел на сбыт поддельного диплома государственного образовательного учреждения, с целью извлечения материальной выгоды, по ранней договоренности сбыв В., который являлся посредником между ним и непосредственным заказчиком диплома К., поддельный государственный диплом ФГОУ СПО Уфимского автотранспортного колледжа на имя К. за 40000 рублей.

Подсудимый В. имея умысел на сбыт поддельного диплома государственного образовательного учреждения, с целью извлечения материальной выгоды, выступая в качестве пособника, по ранней договоренности с Д. приобрел у него поддельный государственный диплом ФГОУ СПО Уфимского автотранспортного колледжа на имя К. После чего В., продолжая свои

¹⁶² Букалерева Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / Под ред. д.ю.н., проф. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.И. Пикурова. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. С. 251.

¹⁶³ Сабитов Р.А., Сабитова Е.Ю. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершенных с документами: Монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 328.

преступные действия сбыл вышеуказанный диплом непосредственно заказчику К. за 45000 рублей.¹⁶⁴

Как видно, в этом случае все признаки посредничества налицо. Виновный содействовал сторонам криминальной сделки посредством помощи в достижении и реализации договоренностей по сбыту-приобретению поддельного документа. Между тем, в условиях существующего законодательного регулирования действия посредника в данном случае могут быть квалифицированы только как соучастие в сбыте. По нашему мнению, квалификация действий посредника по признакам соучастия в использовании поддельного документа в данном случае не обоснована.

Таким образом, аргументы в части необходимости установления уголовно-правового запрета на приобретение запрещенных к обороту предметов, предложенные нами применительно к фальшивомонетничеству, в равной степени относятся и к составу подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ), а также к иным преступлениям, состоящим в криминальных сделках с предметами, запрещенными или ограниченными в гражданском обороте.

Одними из наиболее распространенных преступлений, связанных с криминальными сделками, являются общественно опасные деяния, состоящие в незаконном обороте наркотиков. И если в ст. 186 УК РФ не установлена ответственность за сбыт запрещенных предметов, то уголовно-правовые запреты на приобретение и сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов разведены в разные статьи уголовного закона. Так, ответственность за приобретение названных предметов без цели сбыта образует состав преступления, регламентированный ст. 228 УК РФ. Незаконный сбыт наркотиков влечет уголовную ответственность по ст. 228¹ УК РФ.

При этом криминальные сделки, предметом которых выступают наркотики, зачастую осуществляются с помощью посредников. Последний в этих преступлениях оказывает содействие в достижении и реализации договоренности

¹⁶⁴ Архив Ленинского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № № 1- 170/2009.

о купле-продаже наркотиков между лицами, сбывающими и приобретающими данные предметы. Нередко посредник за деньги приобретателя покупает у сбытчика наркотики и передает их приобретателю. И вновь складывается ситуация, при которой фактически одно деяние подпадает под признаки преступлений, закрепленных двумя статьями Особенной части УК РФ.

Р.Д. Шарапов по этому вопросу утверждает, что не может рассматриваться как незаконный сбыт наркотиков или психотропных веществ передача их одним лицом другому, по просьбе и за деньги которого они приобретались первым. В этой ситуации оба субъекта признаются соисполнителями незаконного приобретения наркотических средств или психотропных веществ.¹⁶⁵ Однако, на наш взгляд, такое разъяснение является не достаточно аргументированным. Ведь, посредник оказывает содействие обеим сторонам криминальной сделки. При этом предложенная рекомендация не содержит ответа на вопрос об отсутствии правовой оценки факту передачи наркотиков от посредника приобретателю.

Во многом описанная ситуация осложняется тем, что ст. 228 УК РФ установлена ответственность за приобретение наркотиков без цели сбыта. То есть, прежде всего, возникает вопрос о квалификации действий лица по приобретению наркотиков в целях их последующего сбыта. Условно подобное лицо можно именовать перекупщиком, поскольку оно не выступает посредником ввиду отсутствия в момент приобретения запрещенного предмета второй стороны сделки и действий от своего имени и за свой счет. В силу разъяснений высшей судебной инстанции РФ, такие действия подлежат квалификации как приготовление к сбыту наркотиков.

Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», действия посредника в сбыте или приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или

¹⁶⁵ Шарапов Р.Д. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: Научно-практическое пособие. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2002. С. 10.

психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, следует квалифицировать как соучастие в сбыте или в приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества в зависимости от того, в чьих интересах (сбытчика или приобретателя) действует посредник.¹⁶⁶

Однако анализ материалов следственно-судебной практики демонстрирует, что правоприменитель нередко испытывает довольно серьезные затруднения в ходе уголовно-правовой оценки подобных ситуаций. Как выше нами замечалось, причиной тому служит факт того, что посредник может действовать в интересах обеих сторон криминальной сделки. Например, Приговором Салаватского городского суда Республики Башкортостан Г. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹, ч. 2 ст. 228 УК РФ. Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан изменил приговор по следующим основаниям. По смыслу уголовного закона действия посредника в сбыте или приобретении наркотических средств, следует квалифицировать как соучастие в сбыте или в приобретении наркотических средств, в зависимости от того, в чьих интересах (сбытчика или приобретателя) действует посредник. Так, если посредник приобретает наркотическое средство по просьбе и за деньги приобретателя этого средства и передает ему данное средство, то такое лицо является пособником в приобретении. В таком случае его действия необходимо квалифицировать по ч. 5 ст. 33 и соответствующей части ст. 228 УК РФ.

Предварительная договоренность об оказании помощи в приобретении наркотического средства была у Г. не со сбытчиком, а с приобретателем наркотического средства. Умыслом Г. охватывалось оказание помощи

¹⁶⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31).

покупателю в приобретении наркотического средства, а не сбытчику наркотических средств в их сбыте.

Об этом также свидетельствует отсутствие у Г. наркотического средства, предназначенного для сбыта (продажи, передачи) Г.А.З., которому он сообщил, что договорился о приобретении наркотического средства для него. Факт поиска лица, у которого можно было бы приобрести наркотическое средство, свидетельствует о том, что до обращения к нему Г.А.З. он не имел достоверной информации, кто поможет приобрести наркотическое средство и как следует из его показаний, обращался к различным лицам, которые и предоставили информацию о сбытчике наркотического средства.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан переквалифицировал действия Г. с ч. 3 ст. 30 п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ и ч. 2 ст. 228 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ.¹⁶⁷

Тем не менее, на наш взгляд, даже в изложенном примере можно лишь говорить о том, что посредник действовал в большей степени в интересах приобретателя. Опровергнуть тезис о том, что в этом случае посредник оказал помощь и сбытчику практически невозможно.¹⁶⁸

Г., участвующая на основании Федерального закона РФ «Об оперативно – розыскной деятельности» в качестве покупателя наркотических средств, посредством телефонной связи договорилась с Ч. о приобретении через последнего наркотического средства – каннабис (марихуана) на сумму 1200 рублей. Ч., дав свое согласие, назначил Г. время и место встречи, после чего Ч., получив от Г. денежные средства в размере 1200 рублей, имея корыстные побуждения, пошел на встречу с А., с которым у Ч. имелась договоренность о приобретении наркотического средства – каннабис (марихуана).

А., реализуя самостоятельно сформировавшийся независимо от действия сотрудников оперативных подразделений преступный умысел, продал, то есть

¹⁶⁷ Обзор надзорной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан за октябрь 2012 года. Дело № 44у-730/2012 года.

¹⁶⁸ Сунгатуллин А.Ю. Посредничество в совершении преступления: вопросы уголовно – правовой теории и практики: монография/ А.Ю. Сунгатуллин – Уфа РИЦ БашГУ 2016. С.92.

незаконно сбыл Ч., передав из рук в руки за полученные от последнего денежные средства в сумме 1200 рублей, принадлежащие Г., а Ч. незаконно получив из рук в руки от А. приобрел наркотическое вещество – каннабис (марихуану), массой 9,47 грамм.

В тот же день Ч., часть наркотического средства – каннабис (марихуана) массой 1,43 грамма, приобретенного у А., отсыпал для личного употребления. Оставшуюся часть незаконно приобретенного у А. наркотического средства каннабис (марихуана), массой 8,04 грамм, Ч., действуя по просьбе и в интересах покупателя Г., из рук в руки передал последней.¹⁶⁹

Подчеркнем, что если в предыдущем примере суд для исключения квалификации действий посредника по норме об ответственности за сбыт наркотиков специально указал на отсутствие у посредника информации о сбытчике и договоренностей с ним, то в последнем деле такая договоренность имела место.¹⁷⁰

В то же время, как следует из вышеприведенного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, квалифицировать действия посредника и как соучастие в сбыте, и как соучастие в приобретении наркотиков, недопустимо.

В этой связи отчетливо проявляет себе необходимость совершенствования уголовного законодательства в части установления более четких оснований для уголовной ответственности посредника в криминальных сделках по обороту наркотиков. Проблема квалификации действий посредника в исследуемых преступлениях могла бы быть устранена в случае, если приобретение и сбыт запрещенных предметов являлись альтернативными действиями, влекущими уголовную ответственность в рамках одной нормы закона. Однако, невозможность объединения запретов на сбыт и приобретение наркотиков в

¹⁶⁹ Архив Ленинского районного суда г. Уфы. Постановление о применении принудительных мер медицинского характера в отношении Арсланова от 21 мая 2010 г.

рамках одной статьи Особенной части УК РФ обусловлена различием в уровне общественной опасности таких преступлений.¹⁷¹

Результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что оптимальным путем для преодоления имеющихся проблемных ситуаций является введение в УК РФ самостоятельной уголовно-правовой нормы об ответственности за посредничество в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Аналогичное нововведение целесообразно и для посредничества в незаконном обороте прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ. Данное предложение нашло поддержку 71 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Уголовно-правовую норму об ответственности за посредничество в совершении указанных преступлений предлагается изложить следующим образом:

«Статья 228⁵. Посредничество в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ

1. Посредничество в незаконных приобретении или сбыте наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих

¹⁷¹Сунгатуллин А.Ю. Посредничество в совершении преступления: вопросы уголовно – правовой теории и практики : монография / А.Ю. Сунгатуллин – Уфа РИЦ БашГУ 2016. С.94.

наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, -

наказываются ...».

Анализ правоприменительной практики по делам о преступлениях, связанных с получением-дачей незаконных вознаграждений, показывает, что особенности квалификации посредничества в данных преступлениях имеют общие характеристики с посредничеством во взяточничестве. При этом, безусловно, проблемные аспекты predeterminedены, прежде всего, фактом отсутствия специальных уголовно-правовых норм об ответственности за посредничество в подкупе.

В нормах, где ответственность сторон подкупа не дифференцирована либо установлена только для одной из сторон (например, п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 309 УК РФ), сложностей при квалификации действий посредника, как правило, не возникает. Например, посредничество в подкупе свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода, подлежит квалификации как соучастие в подкупе, то есть по ч. 1 ст. 309 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

В то же время, в ситуациях различной уголовно-правовой оценки деяний подкупаемого и подкупающего возникают все те же затруднения, как и в случаях посредничества в иных криминальных сделках.

Результаты рассмотрения материалов уголовных дел о преступлениях, связанных с получением-дачей незаконных вознаграждений с дифференцированными основаниями ответственности сторон подкупа (ст.ст. 183, 184, 204 УК РФ) свидетельствуют о том, что органами следствия и суда действия посредников при совершении этих преступлений квалифицируются в зависимости от того, на чьей стороне, в чьих интересах в большей степени он действовал.

Вместе с тем, в данном случае вновь наблюдается вынужденное искусственное применение более подходящих норм уголовного закона, которыми в полной мере не охватываются общественно опасные действия виновного. Не случайно в теории уголовного права высказываются предложения о необходимости установления ответственности за посредничество в коммерческом подкупе в рамках самостоятельной нормы уголовного закона.¹⁷²

При этом в контексте проводимого нами исследования представляется возможным утверждать, что данное предложение заслуживает своего распространения и на все иные установленные законом случаи наступления дифференцированной ответственности для сторон криминальной сделки в виде подкупа.

Таким образом, имеются основания утверждать, что уголовно-правовые нормы об ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ), а также за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) нуждаются в дополнении отдельными предписаниями об ответственности за посредничество в совершении данных преступлений.

На основании изложенного необходимо сделать следующие основные выводы по результатам рассмотрения вопросов квалификации посредничества в криминальных сделках:

1) действия посредника в купле-продаже или иных сделках с человеком квалифицируются как получение-передача человека в целях его эксплуатации. При неустановлении данной цели содеянное посредником квалифицируется в качестве соучастия в купле-продаже или иных сделках с человеком в виде организации, подстрекательства либо пособничества со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Деяние лица, приобретающего человека в

¹⁷² См., например: Тумаркина Л.П. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10; Шальгина Е.С. Коммерческий подкуп: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 10; Семенов Д.А. Уголовно-правовая оценка подкупа: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 12 и др.

целях его дальнейшей перепродажи и действующего от своего имени и за свой счет (условно – перекупщика) не образует посредничества в совершении преступления и влечет уголовную ответственность как исполнительство преступления, предусмотренного ст. 127¹ УК РФ.

Обоснована целесообразность изложения диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ в следующей редакции: «Купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а также посредничество в их совершении, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение».

2) для привлечения к уголовной ответственности посредника в криминальных сделках с имуществом преступного происхождения требуется установить, что посредник осознавал факт содействия в достижении и реализации договоренности между двумя и более лицами о сделке с имуществом, добытым в результате совершения преступления. Данное знание может быть основано как на приговоре суда, так и на сведениях, с достаточной достоверностью свидетельствующих о преступном происхождении имущества. Этот вывод в полной мере распространяется и на случаи посредничества в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174¹ и 175 УК РФ;

3) действия посредника в совершении преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, следует квалифицировать как соучастие в данном общественно опасном деянии со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. При этом, если лицо не выполняло функции посредника, а выступало самостоятельным звеном в цепи сделок с имуществом, заведомо добытым преступным путем, то есть действовало в своих интересах и за свой счет, содеянное им подлежит квалификации как исполнительство преступления, закрепленного ст. 175 УК РФ;

4) в условиях действующего законодательства, при квалификации посреднических действий в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ, правоприменитель вынужден использовать одну из этих норм, учитывая, кому в большей степени способствовал посредник, в чьих интересах он преимущественно действовал. При этом в формуле квалификации делается ссылка на соответствующую часть ст. 33 УК РФ;

5) доказана целесообразность объединения уголовно-правовых запретов на легализацию имущества, добытого преступным путем, (ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ) в рамках одной статьи Особенной части УК РФ. Предлагается ст. 174¹ УК РФ исключить, а ст. 174 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 174. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

1. Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом ...» (далее в соответствии с текстом действующей редакции данной статьи);

б) обоснована необходимость установления прямых уголовно-правовых запретов на приобретение предметов, запрещенных или ограниченных в гражданском обороте, в рамках норм об ответственности за их незаконный оборот (ст.ст. 186, 187, 327 УК РФ и т.д.);

7) аргументировано, что оптимальным путем для преодоления имеющихся проблемных ситуаций в части квалификации посреднических действий является введение в УК РФ самостоятельной уголовно-правовой нормы об ответственности за посредничество в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и т.п. предметов. Данную норму предлагается изложить следующим образом:

«Статья 228⁵. Посредничество в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ

1. Посредничество в незаконных приобретении или сбыте наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений, содержащих

наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, -

наказываются ...».

Аналогичным образом уголовно-правовые нормы об ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ), а также за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) нуждаются в дополнении отдельными предписаниями об ответственности за посредничество в совершении данных преступлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследованию вопросов уголовно-правовой борьбы с посредничеством в совершении преступления, необходимо сделать следующие основные выводы.

1. Ретроспективный анализ российского уголовного законодательства об ответственности за посредничество в совершении преступления позволил утверждать, что наказуемость посреднических действий была установлена уже в первых законах периода образования и укрепления Русского централизованного государства (Судебники 1497 и 1550 гг.). Проявлялось такое посредничество в содействии взяточничеству либо вымогательству взятки. Последующее развитие института посредничества в совершении преступления заключалось лишь в увеличении запретов на отдельные проявления посреднических действий. В то время как общего понятия посредничества проанализированные законы не содержали.

Наибольшего развития институт посредничества в преступлении достиг в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. С учетом специальных запретов на совершение посреднических действий, посредничество в преступлении по Уложению являлось собирательным понятием и, наряду с содействием в достижении либо реализации соглашения между сторонами, могло выражаться в подстрекательстве к совершению преступления (сводничество, дуэль), так и в его укрывательстве (заранее не обещанное приобретение либо сбыт похищенного имущества). Вместе с тем, уголовному законодательству становятся известны случаи наказуемости самого факта содействия достижению либо реализации соглашения, в то время как действия сторон, участвующих в такой сделке, не подлежали уголовно-правовой оценке (организация азартных игр).

2. Исследование посредничества в преступлении по уголовному законодательству России в XX веке показало, что законодатель, начиная от Уголовного уложения 1903 г. и до УК РСФСР 1960 г., также не давал

нормативного определения действий посредника в преступлении, традиционно относя их к отдельным проявлениям пособничества.

Самостоятельная ответственность за посредничество была предусмотрена лишь в случаях, специально оговоренных Особенными частями проанализированных уголовных законов. К традиционно наказуемым видам посредничества в преступлении относились: посредничество во взяточничестве, сводничество и содержание притонов, а также, заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. С учетом диспозиций указанных норм, разъяснений судебных органов и мнений специалистов, посредничество в преступлении подлежало ограничительному толкованию и выражалось в содействии достижению соглашения между сторонами сделки и в содействии реализации соглашения сторон путем передачи предмета договора, осуществляемое по их поручению либо просьбе.

3. Аргументировано и сформулировано определение посредничества в уголовном праве как содействия достижению и реализации договоренности между двумя и более лицами о совершении преступления. При этом обоснована необходимость дополнения ч. 1 ст. 33, а также чч. 3 и 4 ст. 34 УК РФ указанием на посредника и включения в ст. 33 УК РФ новой части 6, где следует изложить разработанное определение посредника в совершении преступления.

4. Система уголовно-правовых норм об ответственности за посредничество в совершении преступления представлена тремя группами:

1) преступления, связанные с получением-дачей незаконных вознаграждений (п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст.ст. 183, 184, 204, 291¹, ч. 1 ст. 309 УК РФ);

2) общественно опасные деяния, связанные с незаконным оборотом определенных предметов (ст. 138¹, ч. 2 ст. 146, ст.ст. 175, 222, 228 УК РФ и т.д.). Данные преступления могут быть классифицированы в зависимости от свойств предмета преступления на две подгруппы. Первую подгруппу образуют общественно опасные деяния с предметами, свободный оборот которых запрещен действующим законодательством (оборот оружия, наркотиков и т.п.). Вторую

подгруппу составляют преступления, связанные с оборотом предметов, которые сами по себе являются легальными, но в силу незаконных источников их получения оборот данных предметов становится криминальным (ст.ст. 174, 174¹, 175 УК РФ);

3) торговля людьми (ст. 127¹ УК РФ) и преступления, совершаемые по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «г» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РФ и т.д.).

5. В ходе исследования системы уголовно-правовых норм об ответственности за посредничество в совершении преступления: а) аргументирована необходимость замены в ст. 204 УК РФ термина «передача» признаком «дача», что в большей степени согласуется с иными нормами о подкупе; б) доказана целесообразность в ч. 1 ст. 184 УК РФ признак «подкуп» заменить словосочетанием «незаконная дача», поскольку в действующем российском уголовном законе признак «подкуп» используется как обобщающее понятие.

6. Результаты уголовно-правового исследования посредничества во взяточничестве обусловили необходимость формулирования следующих основных выводов:

1) действия посредника во взяточничестве, совмещавшего функции подстрекателя или пособника, подлежат квалификации только как посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ). Действия посредника, выступившего одновременно организатором взяточничества, не ограничивающиеся организационными вопросами передачи взятки, могут быть с учетом обстоятельств конкретного дела квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 291¹ и ч. 3 ст. 33, ст. 290 (291) УК РФ;

2) при решении вопроса об отграничении посредничества во взяточничестве от дачи взятки следует исходить не только из того, что посредник передает имущество (услуги имущественного характера) ему не принадлежащее. Необходимо учитывать, что посредник действует в интересах сторон взяточничества, осознавая этот факт и стремясь оказать содействие достижению и

реализации преступной договоренности между ними. Действия же лица, дающего взятку, мотивированы собственными интересами;

3) признак значительного размера взятки относится лишь к посредничеству в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Непосредственная передача взятки отличается повышенной общественной опасностью, поэтому и не требует указанного значительного размера. В свою очередь иное способствование предполагает, как правило, менее общественно опасные действия, вследствие чего для признания их криминальными необходимо устанавливать значительный размер;

4) в целях усиления ответственности за коррупционные преступления следует исключить криминообразующий порог размера взятки при посредничестве в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки;

5) посредничество во взяточничестве, независимо от формы его совершения, является оконченным преступлением с момента получения должностным лицом взятки;

6) обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291¹ УК РФ) является самостоятельным составом преступления;

7) обещание посредничества во взяточничестве необходимо понимать как добровольное обязательство лица выступить в роли посредника в данном преступлении. Предложение посредничества во взяточничестве подразумевает выражение виновным инициативы оказать посреднические услуги во взяточничестве;

8) по своей правовой природе преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, близко приготовлению к преступлению в виде приискания соучастников преступления, сговора на совершение преступления либо иного умышленного создания условий для совершения преступления. При этом, в отличие от приготовления к посредничеству во взяточничестве, преступление, состоящее в

обещании или предложении посредничества во взяточничестве, считается оконченным с момента выражения адресату соответствующих обязательств или инициатив;

9) доказана целесообразность изменения формулировки первого абзаца п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». По нашему мнению, данное разъяснение необходимо изложить в следующей редакции:

«Обещание или предложение получения либо дачи незаконного вознаграждения, выраженные взяткодателем или взяткополучателем (сторонами коммерческого подкупа), за совершение действий (бездействия) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение дать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами»;

10) для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, размер предполагаемой взятки значения не имеет;

11) аргументирована целесообразность и необходимость исключения ч. 5 из ст. 291¹ УК РФ.

7. По результатам рассмотрения вопросов квалификации посредничества в криминальных сделках разработаны и обоснованы следующие положения:

1) действия посредника в купле-продаже или иных сделках с человеком квалифицируются как получение-передача человека в целях его эксплуатации. При неустановлении данной цели содеянное посредником квалифицируется в качестве соучастия в купле-продаже или иных сделках с человеком в виде организации, подстрекательства либо пособничества со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Деяние лица, приобретающего человека в целях его дальнейшей перепродажи и действующего от своего имени и за свой счет (условно – перекупщика) не образует посредничества в совершении

преступления и влечет уголовную ответственность как исполнительство преступления, предусмотренного ст. 127¹ УК РФ.

Обоснована целесообразность изложения диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ в следующей редакции: «Купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а также посредничество в их совершении, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение»;

2) для привлечения к уголовной ответственности посредника в криминальных сделках с имуществом преступного происхождения требуется установить, что посредник осознавал факт содействия в достижении и реализации договоренности между двумя и более лицами о сделке с имуществом, добытым в результате совершения преступления. Данное знание может быть основано как на приговоре суда, так и на сведениях, с достаточной достоверностью свидетельствующих о преступном происхождении имущества. Этот вывод в полной мере распространяется и на случаи посредничества в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174¹ и 175 УК РФ;

3) действия посредника в совершении преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, следует квалифицировать как соучастие в данном общественно опасном деянии со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. При этом, если лицо не выполняло функции посредника, а выступало самостоятельным звеном в цепи сделок с имуществом, заведомо добытым преступным путем, то есть действовало в своих интересах и за свой счет, содеянное им подлежит квалификации как исполнительство преступления, закрепленного ст. 175 УК РФ;

4) в условиях действующего законодательства, при квалификации посреднических действий в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ, правоприменитель вынужден использовать одну из этих норм, учитывая, кому в большей степени способствовал посредник, в чьих интересах он преимущественно действовал. При этом в формуле квалификации делается ссылка на соответствующую часть ст. 33 УК РФ;

5) доказана целесообразность объединения уголовно-правовых запретов на легализацию имущества, добытого преступным путем, (ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ)

в рамках одной статьи Особенной части УК РФ. Предлагается ст. 174¹ УК РФ исключить, а ст. 174 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 174. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

1. Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом ...» (далее в соответствии с текстом действующей редакции данной статьи);

б) обоснована необходимость установления прямых уголовно-правовых запретов на приобретение предметов, запрещенных или ограниченных в гражданском обороте, в рамках норм об ответственности за их незаконный оборот (ст.ст. 186, 187, 327 УК РФ и т.д.);

7) аргументировано, что оптимальным путем для преодоления имеющихся проблемных ситуаций в части квалификации посреднических действий является введение в УК РФ самостоятельной уголовно-правовой нормы об ответственности за посредничество в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и т.п. предметов. Данную норму предлагается изложить следующим образом:

«Статья 228⁵. Посредничество в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ

1. Посредничество в незаконных приобретении или сбыте наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических

средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, -

наказываются ...».

Аналогичным образом уголовно-правовые нормы об ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ), а также за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) нуждаются в дополнении отдельными предписаниями об ответственности за посредничество в совершении данных преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы**

1. Конституция РФ // Собрание законодательства РФ. – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Уголовный кодекс РФ / Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/index.html> (дата обращения 20.04.2016).
3. Гражданский кодекс РФ / Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/index.html> (дата обращения 20.04.2016).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения 20.04.2016).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 4. – С. 2-7.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 5. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных

средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» от 18 ноября 2004 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 1. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» от 28 апреля 1994 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 6. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7. (в посл. ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. № 11).

11. Информация Минтруда России «Обзор рекомендаций по осуществлению комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки» от 4 марта 2013 г. // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

12. Определение Верховного Суда РФ от 1 октября 2008 г. № 81-О08-65 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

13. Обзор надзорной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан за октябрь 2012 года. Дело № 44у-730/2012 года.

14. Архив Октябрьского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-306/2011.

15. Архив Ленинского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-291/11.

16. Архив Ленинского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-344/10.

17. Архив Ленинского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № № 1-170/2009.

18. Архив Ленинского районного суда г. Уфы. Постановление о применении принудительных мер медицинского характера в отношении Арсланова от 21 мая 2010 г.

19. Архив Астраханского областного суда за 2010 г. Уголовное дело № 22-3118 /10.

II. Монографии, научные статьи, учебники и иная учебная литература

20. Азарян, Е.Р. Преступление. Наказание. Правопорядок / Е.Р. Азарян. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 229 с.

21. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник / З.Е. Александрова. – М., 1989. – 569 с.

22. Алехин, В.П. Соучастие в террористической деятельности / В.П. Алехин. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. – 208 с.

23. Алиев, В.М. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / В.М. Алиев, Л.И. Третьяков // Российский следователь. – 2002. – № 8. – С. 34.

24. Андриенко, В.А. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / В.А. Андриенко, И.П. Лесниченко, Ю.Е. Пудовочкин, П.В. Разумов; под науч. ред. Ю.Е. Пудовочкина, с предисловием д.ю.н., проф., Заслуж. деятеля науки РФ М.М. Бабаева. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 384 с.

25. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.

26. Бажанов, М.И. Уголовная ответственность за преступления против личности / М.И. Бажанов. – Киев, 1977. – 43 с.

27. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев-СПб.-Харьков, 1903. – 620 с.

28. Бессчастный, С.А. Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг по уголовному законодательству Российской Федерации / С.А. Бессчастный, А.В. Косарев. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2003. – 112 с.

29. Благов, Е.В. Применение уголовного права (теория и практика) / Е.В. Благов. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 505 с.

30. Борзенков, Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: Учебно-практическое пособие / Г.Н. Борзенков. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. – 256 с.
31. Борков, В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В. Борков // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 13.
32. Босхолов, С.С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С.С. Босхолов. – Изд. 2-е, перераб. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. – 303 с.
33. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. – М., 1967. – 123 с.
34. Бриллиантов, А.В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия / А.В. Бриллиантов, Н.Р. Косевич. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 560 с.
35. Букалерева, Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / Л.А. Букалерева / Под ред. д.ю.н., проф. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.И. Пикурова. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 360 с.
36. Векленко, С.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления: учебное пособие / Бавсун М.В., Векленко С.В. – Омск: Омская академия МВД России, 2006. – 103 с.
37. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов на Дону, 1995. – 640 с.
38. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б.В. Волженкин. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 765 с.
39. Волков, В.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / В.В. Волков. – Изд. 1885 г. и по прод. 1912 г. – СПб, 1914. – 1464 с.
40. Галищук, О. Заведомо, значит преступно / О. Галищук // Законность. – 2008. – № 11. – С. 35.

41. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 448 с.
42. Гилязев, Ф.Г. Социально-психологические и уголовно-правовые аспекты вины / Ф.Г. Гилязев. – Уфа, 1979. – 182 с.
43. Горелик, А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм / А.С. Горелик. – Красноярск, 1998. – 106 с.
44. Громов, Н.А. Законы уголовные / Н.А. Громов. – Изд. 3-е, перераб. и допол. – СПб., 1913. – 1184 с.
45. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. В 4 т. – М.: Рус. яз., 2002. Т. 1: А-З. 2002. - 699 с.
46. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М., 1955. – 211 с.
47. Дурманов, Н.Д. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения / Н.Д. Дурманов. – М., 1962. – 62 с.
48. Есаков, Г.А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев; Отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2010. – 576 с.
49. Есипов, В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые / В.В. Есипов. – Варшава, 1894. – 420 с.
50. Жариков, Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации / Ю.С. Жариков. – М.: ИД «Юриспруденция», 2009. – 216 с.
51. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / Науч. ред. А.И. Ахани. Предисловие заместителя Председателя Государственной Думы РФ Ю.Н. Волкова. Перевод с персидского М.С. Пелевина. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 343 с.
52. Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита магистра права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 412 с.

53. Звечаровский, И.Э. Ответственность в уголовном праве / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 100 с.
54. Звечаровский, И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 100 с.
55. Здравомыслов, Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б.В. Здравомыслов. – М., 1975. – 175 с.
56. Злобин, Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1972. – 264 с.
57. Кадников, Н.Г. Категории преступлений и проблемы уголовной ответственности: учебное пособие / Н.Г. Кадников. – М.: Книжный мир, 2005. – 83 с.
58. Кадников, Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: учебное пособие / Н.Г. Кадников. – М., 2003. – 101 с.
59. Калмыков, П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая и Особенная / П.Д. Калмыков. – СПб., 1866. – 535 с.
60. Калмыков, П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая / П.Д. Калмыков – СПб.: Изд. А. Любавским, 1866. – 360 с.
61. Капинус, О.С. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяточника от ответственности / О.С. Капинус // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 23.
62. Карпушин, М.П. Уголовная ответственность и состав преступления / М.П. Карпушин, В.И. Курляндский. – М., 1974. – 286 с.
63. Ковалев, М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления / М.И. Ковалев. – Красноярск, 1991. – 176 с.
64. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении. Часть первая. Понятие соучастия / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1960. – 287 с.
65. Козлов, А.П. Учение о стадиях преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 353 с.

66. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – 1392 с.
67. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. д.ю.н., проф. А.В. Наумов. – М.: Юристъ, 1996. – 824 с.
68. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 888 с.
69. Корнеева, А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / А.В. Корнеева; под ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 176 с.
70. Коробеев, А.И. Криминализация и декриминализация деяний как суть уголовно-правовой политики / А.И. Коробеев // Весь мир живет до тех пор, пока живет память человека / Под общ. ред. В.С. Комиссарова. – М., 2006. – С. 117.
71. Коробеев, А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: Монография / А.И. Коробеев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 320 с.
72. Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А.В. Коробеев. – Владивосток, 1987. – 268 с.
73. Коростылев, О.И. Квалификация преступлений: учебно-практическое пособие / О.И. Коростылев. – Ставрополь: Сервисшкола, 2006. – 84 с.
74. Кострова, М. Грамматическое или языковое толкование уголовного закона / М. Кострова // Законность. – 2002. – № 3. – С. 38.
75. Кругликов, Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / А.В. Васильевский, Л.Л. Кругликов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 300 с.
76. Кругликов, Л.Л. Унификация в уголовном праве / Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 312 с.
77. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 944 с.
78. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2006. – 304 с.

79. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – М., 1960. – 244 с.
80. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова; науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 336 с.
81. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений / Б.А. Куринов. – М.: МГУ, 1976. – 182 с.
82. Куровская, Л.Н. Противодействие легализации преступных доходов уголовно-правовыми мерами / Л.Н. Куровская. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 144 с.
83. Курс уголовного права: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – Т. 3. – 470 с.
84. Курс уголовного права: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – Т. 5. – 512 с.
85. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 339 с.
86. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. – СПб.: Издание Журнала Мин-ва Юстиции,, 1867. – 662 с.
87. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. – Изд. 2-е, испр. и допол., сведенные с кассационными решениями. – СПб., 1871. – 710 с.
88. Ляпунов, Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. Учебное пособие / Ю.И. Ляпунов. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 119 с.
89. Маргулиес, М.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / М.С. Маргулиес. – СПб., 1904. – 488 с.
90. Минаков, Г.Л. Усиление борьбы с коррупцией: уголовно-правовой аспект / Г.Л. Минаков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 4. – С. 134.

91. Морозов, Г.Б. Экономические преступления в России: сфера осуществления и реалии применения норм уголовного закона / Г.Б. Морозов // Российский юридический журнал. – 2002. – № 1. – С. 80.

92. Назаренко, Г.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 152 с.

93. Неклюдов, Н. Руководство для мировых судей. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями / Н. Неклюдов. Т. 2. – СПб., 1868. – 781 с.

94. Никонов, П.В. К вопросу о некоторых проблемах уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) / П.В. Никонов // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 2 (57). – С. 113.

95. Ображиев, К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права: Монография / К.В. Ображиев. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 216 с.

96. Оганян, Р.Э. Преступления против жизни и здоровья. Квалификация в правоприменительной деятельности / А.Г. Кибальник, Р.Э. Оганян, И.Г. Соломоненко. – М., 2002. – 178 с.

97. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов: под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – 640 с.

98. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам: Сборник определений и постановлений / [сост. В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, А.С. Харламов]; под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2007. – 752 с.

99. Павлов, В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность / В.Г. Павлов. – СПб.: Издательство «Лань», Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 192 с.

100. Платонов, И.В. Уголовное право. Популярные лекции для самообразования / И.В. Платонов. – СПб., 1903. – 160 с.

101. Познышев, С.В. Особенная часть русского уголовного права / С.В. Познышев. – М., 1909. – 517 с.

102. Противодействие торговле людьми и использованию рабского труда: научно-практическое пособие / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Т.В. Пинкевич. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2008. – 304 с.
103. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю.Е. Пудовочкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 280 с.
104. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 248 с.
105. Пушкин, А.В. Понятие и признаки соучастия: Учеб. пособие / Ю.А. Дидатов, А.В. Пушкин. – М., 1998. – 77 с.
106. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. Пособие / А.И. Рарог. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 224 с.
107. Рарог, А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А.И. Рарог. – М., 2001. – 134 с.
108. Розовская, Т.И. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: вопросы правоприменения / Д.В. Пешков, Т.И. Розовская // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 3 (22). – С. 94-97.
109. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.
110. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.
111. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юридическая литература, 1985. – 512 с.
112. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.ю.н., проф. Э.Ф. Побегайло. – М.: Илекса, 2008. – 752 с.
113. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комисарова. – СПб., 2005. – 423 с.

114. Русская правда. Краткая редакция. Текст по Академическому списку. Перевод Б.Б. Кафенгауза // Хрестоматия по истории государства и права России / Составитель Ю.П. Титов. – М.: ООО «ТК Велби», 2002. – 472 с.
115. Русская правда. Пространная редакция. Текст по Троицкому списку. Перевод В.Н. Сторожева // Хрестоматия по истории государства и права России / Составитель Ю.П. Титов. – М.: ООО «ТК Велби», 2002. – 472 с.
116. Сабитов, Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: Учебное пособие / Р.А. Сабитов. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД РФ, 2005. – 158 с.
117. Сабитов, Р.А. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершенных с документами: Монография / Р.А. Сабитов, Е.Ю. Сабитова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 344 с.
118. Савельева, В.С. Основы квалификации преступлений: учеб. пособие / В.С. Савельева. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 80 с.
119. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1977. Ч. 2. – М.: Изд-во «Изв. Советов Народ. депутатов СССР», 1978. – 527 с.
120. Семернева, Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие / Н.К. Семернева. – М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – 296 с.
121. Скляр, С.В. Вина и мотивы преступного поведения / С.В. Скляр. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 326 с.
122. Советское уголовное право: Учебник. Часть Особенная / под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова, Б.В. Здравомыслова. – М.: Юрид. Лит., 1979. – 584 с.
123. Советское уголовное право: Часть Особенная. Учеб. пособие / Под ред. Е.А. Смирнова и А.Ш. Якупова. – Киев: НИ и РИО КВШ МВД СССР, 1975. – 344 с.
124. Советское уголовное право: Часть Особенная. Учебник / Под ред. М.И. Ковалева. – М.: Юрид. лит., 1983. – 480 с.

125. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. – М.: Илекса, 2007. – 1040 с.
126. Спасович, В. Учебник уголовного права / В. Спасович. – СПб., 1863. – 428 с.
127. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / сост. С.В. Бородин, И.Н. Иванова; под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. С.В. Бородин. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2010. – 1253 с.
128. Судебники XV-XVI вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 619 с.
129. Сулейманов, Т.А. Механизм и формы реализации норм уголовного права: монография. / А.Н. Павлухин, Т.А. Сулейманов, Н.Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – 288 с.
130. Сунгатуллин, А.Ю. Система уголовно-правовых норм о посредничестве в совершении преступления / А.Ю. Сунгатуллин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 4 (15). – С. 77 – 83 (0,5 п.л.).
131. Сунгатуллин, А.Ю. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных / А.Ю. Сунгатуллин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 3 (23). – С. 78 – 81 (0,3 п.л.).
132. Сунгатуллин, А.Ю. Понятие посредничества в уголовном праве / А.Ю. Сунгатуллин // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 317 – 322 (0,6 п.л.).
133. Сунгатуллин, А.Ю. Посредничество в совершении преступления: вопросы уголовно-правовой теории и практики: монография / А.Ю. Сунгатуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – 108 с. (4,9 п.л.).
134. Сунгатуллин, А.Ю. Квалификация посредничества в криминальных сделках / А.Ю. Сунгатуллин // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. Научные труды кафедры уголовного права. Вып. 4 / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: РАП, 2014. – С. 153 – 164 (0,5 п.л.)
135. Сунгатуллин, А.Ю. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: актуальные аспекты уголовно-правовой характеристики / А.Ю.

Сунгатуллин // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 3. – С. 48 – 52 (0,4 п.л.).

136. Сунгатуллин, А.Ю. Посредничество в совершении преступления в уголовном праве России XX столетия / А.Ю. Сунгатуллин // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2013. – № 1. – С. 27 – 34 (0,6 п.л.).

137. Сунгатуллин, А.Ю. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за посредничество в совершении преступления в середине XIX столетия / А.Ю. Сунгатуллин // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. Научные труды кафедры уголовного права. Вып. 3 / Под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РАП, 2013. – С. 81 – 93 (0,6 п.л.).

138. Таганцев, Н.С. Курс уголовного права. Вып. 1 / Н.С. Таганцев. – СПб., 1874. – 324 с.

139. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая / Н.С. Таганцев. – Тула, 2001. – Т. 1. – 287 с.

140. Таганцев, Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года / Н.С. Таганцев. – СПб., 1904. – 1125 с.

141. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. / Н.С. Таганцев. – Изд. 12-е, пересмотр. и допол. – СПб, 1904. – 977 с.

142. Таганцев, Н.С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд. 1885 года. / Н.С. Таганцев. – Изд. 21-е, допол. – СПб, 1913. – 630 с.

143. Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Тельнов. – М.: Юрид. лит., 1974. – 208 с.

144. Трайнин, А.Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин; составление, вступительная статья д.ю.н., проф. Н.Ф. Кузнецовой. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 898 с.

145. Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. – М., 1957. – 364 с.

146. Трайнин, А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву / А.Н. Трайнин. – М., 1951. – 388 с.

147. Трайнин, А.Н. Учение о соучастии / А.Н. Трайнин. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 158 с.
148. Тюнин, В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учебно-практическое пособие / В.И. Тюнин. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 384 с.
149. Уголовное законодательство Норвегии / Науч. ред. и вступ. статья д.ю.н., проф. Ю.В. Голика; перевод с норвежского А.В. Жмени. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 412 с.
150. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. В.К. Дуюнова. – М.: РИОР, 2008. – 651 с.
151. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. – М., 2005. – 420 с.
152. Уголовное право России. Практический курс: Учебник для студентов вузов / Под общ. ред. Р.А. Адельханяна; Под науч. ред. А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 752 с.
153. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2008. – 1232 с.
154. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.И. Рарога. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012. – 728 с.
155. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник / Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012. – 816 с.
156. Уголовное право России: в 2-х т. Т. 1: Общая часть / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 2005. – 456 с.
157. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2004. – 521 с.
158. Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н. М.П. Журавлева и к.ю.н. С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 816 с.
159. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / Отв. ред. д.ю.н., проф. И.Я. Козаченко и д.ю.н., проф. З.А. Незнамова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 436 с.

160. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2012. – 512 с.
161. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. – СПб., 1903. – 144 с.
162. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / Научное редактирование, предисловие д.ю.н., проф. И.М. Рагимова. Перевод с азербайджанского Б.Э. Аббасова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 325 с.
163. Уголовный кодекс Аргентины / Вступительная статья д.ю.н., проф. Ю.А. Голика. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 189 с.
164. Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. д.ю.н., заслуженный деятель науки РФ, проф. Б.В. Волженкин, пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 510 с.
165. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / Предисловие к.ю.н., зам. прокурора Санкт-Петербурга А.П. Стуканова, к.ю.н., зам. начальника управления прокуратуры С.-Петербурга П.Ю. Константинова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 386 с.
166. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Предисловие проф. Б.В. Волженкина; Обзорная статья А.В. Баркова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 474 с.
167. Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. к.ю.н., проф. А.И. Лукашова. Перевод с болгарского Д.В. Милушева, А.И. Лукашова; вступ. статья Й.И. Айдарова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 220 с.
168. Уголовный кодекс Республики Казахстан / Предисловие министра юстиции Республики Казахстан, д.ю.н., проф. И.И. Рогова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 466 с.
169. Уголовный кодекс Республики Корея / Науч. ред. и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева; перевод с корейского к.филол.наук В.В. Верхоляка. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 240 с.

170. Уголовный кодекс Республики Молдова / Вступительная статья к.ю.н. А.И. Лукашова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 408 с.
171. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. к.ю.н., доц. А.И. Лукашов, д.ю.н., проф. Н.Ф. Кузнецова; вступ. статья к.ю.н., доц. А.И. Лукашова, к.ю.н., проф. Э.А. Саркисовой; перевод с польского Д.А. Барилевич. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 234 с.
172. Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть. Постатейный научно-практический комментарий / Под ред. д.ю.н., проф. А.В. Наумова, д.ю.н., проф. А.Г. Кибальника. – М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2012. – 896 с.
173. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
174. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
175. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
176. Уголовный кодекс Турции / Предисловие к.ю.н., доц. Н. Сафарова и докт. права Х. Аджара. Науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 298 с.
177. Уголовный кодекс Украины / Научное редактирование и предисловие д.ю.н., проф. В.Я. Тация и д.ю.н., проф. В.В. Сташиса; перевод с украинского В.Ю. Гиленченко. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 393 с.
178. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. и вступ. статья д.ю.н., проф. Д.А. Шестакова; предисловие доктора права Г.-Г. Йешека; перевод с немецкого Н.С. Рачковой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 524 с.
179. Уголовный кодекс Франции / Науч. редактирование к.ю.н., доц. Л.В. Головки, к.ю.н., доц. Н.Е. Крыловой; перевод с французского и предисловие

к.ю.н., доц. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 650 с.

180. Уголовный кодекс Швейцарии / Научное редактирование, предисловие и перевод с немецкого к.ю.н. А.В. Серебренниковой. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 350 с.

181. Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 226 с.

182. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. – СПб., 1845. – 922 с.

183. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд-е 1866 г. – СПб., 1866 г. – 46 с.

184. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общ. ред. А.Э. Жалинского. – М., 2005. – 764 с.

185. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1900. – 421 с.

186. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. Пособие / сост. Ю.П. Титов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2008. – 464 с.

187. Чемеринский, К.В. Принципы криминализации общественно опасных деяний / К.В. Чемеринский // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 404-406.

188. Шарапов, Р.Д. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: Научно-практическое пособие / Р.Д. Шарапов. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2002. – 87 с.

189. Шаргородский, М.Д. Избранные работы по уголовному праву / М.Д. Шаргородский. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 434 с.

190. Шнитенков, А.В. Комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» (постатейный). Судебная практика / А.В. Шнитенков. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юстицинформ, 2011. – 120 с.

191. Яни, П.С. Ответственность за легализацию: нужен ли приговор по делу о предикатном преступлении? / П.С. Яни // Законность. – 2005. – № 8. – С. 13.

192. Яни, П.С. Посредничество во взяточничестве / П.С. Яни // Законность. – 2011. – № 9. – С. 15.

IV. Диссертации, авторефераты диссертаций

193. Аникин А.А. Взятничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Аникин Александр Александрович. – Владивосток, 2009. – 225 с.

194. Васюков В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Васюков Владимир Владимирович. – СПб., 2008. – 253 с.

195. Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Димченко Наталия Вячеславовна. – М., 2006. – 191 с.

196. Краснопеева Е.В. Взятничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Краснопеева Елена Владимировна. – М., 2002. – 242 с.

197. Кугатов А.Н. Посредничество в совершении преступлений: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кугатов Антон Николаевич. – М., 2015. – 190 с.

198. Наумов С.Н. Оценочные признаки соучастия в преступлении: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Наумов Семен Николаевич. – Краснодар, 2009. – 196 с.

199. Рясов А.В. Признак «использование служебного положения» и его уголовно-правовая оценка по уголовному законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Рясов Александр Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2010. – 24 с.

200. Семенов Д.А. Уголовно-правовая оценка подкупа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Семенов Денис Анатольевич. – М., 1999. – 277 с.
201. Тумаркина Л.П. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Тумаркина Людмила Павловна. – М., 2007. – 158 с.
202. Хитров И.А. Институт соучастия: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хитров Иван Александрович. – Ярославль, 2007. – 229 с.
203. Шалыгина Е.С. Коммерческий подкуп: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шалыгина Елена Сергеевна. – Челябинск, 2010. – 257 с.
204. Шеретов В.В. Противодействие взяточничеству: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шеретов Владимир Владимирович. – СПб., 2005. – 188 с.
205. Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шубина Вероника Юрьевна. – Краснодар, 2012. – 34 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Результаты анкетирования практикующих юристов
из числа сотрудников правоохранительных органов и судей**

173

№	Вопрос	Вариант ответа	Итоги
1.	Согласны ли Вы с тем, что посредничество в уголовном праве необходимо понимать как содействие достижению и реализации договоренности между двумя и более лицами о совершении преступления?	а) да б) нет в) затрудняюсь ответить	64 % 20 % 16 %
2.	Как Вы относитесь к предложению о дополнении ч. 1 ст. 33, чч. 3 и 4 ст. 34 УК РФ указанием на посредника, а также включении в ст. 33 УК РФ новой части 6, где изложить предложенное выше определение посредника в совершении преступления?	а) отрицательно б) положительно в) затрудняюсь ответить	20 % 58 % 22 %
3.	Действия посредника во взяточничестве, совмещавшего функции подстрекателя или пособника, подлежат квалификации ...	а) как посредничество во взяточничестве по совокупности с соучастием в получении-даче взятки б) только как посредничество во взяточничестве в) затрудняюсь ответить	25 % 63 % 12 %
4.	Действия посредника, выступившего одновременно организатором взяточничества, не ограничивающиеся организационными вопросами получения-дачи взятки, могут быть с учетом обстоятельств конкретного дела квалифицированы...	а) по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 291 ¹ и ч. 3 ст. 33, ст. 290 (291) УК РФ б) только как посредничество во взяточничестве в) иное г) затрудняюсь ответить	59 % 26 % 4 % 11 %
5.	Признак значительного размера взятки в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 291 ¹ УК РФ,	а) лишь к посредничеству в форме иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении	71 %

¹⁷³ В приложении не приводятся иные результаты, которые были получены при анкетировании сотрудников правоохранительных органов и судей, в частности, данные об их возрасте, образовательном уровне, месте жительства, профессиональном стаже, занимаемой должности и т.д.

	относится...	либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки б) к любому виду посредничества во взяточничестве в) затрудняюсь ответить	10 % 19 %
6.	Согласны ли Вы с предложением об исключении криминообразующего порога размера взятки в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 291 ¹ УК РФ?	а) нет б) да в) затрудняюсь ответить	13 % 77 % 10 %
7.	Моментом окончания посредничества во взяточничестве является ...	а) независимо от вида посредничества - момент достижения соглашения о взятке б) при непосредственной передаче – момент получения взятки, а при ином способствовании – момент достижения соглашения о взятке в) независимо от вида посредничества - момент получения взятки г) затрудняюсь ответить	4 % 14 % 79 % 3 %
8.	Обещание или предложение посредничества во взяточничестве является...	а) самостоятельным составом преступления б) квалифицированным видом посредничества во взяточничестве в) затрудняюсь ответить	62 % 29 % 9 %
9.	Имеет ли значение для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291 ¹ УК РФ, размер предполагаемой взятки?	а) да б) нет в) затрудняюсь ответить	5 % 77 % 18 %
10.	Согласитесь ли Вы с предложением об исключении ч. 5 из ст. 291 ¹ УК РФ?	а) нет б) да в) затрудняюсь ответить	11 % 75 % 14 %
11.	Считаете ли Вы необходимым установить самостоятельный уголовно-правовой запрет на посредничество в торговле	а) нет б) да в) затрудняюсь ответить	15 % 72 % 13 %

	людьми?		
12.	Считаете ли Вы целесообразным объединение составов, предусмотренных ст.ст. 174 и 174 ¹ УК РФ, в рамках одной статьи Особенной части УК РФ?	а) да б) нет в) затрудняюсь ответить	67 % 24 % 9 %
13.	Поддерживаете ли Вы предложение об установлении в ст. 186 УК РФ запрета на приобретение поддельных денег или ценных бумаг?	а) нет б) да в) затрудняюсь ответить	22 % 56 % 22 %
14.	Согласны ли Вы с тем, что существует потребность предусмотреть в УК РФ самостоятельную норму об ответственности за посредничество в незаконном обороте наркотиков?	а) да, согласен б) нет, не согласен в) затрудняюсь ответить	71 % 12 % 17 %

ПРИЛОЖЕНИЕ 2**Анкета изучения уголовного дела**

1. Наличие в приговоре сформулированного судом понятия посредничества в совершении преступления.

да – 5%

нет – 95%

2. Признаки посредничества, отраженные в приговоре:

содействие сторонам криминальной сделки – 75%

умышленный характер содействия – 66%

непосредственная передача предмета криминальной сделки – 38%

помощь в достижении преступного соглашения – 18%

совершение преступления в соучастии – 74%

3. Уголовно-правовая квалификация:

ст. 127¹ УК РФ – 3%

ст.ст. 174, 174¹ УК РФ – 3%

ст. 175 УК РФ – 4%

ст. 222 УК РФ – 6%

ст. 228 УК РФ – 12%

ст. 228¹ УК РФ – 11%

ст.ст. 290, 291 УК РФ – 7%

ст. 291¹ УК РФ – 54%

4. Посредничество в совершении преступления было квалифицировано:

по специальной норме об ответственности за посредничество – 54%

как пособничество – 38%

как подстрекательство – 4%

как организаторство – 4%

5. Отраженная в приговоре мотивация действий посредника:

корыстная заинтересованность – 23%

иная личная заинтересованность – 22%

не отражалась – 55%

6. Квалификация действий посредника в криминальной сделке:

по норме об ответственности за сбыт предмета – 36%

по норме об ответственности за приобретение предмета – 64%

7. Установление признака значительного размера взятки при посредничестве:

выявлялся – 26%

не выявлялся – 74%

8. Квалификация действий посредника в торговле людьми:

исполнитель преступления – 42%

пособник преступления – 42%

иной соучастник преступления -16%

9. Квалификация действий посредника в приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем:

исполнитель преступления – 19%

пособник преступления – 69%

иной соучастник преступления – 12%

10. Наличие в приговоре отграничения посредничества от иных видов соучастников:

имело место – 10%

отсутствовало – 90%